

ISSN 2075-7794 | 2017 | Vol. 29 | Is. 1

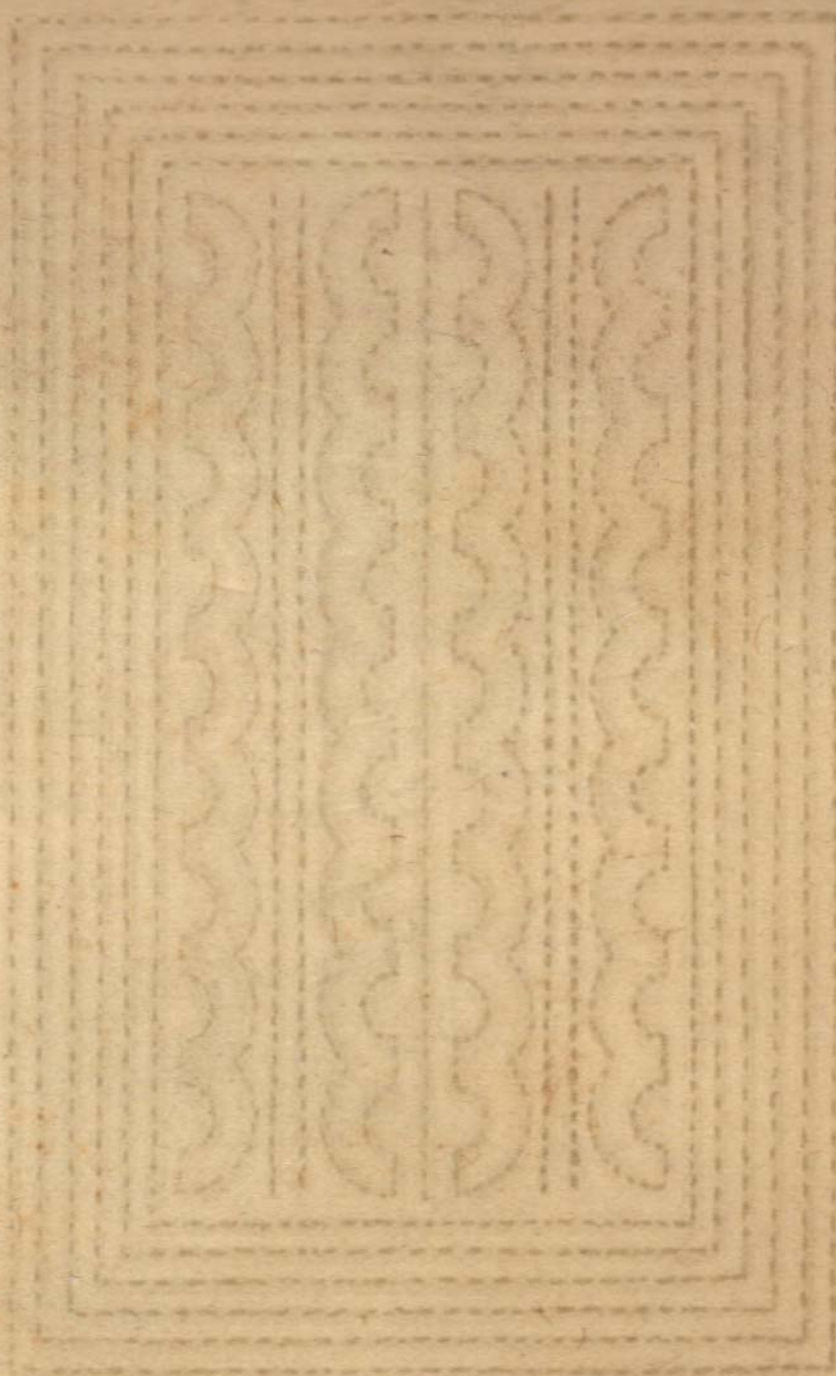

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН»

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2017. Vol. 29. Iss. 1
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology V. Kukanova

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History U. Ochirov

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph. D. of History M. Balzer (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History N. Bugai (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus), Ph. D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History K. Maksimov (Elista, Russia),
Ph. D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia),
Ph. D. of Philology Chao Gejin (China), Ph. D. of History D. Schorkowitz (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kh. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph. D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),
Ph. D. of Philology G. Piurbeev (Moscow), Ph. D. of History V. Trepavlov (Moscow)
Ph. D. of Sociology G. Denisova (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology N. Dulina (Volgograd)

Ph. D. of History E. Badmaeva, Ph. D. of History E. Bakaeva,
Ph. D. of Philology T. Basangova, Ph. D. of Philology E. Bembeev,
Ph. D. of Philosophy B. Bicheev, Ph. D. of Economics E. Mantaeva,
Ph. D. of Philology D. Muzraeva, Ph. D. of Sociology A. Ovshinov,
Ph. D. of Philology E. Omarkaeva, Ph. D. of Pedagogy B. Salaev (Elista, Russia)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

National History

Fionin M. History of the Arabic Christian Manuscripts Collection of Gregory IV of Antioch: a Review of Unpublished Materials from the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS 2

Khovalyg S. Social Organization of the Traditional Tuvan Community in the Mid-18th – Early 20th Centuries: Peculiarities of Formation and Transformation 10

Kidirniyazov D., Abasova A. Taxes and Duties of the Nogai People in the 19th Century 21

Ivanova G. Illiteracy Eradication Policies in the USSR in the 1950–1960s. 27

Maksimov K. From the Khrushchev Thaw to Political Rehabilitation of the Kalmyk People: Restoration of the Autonomy 38

Ethnology & Anthropology

Manichkin N. Some Modern Magical Rites of the Kyrgyz People: a Shamanistic Perspective. 48

Aiyzhy E. Tuvans of Russia, Mongolia and China: Forms of Family and Marriage 58

FOLKLORE & LITERARY STUDIES

Folklore Studies

Nadbitova I. The Artistic World of Kalmyk Household Fairy Tales . . . 67

Literary Studies

Mamieva I. Concepts of the Mental Sphere in K. L. Khetagurov's Works 75

SOCIOLOGY

Makarova G. An Insight into Regional Identity: Sociological Research Program Revisited 84

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 2–9, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-2-9
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930.2

History of the Arabic Christian Manuscripts Collection of Gregory IV of Antioch: a Review of Unpublished Materials from the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

Maxim V. Fionin ¹

¹ M. A. in Linguistics, Postgraduate Student, Senior Research Assistant, Archives of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: maxfionin@mail.ru.

Abstract

The article provides an overview of documents in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences that contain important information about the history of the manuscripts collection of Gregory IV of Antioch (Haddad) in the early 20th century. The collection of Arabic Christian manuscripts was gifted by Gregory IV to the Russian Emperor Nicholas II during the former's visit to Saint Petersburg on the occasion of the Romanov Tercentenary. Entering His Majesty's personal library at the Winter Palace, the collection immediately caught the attention of researchers. One of the first scholars to be granted access to it was the future academician I. Yu. Krachkovsky. He soon created a short catalogue of the collection which was published in 1927 in the 2nd volume of the *Bulletin of the Caucasian Historical-Archaeological Institute in Tiflis*. It has hitherto been assumed that only Krachkovsky's early draft has survived which is stored at the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. However, the author of the article has been able to discover unknown drafts by Krachkovsky in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts. The notes dating from 1919 allow for the conclusion that Krachkovsky had completed at least two draft versions of the catalogue of the manuscripts of Patriarch of Antioch. Moreover, we can confirm that it was precisely this 1919 draft which served the basis for the 1927 publication since the earlier drafts were located then in Leiden with the Slavacist Nicolaas van Wijk, with whom Krachkovsky had left them together with other luggage when he had had to leave for St. Petersburg in a hurry. Krachkovsky was forced to cut short his study trip to Europe because of the outbreak of WWI. In 1919, he continued his work on the catalogue of the manuscripts collection of the Patriarch of Antioch, whose collection had by then already been moved from the Winter Palace to the Asiatic Museum. Unfortunately, Nicolaas van Wijk was unable to send the drafts to Krachkovsky in time, so that the latter had to begin the work on the catalogue from zero. Using the example of Krachkovsky's description of a 12th century Greek lectionary manuscript, the article attempts a comparative analysis of fragments of the 1914 and 1919 drafts. The paper proves that the basis for the short descriptive catalogue of Gregory IV's manuscripts collection published in 1927 was the previously unknown 1919 draft. Furthermore, the paper reviews previously unpublished materials from the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, which are linked to Gregory IV's collection of Arabic Christian manuscripts, such as a copy of the list

of manuscripts that was compiled upon their transfer to the Asiatic Museum in 1919, and information about the official accounts of the activities of the Asiatic Museum and others.

Keywords: manuscripts, archives, I. Yu. Krachkovskiy, Gregory IV of Antioch, Archive of the Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

В период с 2006 по 2015 гг. вышло несколько монографий и статей, посвященных или в которых упоминается история коллекции рукописей антиохийского патриарха Григория IV. Среди них можно выделить две статьи Ю. А. Пятницкого [Пятницкий 2014; Ryatnitsky 2013], монографию Н. Н. Лисового [Лисовой 2006], работу М. И. Якушева [Якушев 2013] и готовящийся к печати каталог арабо-христианских рукописей из собрания ИВР РАН [Polosin Val., Polosin V., Frantsouzoff S., Serikoff N.]. История коллекции в этих работах представлена достаточно подробно, авторы опираются на материалы из архивных собраний Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Государственного Эрмитажа и Российского государственного исторического архива (РГИА), тем не менее, на сегодняшний день остается ряд неясностей, часть которых мы постараемся прояснить в настоящей статье.

В работе мы будем опираться на малоизвестные материалы Архива востоковедов Института восточных рукописей (далее — ИВР) РАН, относящиеся к коллекции арабо-христианских рукописей антиохийского патриарха Григория IV. Конечно, нельзя сказать, что единицы хранения архива имеют первостепенное значение, тем не менее, они дают ряд важных уточнений к истории передачи коллекции патриарха в Азиатский Музей. Сначала дадим обзор этих документов.

Автору удалось выделить пять единиц хранения Архива востоковедов ИВР РАН, относящихся к рукописям Григория IV: ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 71; ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 75; ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 107; ф. 152, оп. 2, ед. хр. 113; ф. 152, оп. 2, ед. хр. 121. В первых трех есть сведения о приобретении Азиатским музеем коллекции Антиохийского патриарха, а две другие, представляющие наибольший интерес и ценность, — это список этих рукописей и краткое описание (принадлежащее акад. И. Ю. Крачковскому), выполненные в 1919 г.

Первое упоминание о коллекции патриарха Григория IV находится в сводном документе о поступлениях Азиатского Музея за 1918–1924 гг.: «Особенно ценные обогатили Азиатского музея. 12. II. 1924. <...> 1919 г. Собрание арабских рукописей патриарха Антиохийского Григория IV (42 pp^o), переданные из бывшего собрания собственной его величества библиотеки» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 71. Л. 5].

Несмотря на то, что крайняя дата дела обозначена 1923 г., упоминание коллекции патриарха находится на листе, датированном 12 февраля 1924 г.¹

Другое упоминание собрания Григория IV находится в «Выписке из протокола заседания Академии Наук от 10 сентября 1924; Петроград 15 сентября 1924 № 2128»: «И. Ю. Крачковский просил о выпуске отдельным оттиском из Христианского Востока 1) описи рукописей патриарха Григория IV, находящихся в АМ (Азиатском музее — М. Ф.), и 2) статьи о грамоте патриарха Иоакима IV антиохийского. Положено отпечатать с отнесением ½ расходов на средства АМ. Академик Секретарь И. Крачковский» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 75. Л. 38].

В ноябре 1924 г. действительно вышли оттиски статей с кратким описанием коллекции рукописей патриарха Григория IV и о грамоте патриарха Иоакима IV тиражом 95 экземпляров [Крачковский 1924]. И. Ю. Крачковский отправил черновики своих статей в журнал «Христианский Восток» ещё в 1919 г., после того как коллекция при его активном участии была передана в Азиатский музей [Крачковский 1955: 45; Пятницкий 2014: 324–330]. Седьмой номер журнала существовал в виде корректурного тома, но в те годы публикация не состоялась, поэтому И. Ю. Крачковский ходатайствовал о выпуске двух своих статей отдельными оттисками, что и было выполнено. В 1927 г.

¹ Рядом с записью о коллекции Григория IV стоит пометка «покупные», что наводит на мысль об оплате при передаче рукописей в Азиатский музей.

практически все материалы седьмого тома «Христианского Востока», включая статьи И. Ю. Крачковского, вышли в свет, в составе 2-го тома «Известий Кавказского историко-археологического института в Тифлисе» [Марр 1927: III–IV; Пятницкий 2014: 330].

Следующая запись о коллекции Антиохийского патриарха находится в деле «Историческая справка о Азиатском музее и краткий обзор его деятельности с 1917 по 1927 гг.» На л. 2 документа есть упоминание собрания Григория IV: «Собрание мусульманской печати и литографий значительно уступает собранию рукописей. В течение последнего десятилетия мусульманский отдел обогатился весьма ценными приобретениями. Так, в 1919 г. поступило из Зимнего Дворца собрание преимущественно арабских рукописей патриарха антиохийского Григория IV и приобретена коллекция рукописей и литографий Жуковского» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 107. Л. 3]. Эта историческая справка с отчетом о деятельности Азиатского музея за 1917–1927 гг. была представлена в Академию наук в октябре 1927 г.

Наибольший интерес представляют две другие единицы хранения Архива востоковедов ИВР РАН — «Список арабских рукописей...» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 1–3] и «Список рукописей патриарха Григория IV» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 1–44].

Первая из них представляет собой автограф неустановленного лица со списком коллекции Григория IV. На л. 1 документа можно прочесть следующее: «Список арабских рукописей, подлежащих передаче из библиотеки Зимнего дворца в Азиатский Музей Российской Академии Наук, на основании отношения в Библ. Секцию Комиссии по охране памятников искусства и старины от 8 II 1919 г. за № 183/15 и удостоверения Академии Наук на имя И. Ю. Крачковского от 3 II 1919 г. за № 165».

Даты, указанные в документе, соответствуют времени, сообщаемому И. Ю. Крачковским в книге «Над арабскими рукописями», где автор повествует о событиях февраля 1919 г., когда коллекция патриарха была перевезена им в Азиатский музей [Крачковский 1955: 45]. Несомненно, что этот документ представляет собой копию с оригинала списка рукописей патриарха Григория, ныне хранящегося в архиве Государственного Эрмитажа. В отличие от копии, подлинник подписан Заведующим

библиотеками отдела имущества республики В. В. Гельмерсеном и самим И. Ю. Крачковским, возглавлявшим в те годы Мусульманский отдел Азиатского музея при посредничестве уполномоченного по 2-й секции Отдела по охране памятников старины и искусства Наркомпроса [Архив ГЭ. Ф. 2. Оп. XIV-Б. Ед. хр. 1. Л. 1–2 об.]¹.

И, наконец, стоит упомянуть об очень важном «Списке рукописей патриарха Григория IV» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 121]. Единица хранения представляет собой автограф И. Ю. Крачковского, выполненный простым карандашом. Листы разного формата (в основном 14 x 22 см), на оборотах можно встретить записки или фрагменты писем известных востоковедов². На некоторых листах имеется гриф Российской академии наук. Иногда на оборотной стороне некоторых листов можно прочесть фамилии академиков и востоковедов, написанные рукой Крачковского: Freumann (академик А. А. Фрейман), von Stackelberg (барон Р. Р. фон Штакельберг, иранист), Massignon (Луи Массиньон, арабист), Windisch (Эрнст Виндиш, санскритолог), Коковцов (П. К. Коковцов, семитолог), Rosen (академик барон В. Р. Розен) и др.

По содержанию рассматриваемые листы этой единицы хранения представляют собой краткое описание коллекции рукописей патриарха Григория IV ал-Хаддада. Известно, что в фонде И. Ю. Крачковского СПбФ АРАН хранятся другие заметки о данном собрании [СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 246]. Возникает вопрос, каким образом связаны эти два документа?

¹ Подпись уполномоченного неразборчива. Как явствует из записи В. В. Гельмерсена, под библиотеками отдела имущества Республики понимаются бывшие собственные Его Величества библиотеки и арсеналы. См. л. 2 об. этого документа.

² Например, фрагмент письма академика А. А. Шахматова член-корр. В. Т. Шевякову на л. 26 об., письмо армяноведа К. П. Патканова акад. К. Г. Залеману 24 мая (год не указан) на л. 12 об., записка востоковеда П. Горна на нем яз. от 4 сент. 1902 на л. 23 об., письмо проф. Г. С. Дестуниса акад. К. Г. Залеману от 5 марта 1889 г. на л. 22 об., конверт телеграммы акад. К. Г. Залеману от Императорского Географического общества 12 дек 1908 г. на л. 37 об., а также переписанный акад. К. Г. Залеманом на лат. яз. фрагмент книги доктора Франциска Хеслера на л. 35 об., 36 об. См. [Hessler F. 1844–1846].

И. Ю. Крачковский в предисловии к краткому каталогу, а также в своей поздней работе «Над арабскими рукописями», говорит о том, что им было составлено два описания рукописей коллекции [Крачковский 1927: 6–7; Крачковский 1955: 45]. Первое, выполненное в 1914 г., он оставил в Лейдене у своего знакомого, слависта Н. ван Вейка, поскольку был вынужден срочно покинуть Европу: начиналась Первая мировая война [Долинина 1994: 133; Долинина 2010: 346–347; Пятницкий 2014: 326–330]. Второе описание было сделано И. Ю. Крачковским в 1919 г., сразу после передачи коллекции Григория IV в Азиатский музей.

А. А. Долинина убедительно доказала, что список рукописей коллекции Григория IV из собрания СПбФ АРАН является ранним (1914 г.) [Долинина 2010: 346–348]. Этот ранний каталог находился в Лейдене до 1925 г., когда черновики вместе с другими документами и книгами были отправлены ван Вейком в Петроград [Долинина 2010: 347].

В 1919 г. И. Ю. Крачковский сделал новое описание рукописей коллекции Григория IV, поскольку ранние черновики еще находились в Голландии. Важно отметить, что исследователям не удалось до настоящего времени найти место хранения поздних черновиков, выполненных в Петрогра-

де уже после передачи рукописей в Азиатский музей.

Биограф И. Ю. Крачковского А. А. Долинина упоминает черновики 1919 г. и в монографии «Невольник долга», и в статье, посвященной собранию арабо-христианских рукописей Азиатского музея, но не сообщает, в каком архиве они находятся. Более того, Вал. В. Полосин, занимавшийся коллекцией патриарха, пишет в своей статье 2009 г., что «следов этого каталога в архиве Крачковского пока не найдено»¹ [Полосин 2009: 73–74].

В 2016 г. в Архиве востоковедов ИВР РАН нами были обнаружены черновики «Списка рукописей патриарха Григория IV», и можно допустить, что документ нашего архива есть не что иное, как второй черновик, который лег в основу публикации оттисков 1924 г. «Христианского Востока», а позднее, в 1927 г., был воспроизведен в «Известиях Кавказского историко-археологического общества». Покажем это на примере сравнения описания греческого лекционария (современный шифр D 227) из коллекции арабо-христианских рукописей Григория IV в черновиках 1914 г., хранящихся в СПбФ АРАН, с описанием из Архива востоковедов ИВР РАН и текстом публикации 1924–1927 гг.:

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 119.	АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 4.	<i>Крачковский И. Ю.</i> Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского: Из тома VII «Христианского Востока» 1921–1924. Л.: Изд-во Рос. АН, 1924. С. 7–8.
4. 4 Евангелия на греч. языке на 308 листах пергамента. Книга была пожертвована кафедральной церкви св. Сергия, Левандия, Вакха в Босре в 6864 г. от сотв. мира (1356 г. по Р.Х.) и в 1418 году подновлена патриархом Иоакимом. Восточный плохой переплет поздний. 32x22. 24 стр. по 2 столбца. (В 1884 г. была перенесена в монастырь св. Георгия ал-Хумайра. Восточный переплет, конец сильно пострадал). Дарственная запись в конце и разбирается предположительно.	Патр. 4 (инв. 16) Евангелие на греч. языке, пергамент с лакунами ок. 318 л., пожертвовано церкви Сергия, Вакха, Леонтия в Босре в 6852 (1344) г. реставрировано Иоакимом в 6926 (1418) г. 2-ой половины XI в. Церетели.	Евангелие на греческом языке, вероятно XI века (по определению Г. Ф. Церетели). Около 318 листов с лакунами. Приписки гласят, что оно пожертвовано в церковь св. Сергия, Вакха, Леонтия в Босре в 6852 (1344) г., было реставрировано патриархом Иоакимом в 6926 (1418) г.
Приписки в начале говорят о 6852 и 1344 гг. В конце требовали бы специального изучения. В конце и начале сильно пострадала.		

¹ Все же заметим, что, по-видимому, Вал. В. Полосин скорее всего имел в виду не второй, поздний, каталог, опубликованный в 1924 г., а первоначальный 1914 г., присланный в

1925 г. ван Вейком из Лейдена, но А. А. Долинина доказала, как мы уже писали выше, что хранящийся в СПбФ АРАН каталог является первоначальным 1914 г. [Долинина 2010: 346–348].

Как видно из таблицы, ближе всего к оттиску 1924 г. — черновики Архива востоковедов ИВР РАН, тем не менее, нельзя сказать, что они абсолютно идентичны опубликованному варианту. Вполне возможно, что чистовой автограф так и остался в издательстве «Христианского Востока», а мы имеем дело с предварительными записями 1919 г. В пользу датировки этого документа 1919 г. говорит то, что И. Ю. Крачковский нумеровал описываемые им рукописи согласно Инвентарю Азиатского Музея 1919 г. [Инвентарь], в ранних черновиках сохранена нумерация, присвоенная в императорской библиотеке Зимнего дворца (например, греч. лекционарий имеет номер 4 и т. д.)¹. Эта Инвентарная книга сохранилась в Отделе рукописей и документов ИВР РАН, и в разделе, относящемся к 1919 г., читаем: «1919 г. Собрание рукописей патриарха Антиохийского Григория IV, переданные из бывш. Собственной Его Величества библиотеки в Зимнем Дворце (см. прилож. к прот. V заседания Отдела Истор. наук и филологии 8 марта 1918 г. = Изв. Акад. Н. 1917, 619–620 и проток. X зас. Отд. Ист. наук и филол. 18(5) сентября 1918 г. = Изв. Ак. Н. 1918, 1732. 18 февраля 1919 г.»² Далее следует список книг коллекции с инвентарными номерами, начиная с 13-го, греческому лекционарию присвоен номер 16; ту же нумерацию находим и в черновиках из Архива востоковедов ИВР РАН. Следовательно, описание коллекции Григория IV, хранящееся ныне в ИВР РАН, не могло быть составлено ранее присвоения инвентарных номеров, т. е. ранее 18 февраля 1919 г., а значит, перед нами основа публикации каталога арабо-христианских рукописей Григория IV 1924–1927 гг.³

Итак, введение в научный оборот ранее неопубликованных и считавшихся утерянными черновиков И. Ю. Крачковского, на-

писанных им в 1919 г., является важным дополнением к исследованиям арабо-христианских рукописей коллекции Григория IV в XX в. Датировка черновых записей 1919 г. вносит ясность в хронологическую последовательность черновых заметок описания коллекции. Надеемся, что введенные в научный оборот черновики 1919 г. будут интересны исследователям, занимающимся историей собрания арабо-христианских рукописей патриарха Григория IV, ныне хранящихся в ИВР РАН.

Источники

- Архив ГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. XIV-Б. Ед. хр. 1.
 АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН:
 Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 71 «Отчет о работе Азиатского музея за 1918–1923 гг.».
 Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 75 «Выписка из протоколов (журналов) заседаний Правления РАН и циркуляры по деятельности Азиатского музея».
 Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 107 «Историческая справка о Азиатском музее и краткий обзор его деятельности с 1917 по 1927 гг.»
 Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 113 «Список арабских рукописей...».
 Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 121 «Список рукописей патриарха Григория IV».
 Инвентарь Азиатского музея 1919 г.
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 246 «О рукописях Азиатского музея (Зимний дворец). Список, описание, комментарии и др. На арабск., нем. и русск. яз.».

Литература

- Долинина А. А. Как формировалась коллекция христианско-арабских рукописей Института востоковедения РАН // Арабски: избранные научные статьи. СПб.: Нестор История, 2010. С. 344–349.
 Долинина А. А. Невольник долга. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 457 с.
 Крачковский И. Ю. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского: Из тома VII «Христианского Востока» 1921–1924. Л.: Изд-во Рос. АН, 1924. 20 с.
 Крачковский И. Ю. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. II. (1918–1925). Тифлис, 1927. С. 1–20.

¹ Подробнее о списке коллекции, составленном сотрудниками Императорской библиотеки, см. [Пятницкий 2015: 317–320].

² Отд. рук. и документов ИВР РАН. Инвентарь 1919 г. Л. 146 об.–147 об. Запись о поступлении коллекции в Азиатский музей выполнена И. Ю. Крачковским. В этой записи есть ссылки на два документа Академии наук о передаче рукописей из Зимнего дворца в Азиатский музей, оба подробно рассмотрены И. Ю. Пятницким. [Пятницкий 2015: 327–328].

³ К сожалению, в черновиках 1919 г. из ИВР РАН отсутствует предисловие к публикации.

- Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях / Избранные сочинения в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 39–45.
- Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.
- Март Н. Я. Предисловие // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. II. Тифлис, 1927. С. III–V.
- Полосин Вал. В. Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (возвращение к давнишней дискуссии) // Христианский Восток (новая серия). Т. 5 (XII). М.: Индрик, 2009. С. 71–91.
- Пятницкий Ю. А. Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909–1914 г. // Исследования по Аравии и исламу. Сб. ст. в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. СПб.: Гос. музей Востока, 2014. С. 280–335.
- Якушев М. И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. 536 с.
- Polosin Val., Polosin V., Frantsouzoff S., Serikoff N. A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts Preserved in the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Leuven (forthcoming).
- Pyatnitsky Y. “...will have their day!” The Collection of the Christian Arabic Manuscripts of Gregory IV of Antioch in St Petersburg // Eastern Christian Art. 2013. Vol. 8. P. 121–147.
- Hessler F. Suśrutās. Ayurvedas. Id est Medicinæ systema a venerabili D’hanvantare demonstratum, a Suśruta discipulo compositum. Nunc primum ex sanskrīta in latinum sermonem vertit, introductionem, annotationes et rerum indicem adjecit Dr. Franciscus Hessler. Erlangae: Apud F. Enke, 1844–1846. P. 40.
- Sources**
- Arkhir GE — *Arkhir Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Archive of the State Hermitage Museum]. F. 2. Op. XIV-B. Archival unit 1.
- AV IVR RAN — *Arkhir vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisey RAN* [The Archives of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts (RAS)]:
- F. 152. Op. 1a. Archival unit 71 — *Otchet o rabote Aziatskogo muzeya za 1918–1923 gg.* [Report on work of the Asiatic Museum from 1918 to 1923] (In Russ.).
- F. 152. Op. 1a. Archival unit 75 — *Vypiska iz protokolov (zhurnalov) zasedaniy Pravleniya RAN i tsirkulyary po deyatelnosti Aziatskogo muzeya* [An excerpt from records (journals) of RAS board meetings and circular notes on the activities of the Asiatic Museum] (In Russ.).
- F. 152. Op. 1a. Archival unit 107 — *Istoricheskaya spravka o Aziatskom muzee i kratkiy obzor ego deyatelnosti s 1917 po 1927 gg.* [A historical note on the Asiatic Museum and a brief review of its activities from 1917 to 1927] (In Russ.).
- F. 152. Op. 2. Archival unit 113 — *Spisok arabskikh rukopisey...* [List of Arabian manuscripts ...] (In Russ.).
- F. 152. Op. 2. Archival unit 121 — *Spisok rukopisey patriarkha Grigoriya IV* [List of manuscripts of Gregory IV of Antioch] (In Russ.).
- Inventar’ Aziatskogo muzeya 1919 g.* [Inventory of the Asiatic Museum’s collection as of 1919].
- SPbF ARAN — *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS]. F. 1026.
- Op. 1. Archival unit 246 — *O rukopisyakh Aziatskogo muzeya (Zimniy dvorets). Spisok, opisanie, kommentarii i dr. Na arabsk., nem. i russk. yaz.* [Manuscripts of the Asiatic Museum (Winter Palace): list, description, comments, etc. In Arab., Germ. and Russ.].
- References**
- Dolinina A. A. *Kak formirovalas’ kolleksiya khristiansko-arabskikh rukopisey Instituta vostokovedeniya RAN* [The collection of Arabic Christian manuscripts: history of formation]. *Arabeski: izbrannye nauchnye stat’i* [Arabeski: selected scholarly articles]. St. Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2010, pp. 344–349 (In Russ.).
- Dolinina A. A. *Nevol’nik dolga* [Bound by duty]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1994, 457 p. (In Russ.).
- Kratchkovskiy I. Yu. *Arabskie rukopisi iz sobraniya Grigoriya IV, patriarkha antiokhiyskogo: Iz toma VII «Khristianskogo Vostoka» 1921–1924* [Arabic manuscripts from the collection of Gregory IV of Antioch: excerpts from vol. 7 ‘Christianity in the Orient’]. Leningrad, Publ. House of the RAS, 1924, 20 p. (In Russ.).
- Kratchkovskiy I. Yu. *Arabskie rukopisi iz sobraniya Grigoriya IV, patriarkha antiokhiyskogo* [Arabic manuscripts from the collection of Gregory IV of Antioch]. *Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta v Tiflise. T. II (1918–1925)* [Proceedings of the Caucasus (Tiflis) Institute of History and Archaeology. Vol. 2 (1918–1925)]. Tiflis (Tbilisi), 1927, pp. 1–20 (In Russ.).

- Krachkovskiy I. Yu. *Nad arabskimi rukopisyami. Listki vospominaniy o knigakh i lyudyakh* [Working on Arabic manuscripts. Memoirs about books and people]. *Izbrannye sochineniya v 6 t. T. 1* [Selected papers. In 6 vol. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1955, pp. 39–45 (In Russ.).
- Lisovoy N. N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX — nachale XX v.* [Russia's spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th–early 20th cc.]. Moscow, Indrik Publ., 2006, 512 p. (In Russ.).
- Marr N. Ya. *Predislovie* [Foreword]. *Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta v Tiflise. T. II* [Proceedings of the Caucasus (Tiflis) Institute of History and Archaeology. Vol. 2]. Tiflis (Tbilisi), 1927, pp. III–V (In Russ.).
- Polosin Val. V. *Stareyshaya rukopis' polnoy Biblii na arabском yazyke (vozvrashchenie k davnishney diskussii)* [The oldest Arabic manuscript of the Bible]. *Khristianskiy Vostok (novaya seriya)* (The Christian Orient. New Series), vol. 5 (XII), Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 71–91 (In Russ.).
- Pyatnitsky Yu. A. *Antiokhiyskiy patriarkh Grigoriy IV i Rossiya: 1909–1914 g.* [Gregory IV of Antioch and Russia: 1900–1914]. *Issledovaniya po Aravii i islamu. Sb. st. v chest' 70-letiya Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo* [Arabian and Islamic studies. A collection of articles celebrating the 70th anniversary of M. B. Piotrovsky]. St. Petersburg, Publ. Office of State Museum of Oriental Art, 2014, pp. 280–335 (In Russ.).
- Yakushev M. I. *Antiokhiyskiy i Ierusalimskiy patriarkhaty v politike Rossiyskoy imperii. 1830-e — nachalo XX veka* [The Patriarchates of Antioch and Jerusalem in the Russian Empire's policies, the 1830s–early 20th c.]. Moscow, Indrik Publ., 2013, 536 p. (In Russ.).
- Polosin Val., Polosin V., Frantsouzoff S., Serikoff N. A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts Preserved in the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Leuven (forthcoming) (In Eng.).
- Pyatnitsky Y. “...will have their day!” The Collection of the Christian Arabic Manuscripts of Gregory IV of Antioch in St Petersburg. *Eastern Christian Art*, 2013, vol. 8, pp. 121–147 (In Eng.).
- Hessler F. Suśrutas. *Ayurvedas. Id est Medicinae systema a venerabili D'hanvantare demonstratum, a Suśruta discipulo compositum. Nunc primum ex sanskrita in latinum sermonem vertit, introductionem, annotationes et rerum indicem adjecit Dr. Franciscus Hessler* [Suśrutas. Ayurvedas, a system of medicine, demonstrated by Ven. D'hanvantare to the disciple Susruta, who composed this. Transl. for the first time from Sanskrit into Latin, introduction, notes and index by Dr. Francis Hessler]. Erlangen, Apud F. Enke Publ., 1844–1846, p. 40 (In Latin).

УДК 930.2

ОБЗОР НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ ИВР РАН ПО ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИИ АРАБО-ХРИСТИАНСКИХ РУКОПИСЕЙ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА ГРИГОРИЯ IV

Максим Владимирович Фионин¹

¹ магистр лингвистики, аспирант, старший лаборант, Архив востоковедов, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: maxfionin@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору документов Архива востоковедов ИВР РАН, содержащих важную информацию об истории коллекции рукописей антиохийского патриарха Григория IV в начале XX в. Одним из первых доступ к рукописям получил арабист, будущий академик, И. Ю. Крачковский. Долгое время считалось, что сохранились только ранние черновики И. Ю. Крачковского, ныне хранящиеся в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук. Автору статьи удалось обнаружить в Архиве востоковедов ИВР РАН другие, ранее

неизвестные, черновики руки И. Ю. Крачковского. Эти записи датируются 1919 г. Найденные материалы позволяют утверждать, что И. Ю. Крачковский дважды составлял черновой вариант каталога рукописей антиохийского патриарха. Более того, именно открытые записи 1919 г. легли в основу публикации 1927 г., так как ранние черновики находились в те годы в Лейдене у слависта Н. ван Вейка. В феврале 1919 г. вся коллекция Григория IV была уже перевезена из Зимнего дворца в Азиатский Музей. К сожалению, оставленные в Лейдене черновики славист Ван Вейк не мог выслать в то время, поэтому И. Ю. Крачковский был вынужден начать работу над составлением краткого каталога заново.

На примере описания И. Ю. Крачковским греческой лекционной рукописи XII в. в статье приводится сравнительный анализ фрагментов черновых записей 1914 и 1919 гг. Автор убедительно доказывает, что основой краткого каталога коллекции, опубликованного в 1927 г., стали ранее неизвестные черновики 1919 г.

Также в статье рассматриваются ранее неопубликованные материалы из Архива востоковедов ИВР РАН, связанные с коллекцией арабо-христианских рукописей антиохийского патриарха Григория IV. Среди них: копия списка рукописей, составленная при передаче собрания в Азиатский Музей в 1919 г., сведения о коллекции в отчетах разных лет о деятельности Азиатского Музея и др.

Ключевые слова: арабо-христианские рукописи, архивы, И. Ю. Крачковский, Григорий IV Антиохийский, Архив востоковедов, ИВР РАН.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 10–20, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-10-20
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 929.733

Social Organization of the Traditional Tuvan Community in the Mid-18th – Early 20th Centuries: Peculiarities of Formation and Transformation

Salimaa S. Khovalyg ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Records Management and Archival Science, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: salimaa@mail.ru.

Abstract

The article aims to study peculiarities in the formation and evolution of the Tuvan traditional social structure under the Qing rule (1757–1912). With evidence from archival sources, the paper investigates historical conditions for the formation of different social strata and shows characteristic features of social organization within the traditional Tuvan society. Once the Manchu Qing dynasty took control over the territory of Tuvan tribes, administrative and territorial reforms were initiated, new military ranks were introduced, and titles of nobility, insignia gradually began displacing the old titles and ranks. The Buddhist *khuree* temples were also constructed on the territory of Tannu-Tuva. The changes greatly affected the social organization which had existed within the traditional Tuvan society.

The key feature of the formation of social organization in the mid-18th century was that new social strata were introduced into the structure of the traditional Tuvan society, namely: the princely class (Tuvan and Mongolian princes), Buddhist clergy, and bureaucracy. The author determines that officials made a special privileged group whose legal status depended on the position and quality of performance of corresponding duties. Since the mid-18th century, the basis of the social system was the territorial organization resulting from the 1759 administrative reform. Transformation of the social structure of the traditional nomadic civilization in the early 20th century lead to further changes in the political organization of society and culture. Under the influence of modernization processes that took place in Tannu-Tuva since the beginning of the 20th century there was further social stratification caused by substantial property inequality. The newly marginal strata within the traditional Tuvan society resulted from fiscal policies of the Qing Empire, nomadic pastoralism and extensive penetration of elements of industrial civilization in Tuva: construction of gold mines by Russian entrepreneurs, establishment of salt works and maral farms. The paper describes the history of the formation and transformation of the social organization of the traditional Tuvan society characterizing each social layer and its legal status.

The novelty of the article is that it is the first attempt to analyze the Tuvan traditional social structure, reveal its composition and hierarchy of ranks and degrees in Tuva from the mid-18th to the 20th centuries.

Keywords: Tuva, historiography, social structure, estates, state apparatus, official, public administration, *ambyn-noyon*, *khoshun*, *uger-da*, *noyon*, *tabunang (efu)*, ‘imperial son-in-law’, *bugude-darga*.

Целью статьи является анализ социальной организации традиционного тувинского общества в середине XVIII–XX вв., его формирования и дальнейшей трансформации.

В историографии Тувы, несмотря на наличие обширных трудов по истории, этнографии, культуре, социально-экономическому развитию, все же не предпринимались попытки комплексного анализа истории формирования и трансформации социальной организации тувинского традиционного общества, хотя ее отдельные элементы отчасти рассматривались учеными. Исследуемые вопросы были отражены в историографии Тувы, которая делится на три этапа: 1) со второй половины XIX в. до первого десятилетия XX в.; 2) с 20-х гг. до начала 90-х гг. XX в.; 3) с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

На первом этапе стоит выделить работы этнографического характера, составленные этнографами, географами и филологами. Исследователи изучали не столько историю тувинского народа и, тем более, общественную организацию, формирование и развитие отдельных социальных групп и слоев, сколько описывали административно-территориальное деление, определяли родовые группы, изучали традиции, обычаи, прикладное искусство, антропологический облик, тщательно документировали народный фольклор [Бичурин 1834; Потанин 1883; Адрианов 1886: 25–26; Африканов 1890: 34–59; Позднеев 1896–1898; Яковлев 1900; Ватин-Быстрянский 1913; 1915; Грумм-Гржимайло 1926; 1930; Владимирцов 2002].

Второй этап в развитии историографии ознаменован утверждением в советской исторической науке формационной теории и классового принципа в изучении истории. Впервые отечественными учеными была разработана периодизация истории Тувы. Внимание ученых сосредотачивалось на таких исторических событиях, как: утверждение власти Цинской империи над тувинским народом; установление и организация протектората Российской империи над Урянхайским краем¹; отдельные события Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири и Урянхайском крае; история Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) и т. п. Следует отметить, что история маньчжуро-монгольского господ-

ства, взаимоотношения русского и тувинского народов зачастую крайне политизировались. В основном это касалось статей, опубликованных в публицистических и научных журналах. Главным недочетом был их публицистический характер, не всегда продуманное использование терминов «оккупация», «колонизация». Иногда этим страдали даже серьезные научные исследования [Леонов 1923; Кайский 1926; Нацов 1927; Шостакович 1929].

Научное изучение истории Тувы начинается с трудов советских историков [Кабо 1934; Дулов 1956; Потапов 1969; Сейфуллин 1968; Сердобов 1971; Иезуитов 1956; Аранчин 1982]. Бесспорной заслугой советских ученых является: 1) пополнение тематики исследования постановкой новых проблем; 2) поиск и открытие неопубликованных архивных источников; 3) использование в научном изучении Тувы системного анализа, формационного подхода, принципов историзма и объективизма, позволивших впервые осуществить написание систематизированной истории тувинского народа. Здесь нужно отметить, что сама проблема в написании истории Тувы заключалась не только в методологии. Определенные трудности для исследователей создавала источниковая база. Недостаточное число письменных источников, вызванное отсутствием документов на тувинском языке, потребовало включения в число исторических источников тувинского фольклора [Гребнев 1960]. Исследовательская тематика была пополнена социально-экономической и постреволюционной историей тувинского народа. Одними из первых ее стали изучать Р. М. Кабо и В. И. Дулов. В дальнейшем в трудах советских историков социально-экономическая проблематика была расширена, немало внимания уделялось рассмотрению истории партийно-государственного строительства и общественно-политических организаций Тувинской Народной республики, взаимоотношений с СССР. Продолжали развиваться историко-этнографические исследования, наибольший вклад в которые внес С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1961; и др.]. В конечном итоге накопленные научные работы по истории тувинского народа позволили обобщить ее, и в результате в начале 1960-х гг. был создан двухтомный труд «История Тувы», охвативший период с древнейших времен до 1961 г. (т. е. до образования Тувинской Автономной Респуб-

¹ Урянхайский край — наименование Тувы в русских официальных документах и в публицистике в XIX — начале XX вв.

лики). Но по-прежнему проблемы формирования и трансформации социальной организации тувинского традиционного общества, возникновения и развития отдельных социальных слоев и групп, например, таких, как чиновничество (а также его иерархия и чины тувинского местного управления), были освещены в минимальной степени и часто излагались исходя из принципа партийности и классового подхода.

Третий этап в историографии Тувы ознаменован отходом историков от советской идеологической модели, отказом от формационного подхода и принципов партийности, что, несомненно, создало условия для расширения методов исследования и исторического описания. Параллельно исследователи получили возможность анализировать закрытые архивные источники, что дало возможность историкам выявить новые грани исторического развития Тувы. Результатом стало появление работ, посвященных междисциплинарным проблемам этнополитологии, исторической и правовой антропологии, социальной истории и т. д. [Белов 1997, 1999; Дацышен, Ондар 2003; Дацышен 2005; Москаленко 2004].

Учеными Института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований Республики Тыва была проделана работа по систематизации материалов с учетом изменившихся принципов и методов исследования, расширения источниковой базы, выявления новых фактов из истории Тувы. Результатом их исследований стала новая многотомная «История Тувы».

Таким образом, несмотря на определенные успехи в собственно тувинской и общероссийской историографии, проблемы формирования и эволюции социальной организации традиционного тувинского общества в середине XVIII — начале XX вв. изучались эпизодически, в качестве вспомогательных сюжетов.

Статья раскрывает вопросы формирования и становления социальной организации тувинского традиционного общества в условиях господства империи Цин, в том числе создания слоя чиновничества как особой профессиональной и социальной группы, отношения внутри которой были основаны на общеимперских формально-юридических нормах и соответствовавших им социально-психологических установках. В результате проведенных преобразований к концу XVIII в. в Туве сложился особый бюрократический аппарат с сильной вну-

тренней автономией, четкой структурой, основанной на жесткой иерархии чинов, склонный к проявлению самостоятельности на местах. Данное обстоятельство, несомненно, было вызвано особым геополитическим положением Тувы: пограничным положением между Российской империей, все дальше расширявшейся на восток, и Китайской империей, сохранявшей свои северо-западные территории. Хронологические рамки исследования очерчены серединой XVIII — началом XX вв. Верхняя граница обусловлена завоеванием территории Танну-Тувы Маньчжурской империей Цин; нижняя граница — началом включения тувинского традиционного общества в орбиту Российской империи. Именно с этого времени начинается постепенная трансформация социальной организации традиционного тувинского общества, его отдельных социальных групп. Сильнее трансформация отразилась именно на социальной структуре, в частности, даже на социальном облике тувинского чиновника. Это объясняется тем, что к указанному времени после внутренних и внешних потрясений радикально меняется социальный состав, система мировоззренческих ценностей и методы рекрутирования управленческих кадров Тувы, в результате чего сформировались те основы функционирования государственной системы управления, которые просуществовали до момента распада СССР.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности, а также метод системного анализа. Они позволили изучить формирование и исторические особенности социальной организации традиционного тувинского общества: в частности, проанализировать социальную структуру, органы власти и управления с позиций исторической диалектики, учитывая взаимосвязь трансформации социальной организации с событиями, происходившими в начале XX в. не только в Туве, но и в России, соседней Монголии, а также Китае. Принцип историзма позволяет, изучив исторические условия формирования социальной организации в эпоху господства Цинской империи, выявить его динамику с учетом изменявшихся внешних и внутренних условий, описать целостную картину социальной системы. Научная объективность была обеспечена анализом исторической литературы и широкой документальной базы проблемы исследования во всем ее многообразии.

В исследуемый период Тува находилась в составе маньчжурской династии Цин, власть которой была установлена в результате борьбы маньчжуров с Джунгарией только к середине XVIII в. [Чжан Му 1895: 70–73, 107, 404–405, 448–451]. Территория Танну-Тувы была разделена на военизированные административно-территориальные единицы (*хошуны*¹, *сумоны*² и *арбаны*³). В Туве был создан институт Бугдийн-дарга — централизованное управление, объединившее несколько тувинских *хошунов* и находившееся в подчинении улясутайского *цзянцзюня* [Ховалыг 2016], и в условиях административного подчинения маньчжурской династии Цин происходило формирование социальной организации традиционного тувинского общества.

Тувинское традиционное общество, как и любое восточное, отличалось такими чертами, как иерархичность (каждый социальный слой занимал определенное положение, соответствующее своему статусу), замкнутость, низкий уровень социальной мобильности. Основу введенного маньчжурами социального устройства тувинцев составила территориальная организация.

¹ *Хошун* (монг. *хошуун*; маньчж. *ци*) — «знамена», крупная военно-административная единица, введенная в 1759 г. маньчжурской администрацией для управления тувинским народом путем реорганизации княжеских (зайсанских) уделов. Изначально «знамёнами» назывались крупные части маньчжурского войска, которые сопоставляют с европейскими дивизиями. Затем один *хошун*, состоявший из шести *сумонов*, приравнивали к полку (*цзяла-цалан*), и только пять полков составляли одну дивизию. Тувинские *хошуны* в 1759 г. составляли одну дивизию. Один *хошун* состоял из 4–5 (иногда и больше) *сумонов*, *сумоны* — из *арбанов*. В современном тувинском языке слово *хошун* в форме *кожуун* по-прежнему используется для обозначения административно-территориального подразделения, соответствующего району.

² *Сумон* (монг. *сомон*; маньчж. *цзо-лин*) — средняя военно-административная единица, равная кавалерийскому эскадрону. Один *сумон* должен был по первому требованию Бугдийн-дарга *амбын-нойона* выставить 150 всадников в полной боевой экипировке.

³ *Арбан* (монг. *арбан*) — десяток, мелкая единица военно-административного деления. В тувинских *арбанах* дворов было более 10, иногда и более 20. Один *арбан*ставлял в солдаты 10 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет.

Если ранее тувинцы были организованы по родовой принадлежности, то с 1759 г. рядовым тувинцам было категорически запрещено покидать *хошун*, к которому они были приписаны. Таким образом, одним из существенных факторов, внесенных маньчжурами в формирование социальной организации, стало изменение основы традиционного тувинского общества.

Социальная структура Тувы на рубеже XIX–XX вв., сформированная в результате политики маньчжуров, включала несколько социальных слоев: привилегированные слои традиционного тувинского общества, середняки и бедные слои населения. Привилегированные слои состояли из княжеского сословия, крупного чиновничества, буддийского духовенства, богатых тувинцев (*кара-баев*), занимавшихся торговлей, но служивших в администрации и не имевших титулов и чинов. Социальный слой середняков состоял в основном из чиновников *хошунного* и *сумонного* управлений (среднее звено) и независимых *аратов*, имевших самостоятельное хозяйство. Бедные слои состояли из постоянно зависимых *аратов* (*эштенчи*, *чалча*, *холечик*) и обнищавших *аратов*.

Высшую ступень в социальной иерархии традиционного тувинского общества с середины XVIII до начала XX вв. занимала маньчжурская знать во главе с императором. Маньчжурский император являлся номинальным собственником всех земель Тувы, на его имя поступал ежегодно *албан*⁴, взимаемый с каждого *хошуна* и лично доставляемый *амбын-нойоном*⁵

⁴ *Албан* (тув. *албан*; монг. *алба*) — букв. ‘дани, подать, натуральная повинность’, но в официальной переписке управлений это слово употреблялось в значении ‘пушной налог’.

⁵ От слов *амбань* (маньчж. *Амбань*; монг. *сайд*) и *нойон* (монг. *нойон*). *Амбань* — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности. В Халхе именовались *амбаниями*: Улясутайский *цзянцзюнь* и верховные правители в городах Урге, Кобдо и Улясутае (в этих городах *амбаний* полагалось по два — один из маньчжур, а другой из монголов). *Нойон* (*ноян*, *ноин*) — монгольский титул, означающий владетельного князя. *Амбын-нойон* — титул, которым в Туве именовали высшего правителя, которому были подчинены тувинские *хошуны*. Титул тувинского *амбын-нойона* переходил по наследству.

в Улясутай¹. За маньчжурской знатью и *амбын-нойоном* следовали монгольские князья и управители. Монгольским князьям принадлежали несколько тувинских *хошунов*, управлявшихся их представителями, именуемыми *дарга*². Они выполняли административные функции, собирали подати в пользу своих князей и контролировали деятельность управителей *сумонов* из числа тувинцев. «Уложение Китайской палаты Внешних сношений» предусматривало значительные права и привилегии для монгольских князей, добровольно присягнувших на верность маньчжурскому императору и проявивших себя при завоевании Джунгарии. Князья имели право брать подати со своих аратов в строго определенных размерах [Липовцев 1828: 132]. Пекинское правительство также установило для них особое содержание, выплачивавшееся из средств Пекинской казны; ввело пожалование их чинами, наградами и знаками отличия. Монгольские князья также пользовались налоговым и судебным иммунитетом. Из их среды маньчжуры формировали местный военный и гражданский аппарат. В эпоху маньчжурского господства княжеское сословие пополнилось новой социальной группой, включавшей *табунанов*. К *табунанам* (также называвшимся *эфу*), принадлежали императорские зятья — монгольские князья, женившиеся на маньчжурских принцессах и имевшие преимущественное право на занятие государственных должностей, которые освобождались от всех налогов и воинской повинности [Майский 1921: 241].

Таким образом, монгольские князья как социальная опора маньчжуров имели наибольшие права и привилегии. Цинское правительство всемерно поощряло стрем-

ление монгольских князей вступить на государственную службу. Постепенно для монгольских (и тувинских) князей чин и звание стали столь же важны, как и знатное происхождение.

Следующую ступень в социальной иерархии занимали тувинские князья. В. И Дулов считал, что княжеское сословие в тувинском обществе было основано на институте зайсанства, сформировавшемся еще в XVII в. [Дулов 1956: 182–184]. В число тувинской аристократии вошли не только бывшие *зайсаны*³, получившие новые титулы и должности: *бугуде-дарга*⁴ (*амбын-нойон*), *угерда*⁵, но и тувинское духовенство. Высшим должностным лицом был *камбылама*, выполнявший функции настоятеля монастыря [Монгуш 2001: 70]. Прежние владельцы родов, поступившие на службу маньчжурам, так же как и монгольские князья, удостаивались новых титулов, званий и чинов, что становилось опорой их социального положения. Отличительными знаками *амбын-нойона* являлись церемониальный шелковый халат с вышитым изображением пятипалого дракона, головной убор с *чинг-*

³ *Зайсан* (кит. *цзай-сян*) — первоначальное употребление этого титула наравне с титулами *тайби*, *тайши* восходит ко времени Юаньской династии в истории монголов (XIII–XIV вв.). Это правители аймаков; начиная со второй половины XV в. они представляли институт родовых начальников.

⁴ *Бугуде-дарга* (тув. *бугуде-дарга*) — ‘Верховный правитель’. Институт *Бугуде-дарга* был создан в 1762 г. для верховного управления объединенными тувинскими *хошунами* (административными единицами).

⁵ *Угерда* (а также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, у Г. Н. Потанина — *ухырда* [Потанин 1883: 664] слово, по-видимому, состоящее из двух частей — *огур* (или *ухер*) и *да* (или *та*), в тувинском произношении глухая согласная «х» озвончается и произносится как «г» — *угерда*) (кит. *цзун-гуань*) — правитель, пользовавшийся правами *дзасаков* (монг. *засаг*, букв. ‘правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории’); однако должность считалась не наследственной, а выборной, с последующим утверждением *цзянцзюнем*. В Туве же сложился местнический порядок замещения должности правителя *хошуна*.

¹ Центральное управление танну-тувинскими и алтайскими землями было учреждено в Улясутае с 1768 г., где размещалась резиденция *цзянцзюня* — наместника императора в Северной Монголии, и в Кобдо, где находился «Инородческий приказ».

² *Дарга* (тув. *дарга*) — букв. ‘староста, начальник’. В Туве в период середины XVIII–XX вв. так называли не только начальников *хошунов*, находившихся под ведомством монгольских князей, но и мелких чиновников, управлявших *арбанами* (*арбан-дарга*). Сейчас используется для обозначения человека, занимающего руководящую должность.

зе¹ на бронзовой подставке и прикрепленным двучковым павлиньим пером [Ховалыг 2016: 22–23]. Вместе с должностью и титулом тувинские князья становились обладателями всех прав и привилегий, которые были у южных соседей. Власть служила главным источником возвышения и обогащения в тувинском обществе.

К среднему слою традиционного тувинского общества относились чиновники, занимавшие такие должности в администрации *хошуна*: управитель канцелярии — *чагырыкчы*; начальник *сумона* — *чангы*, глава *арбана* — *арбан-дарга* (десятник); чиновник по особым делам — *чалан*, помощник *чангы* — *хунду*, главный сборщик налогов — *бошка*, секретарь — *бижээчи* [Ховалыг 2010: 97–109]. Все чиновники назначались лично *угерда*, кандидатуры выбирались с учетом родословной, личных качеств. Для назначения личного помощника (*дузалакчи*²) *угерда* должен был представить списки кандидатов, из числа которых *цзянцзюнь* и утверждал *тусалакчы* (*дузалакчи*. — С. Х.) [Липовцев 1828: 78–80]. Знаками различия для всех чиновников хошунных канцелярий на территории Танну-Тувы были установлены: 1) *чингзе*, прикрепляемое на головной убор; 2) безрукавка с нашивками; 3) церемониальный халат. Форма *чингзе* была овальной, а материал и цвет полностью зависел от занимаемого ранга. Например, *чангы* был обязан носить головной убор с прикрепленным прозрачно-белым *чингзе*. *Хунду*, *бошка* обязаны были прикреплять на головной убор молочно-белый *чингзе* [ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а. Л. 77]. *Арбан-дарга* — начальник *арбана* — должен был носить головной убор с медным *чингзе* [ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а. Л. 122–123]. Чиновники хошунной канцелярии получали жалование, но только за период

¹ *Чингзе* (тув. *чингзе*) — шарик овальной формы, изготовленный из драгоценных и полудрагоценных камней. Всем чинам управления полагалось носить на шапках и шляпах *чингзе* разного достоинства. Прикрепляли их к головному убору на специальной подставке, выполненной из серебра или меди. К шапке также прикрепляли павлинье перо (*одага*), в зависимости от ранга одноочковое либо двучковое.

² *Дузалакчи* (тув. *дузалакчи*; а также *тусалакчи*, *тусулагчи*, *тусалакчи*, *тусалатчи*, *тусолокчи*) — помощник, должность помощников по военным делам при старшинах аймаков, учрежденная в 1724 г. маньчжурами в Халхе.

непосредственной службы. Для них источником богатства становилось служебное положение, поскольку достигшая наивысшего развития к началу XIX в. система кормления в Танну-Тове, за счет которой существовало чиновничество оставалась прежней и в первом десятилетии XX в. Население обязано было выплачивать *ундуруг*³ для содержания хошунной и сумонной канцелярии. Однако не все чиновники системы местного управления злоупотребляли поборами с подведомственного населения. Архивные материалы содержат информацию о чиновниках, для которых чин и должность стали источником разорения, а не обогащения [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 23–27].

Араты делились на относительно самостоятельных, постоянно зависимых и бедноту [Аранчин 1982: 30–31].

Первую группу аратов — относительно самостоятельных аратов-скотоводов, имевших свое хозяйство, следует отнести к среднему слою тувинского традиционного общества. Они были основными плательщиками *албана* и *ундуруга*. Араты-скотоводы были прикреплены к *хошуну* и не имели права покидать его территорию без специального разрешения *угерда*. По своему положению эта группа аратов тождественна монгольскому сословию *албату*. Они самостоятельно вели хозяйство, уплачивали *албан*, исполняли различные повинности в пользу *нойона* и канцелярии. В их составе выделялись подгруппы согласно имущественному положению. Основопологающим фактором в определении социального статуса аратов являлось наличие и количество крупного и мелкого скота. Зачастую потеря значительного количества скота являлась причиной изменения занимаемого положения кочевника [Дулов 1956: 212].

Вторая группа аратов, составлявшая третий слой тувинского общества (бедные слои), была менее значительной и носила следующие наименования: *эштенчи*, *холечик*, *чалча*. Русские путешественники и исследователи, посещавшие Туву в конце XIX — начале XX вв., довольно отчетливо определяли их положение. Ф. Я. Кон пишет: «При въезде в аал бросается в глаза одна юрта, большая и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, по имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три–четыре, редко больше, юрт бед-

³ *Ундуруг* — подать, взимаемая местными управителями для содержания администрации.

няков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являвшихся по мере потребности в них пастухами табунов “бай киж” (богача) или его “эджим” — “товарищами-слугами”» [Кон 1934: 165]. *Эштенчилер, холечик, чалча* — это наименование людей, работавших у зажиточных тувинцев независимо от того, имели они свои юрты или нет. Термин *эштенчилери* происходит от тувинского слова *эш* ‘товарищ, друг’, а, значит, это были постоянные спутники нойона, бая по кочевью. *Эштенчилери* выполняли различные работы: пасли скот, толкли просо, запасали дрова и т. д. Наконец, последняя категория (третья группа) — обнищавшие араты. В первом десятилетии XX в. их число достигало около 3 000 чел., поскольку зажиточные семьи не могли предоставить им работу [Аранчин 1982: 31].

Таким образом, кратко охарактеризовав социальную организацию традиционного тувинского общества, в первую очередь отметим, что основой социального устройства с 1759 г. постепенно становится территориальная организация. Тувинское общество, тем не менее, местами сохраняет патриархальный уклад. Каждый социальный слой имеет свой статус, свои права и обязанности. В конце XIX — первом десятилетии XX вв. исследователи подчеркивают резкую имущественную дифференциацию, явившуюся следствием, с одной стороны, этносоциальных процессов, с другой, — особенностями экстенсивного кочевого скотоводства, когда благополучие семьи всецело зависело от природных условий, усугублявшихся тяжелыми последствиями маньчжурского господства.

Одной из особенностей социальной организации тувинского традиционного общества является формирование новой социальной группы — чиновничества, занимавшего специфический социальный статус, который регламентировался Уложением Китайской палаты внешних сношений (кит. *Лифань юань цзэ ли*), а также местными обычаями и традициями. Следует отметить, по наследству передавались такие титулы и чины, как *Бугуде-дарга* (или *амбын-нойон*), *угерда, мээрэн, чалан, хунду*. Отличительной чертой тувинского чиновничества, которое сформировалось в сложных условиях подчиненного положения Цинской империи, является то, что оно было сформировано из представителей линий родовых правителей — *зайсанов*, сохранившихся до начала XX в. [Позднеев 1883: 321].

Особое положение чиновничества подкреплялось тем, что на окраине именно чиновник представлял собой значительную фигуру, поскольку он не только был лицом централизованной государственной власти, но и сам становился центром управления и власти, игравшей колоссальную роль в функционировании государственного аппарата. Необходимо подчеркнуть, что чиновник выполнял медиаторскую функцию, обеспечивая диалог между традиционным тувинским обществом и государственной властью.

Годы маньчжурского господства отрицательно сказались на социально-экономическом развитии тувинского этноса. Но в Туве на рубеже веков происходило смешение нескольких культур: традиционной кочевнической, оседлой земледельческой, элементов капиталистического уклада, тем самым было положено начало трансформации социальной организации традиционной кочевнической культуры, послужившее толчком к дальнейшим изменениям в политике и культуре.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а.
ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Д. 59.

Литература

- Африканов А. М.* Урянхайский край и его обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского Географического общества. СПб.: Тип. Имп. Географ. Об-ва, 1890. Т. 21. Вып. 5. С. 34–59.
Адрианов Е. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. СПб.: Тип. Имп. Географ. Об-ва, 1886. 276 с.
Аранчин Ю. А. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1982. 339 с.
Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX в.: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997. 314 с.
Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 238 с.
Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Соч. монахом Иакинфом. СПб.: тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1834. 255 с.
Вайнштейн С. И. Тувинцы-тодзинцы: Историко-этнографические очерки. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1961. 218 с.

- Ватин-Быстрянский В. А.* Минусинский край в XVII веке. Этюд по Сибири. Минусинск: Тип. А. Ф. Метелкина, 1913. 218 с.
- Ватин-Быстрянский В. А.* Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого столетия // Сибирский студент. 1915. № 7–8. С. 85–103.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 557 с.
- Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 144 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Изд-во Гос. Рус. геогр. общ-ва, 1926. 413 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 3. Вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колониальная деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л.: Изд-во Гос. Рус. геогр. общ-ва, 1930. 858 с.
- Дацышен В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск: Наука и техника, 2005. 247 с.
- Дацышен В. Г., Ондар Г. А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Респ. тип., 2003. 278 с.
- Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.
- Иезуитов В. М.* От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1956. 208 с.
- Кабо Р. М.* Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 202 с.
- Кайский М.* Урянхайский вопрос // Северная Азия. 1926. Кн. 4. С. 16–25.
- Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет: собрание сочинений. Т. III. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 293 с.
- Леонов Н.* Урянхайский край до начала XX столетия // Новый Восток. 1923. № 3. С. 405–419.
- Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. Т. I. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещения, 1828. 362 с.
- Майский И. М.* Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, 1921. 332 с.
- Монгуш М. В.* История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Москаленко Н. П.* Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. 222 с.
- Нацов С.* Национально-освободительное движение тувинских скотоводов // Новый Восток. 1927. № 19. С. 42–50.
- Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1–2. СПб.: РГО, 1896–1898. 697 с.
- Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрденийн Эрихэ». [Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.]. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1883. 451 с.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 372 с.
- Потапов Л. П.* Очерки народного быта. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Сейфулин Х. М.* К истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в Туве (1918–1921 гг.). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1968. 120 с.
- Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Ховалыг С. С.* Центр или периферия? Система государственного управления в Туве в конце XIX — начале XX вв. // Вестник РУДН. 2010. Сер. «История России». № 3. С. 97–109.
- Ховалыг С. С.* Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 19–28.
- Чжан Му.* Мэн-гу-ю-му-цзи = Записки о Монгольских кочевьях / [Чжан Му и Хэ-цю-тао]; пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: скоропеч. П. О. Яблонского, 1895. 598 с.
- Шостакович С.* Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. Иркутск: изд-во Иркутск. ун-та, 1929. 48 с.
- Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.

Sources

GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. R. 1701. Op. 1. D. 24a (In Russ.).

GA RT — *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Tyva* [The State Archive of the Republic of Tuva]. F. 115. Op. 1. D. 117 (In Russ.).

References

- Afrikanov A. M. *Uryankhayskiy kray i ego obitateli* [The Uriankhai region and its inhabitants]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imp. Russkogo Geograficheskogo obshchestva* (Proceedings of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society), 1890, No. 21(5), pp. 34–59 (In Russ.).
- Adrianov E. V. *Puteshestvie na Altay i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu* [An 1881 journey to the Altai and Sayan mountains]. St. Petersburg, Imperial Russian Geographical Society Press, 1886, 276 p. (In Russ.).
- Aranchin Iu. A. *Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu* [The historical path of the Tuvan people to Socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 339 p. (In Russ.).
- Belov E. A. *Rossiia i Mongoliya (1911–1919 gg.)* [Russia and Mongolia (1911–1919)], Moscow, Publ. Office of Institute of Oriental Studies (RAS), 1999, 238 p. (In Russ.).
- Belov E. A. *Rossiia i Kitay v nachale XX v.: rusko-kitayskie protivorechiya v 1911–1915 gg.* [Russia and China in the early 20th century: Russo-Chinese controversies in 1911–1915], Moscow, Publ. Office of Institute of Oriental Studies (RAS), 1997, 314 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ia. *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [A historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present time]. St. Petersburg, Print. Office of Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1834, 255 p. (In Russ.).
- Chzhan Mu, Khe-tsiu-tao. *Men-gu-yu-mu-tszu = Zapiski o Mongol'skikh kochev'yakh*. [Notes on the Mongolian nomadic territories]. St. Petersburg, P. O. Yablonsky Publ., 1895, 598 p. (In Russ.).
- Datsyshen V. G. *Sayanskiy rubezh. Yuzhnaya chast' Prieniseyskogo kraya i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1616–1911 gg* [The Sayan border-line. A southern part of the Yenisei region and Russo-Tuvan relations in 1616–1911]. Tomsk, Nauka i Tekhnika Publ., 2005, 247 p. (In Russ.).
- Datsyshen V. G., Ondar G. A. *Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryankhayskiy kray i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.* [The Sayan cross-point: Usinsk-Uriankhai region and Russo-Tuvan relations in 1911–1921], Kyzyl, Republican Print. House, 2003, 278 p. (In Russ.).
- Dulov V. I. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy (XIX — nachalo XX vv.)* [Socio-economic history of Tuva (19th – early 20th centuries)], Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1956, 608 p. (In Russ.).
- Grebnev L. V. *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [The Tuvan heroic epic: an effort of historical-ethnographic analysis]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1960, 144 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy Kray. T. 3. Vyp. 1. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and the Uriankhai region. Vol. 3, iss. 1. An anthropological and ethnographic sketch of the territories]. Leningrad, State Russian Geographical Society Press, 1926, 413 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy Kray. T. 3. Vyp. 1. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran. Torgovlya i kolonial'naya deyatel'nost' kitaytsev i russkikh. Dopolneniya i popravki* [Western Mongolia and the Uriankhai region. Vol. 3, iss. 1. An anthropological and ethnographic sketch of the territories. Trade and colonial activities of the Chinese and Russians. Supplements and amendments]. Leningrad, State Russian Geographical Society Press, 1930, 858 p. (In Russ.).
- Iezuitov V. M. *Ot Tuvy feodal'noy k Tuve sotsialisticheskoy* [Tuva: from feudalism to socialism]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1956, 208 p. (In Russ.).
- Kabo R. M. *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy. Dorevoliutsionnaya Tuva*. [Sketches in the history and economy of Tuva. Pre-revolutionary Tuva]. Moscow, Leningrad, State Socio-Economic Liter. Publ., 1934, 202 p. (In Russ.).
- Kaisky M. *Uryankhayskiy vopros* [The Uriankhai question]. *Severnaia Aziia* (North Asia), 1926, No. 4, pp. 16–25 (In Russ.).
- Khovalyg S. S. *Tsentr ili periferiya? Sistema gosudarstvennogo upravleniya v Tuve v kontse XIX — nachale XX vv.* [Center or periphery? The system of public administration in Tuva in the end of the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: istoriia Rossii* (RUDN Journal of Russian History), 2010, No. 3, pp. 97–109 (In Russ.).
- Khovalyg S. S. *Chinovnichestvo Tuvy v kontse XVIII–XX vv.: problemy formirovaniya i funktsionirovaniya apparata* [The officialdom

- of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: problems of formation and functioning of the apparatus]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2016, No. 1 (23), pp. 19–28 (In Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu. Za pyat' desyat let: sobranie sochineniy. T. III* [An expedition to Soyotia. Over the fifty years. Collected works. Vol. III]. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Deportees Press, 1934, 293 p. (In Russ.).
- Leonov N. *Uryankhayskiy kray do nachala XX stoletiya* [The Uriankhai region before the 20th century]. *Novyi Vostok* (The New East), 1923, No. 3, pp. 405–419 (In Russ.).
- Lipovtsev S. V. *Ulozhenie Kitayskoy palaty vneshnikh snosheniy / per. s man'chzhur. T. I*. [Code of China's Chamber for External Relations. Transl. from Manchu. Vol. I]. St. Petersburg, Print. Office of Department of People's Education, 1828, 317 p. (In Russ.).
- Maysky I. M. *Sovremennaya Mongoliya* [Modern Mongolia]. Irkutsk, State Publ. House, 1921, 332 p. (In Russ.).
- Mongush V. M. *Istoriya buddizma v Tuve* [History of Buddhism in Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 200 p. (In Russ.).
- Moskalenko N. P. *Osnovnye problemy etnopoliticheskoi istorii Tuvy v XX veke* [Main problems of Tuva's ethnopolitical history in the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 222 p. (In Russ.).
- Natsov S. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie tuvinskiykh skotovodov* [The national liberation movement of Tuvan stock-breeders]. *Novyi Vostok* (The New East), 1927, No. 19, pp. 42–50 (In Russ.).
- Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays on northwestern Mongolia]. St. Petersburg, V. Krishbaum Publ., 1883, 372 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches of the everyday life of Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispolnennoy v 1892–1893 gg. A. Pozdneevym. T. 1–2* [Mongolia and Mongols. Results of A. Pozdneev's 1892–1893 journey to Mongolia]. St. Petersburg, Russian Geographical Society Press, 1896, 697 p. (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Mongol'skaya letopis' «Erdeniyin Erikhe» (Podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, zaklyuchayushchimi v sebe materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.)* [The Mongolian chronicle 'Erdeniyin Erihe' (Original text with a translation and comments containing materials on the history of Khalkha from 1636 to 1736)]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1883, 451 p. (In Russ.).
- Seifulin Kh. M. *K istorii inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny v Tuve (1918–1921 gg.)* [Revisiting the history of the foreign military intervention and civil war in Tuva (1918–1921)]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1968, 120 p. (In Russ.).
- Serdobov N. A. *Istoriya formirovaniya tuvinskoy natsii* [Ethnic history of the Tuvans]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1971, 482 p. (In Russ.).
- Shostakovich S. *Politicheskiy stroy i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tannu-Tuvy v proshlom i nastoyashchem* [Political system and international legal status of Tannu-Tuva: past and present]. Irkutsk, Irkutsk University Press, 1929, 48 p. (In Russ.).
- Vainshtein S. I. *Tuvinty-todzhinty: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu Tuvans: historical-ethnographic sketches]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1961, 218 p. (In Russ.).
- Vatin-Bystriansky V. A. *Minusinskiy kray v XVII veke. Etyud po Sibiri* [The Minusinsk region in the 17th century. A study of Siberia]. Minusinsk, A. F. Metelkin Publ., 1913, 218 p. (In Russ.).
- Vatin-Bystriansky V. A. *Uriankhaiskii vopros v 80-kh godakh proshlogo stoletia* [The Uriankhai question in the 1880s]. *Sibirskiy student* (The Siberian Student), 1915, No. 7–8, pp. 85–103 (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2002, 557 p. (In Russ.).
- Yakovlev E. K. *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya* [An ethnographic review of the non-Russian population in the Southern Yenisei]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, 357 p. (In Russ.).

УДК 929.733

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ТУВИНСКОГО
ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ**Салимаа Сергеевна Ховалыг¹¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра документоведения и архивоведения, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: salimaa@mail.ru.

Аннотация. Статья нацелена на изучение особенностей формирования и эволюции социальной организации традиционного тувинского общества в эпоху господства маньчжурской династии Цин (1757–1912 гг.). Опираясь на архивные источники, автор исследовал исторические условия формирования разных сословий и выявил особенности социальной организации традиционного тувинского общества. После установления господства маньчжурской династии Цин на территории расселения тувинцев была проведена административно-территориальная реформа и введены новые военные чины, титулы знатности, знаки различия, которые постепенно начали вытеснять прежние титулы и звания; на территории Танну-Тувы также стали строить буддийские монастыри. Эти нововведения сильно повлияли на существовавшую социальную организацию традиционного тувинского общества.

Ключевой особенностью формирования социальной организации в середине XVIII в. стало пополнение структуры традиционного тувинского общества новыми социальными слоями: княжеское сословие (монгольские и тувинские князья), буддийское духовенство, чиновничество. Автор описывает историю формирования и трансформации социальной организации традиционного тувинского общества, дает характеристику каждого социального слоя, его правового статуса. Новизна работы состоит в том, что впервые проанализирована социальная организация тувинского традиционного общества, выявлен состав и иерархия чинов и степеней различия в Туве середины XVIII–XX вв.

Ключевые слова: Тува, историография, социальная структура, сословия, государственный аппарат, чиновник, государственное управление, *амбын-нойон*, *хошун*, *угерда*, *табунан* (*эфу*), *бугуде-дарга*.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 21–26, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-21-26
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(479)08

Taxes and Duties of the Nogai People in the 19th Century

Daniyal S. Kidirniyazov¹, Asiyat A. Abasova²

¹ Ph. D in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Leading Research Associate, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

² Lecturer, Teachers College No. 3 (Beloyarsk, Russian Federation); External Doctoral Candidate, Department of General History, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: vikinpasha@mail.ru.

Abstract

The article considers various taxes and duties of the Nogai population to their landlords as well as uniform duties introduced after the Nogais were incorporated into the Russian state. *Murzas* — leaders of the nomadic *auls* (Nog. ‘settlement’) — constituted the upper class of the Nogai community. It was to them that ordinary people were supposed to serve their diverse duties. The Nogais were also to pay taxes for the maintenance of the local administration. It should be noted that duties were distributed not in terms of the number of individuals within a household, but rather — the amount of cattle the household possesses. Since 1828, the Russian authorities imposed corresponding duties upon *tarkhans*, *seits* and *murzas*. The Russian administration exercised strict control over distribution of duties. Such distribution was held by village heads in the presence of the leader and senior representatives, and was to be approved by the whole community. No duty could be introduced without the knowledge of the High Commissioner of the Caucasus. Precinct chiefs issued no internal orders pertaining to duties, apportionments and collection of money but obligated senior representatives to perform such activities. Poor widows, disabled and sick people were exempted from servitudes. Heads, senior representatives and *aqsaqals* also paid no servitudes when in charge of public affairs. Besides, after the Nogai territory was abolished by Russia the nomads were charged with the following duties: transportation of state-owned provisions to shops of the Right and Left Flanks of the North Caucasus Line using their own resources and at their own expense; maintenance of post stations in the Kizlyar-Astrakhan road; recruitment of armed horsemen for them to serve as border guards; transportation of construction materials under the requisition of the Construction Commission stationed in Pyatigorsk. It is noteworthy that in the latter half of the 19th century the food rent began to be partially replaced by a money one. The diverse forms of the food rent were accompanied by various patriarchal labor rents, such as help to *murzas* and *beis*, herding of some rich ‘relative’s cattle, etc. In Zaslavskaya Kумыkia Nogais paid their landlords 4 *sabus* for a four-unit plow, one *arba* of hay or one silver rouble (per household) for a haymaking session, etc. Nogais of the Kумыk Plain were also to perform statute labors. Access to plough land was to be repaid by *bulka* (‘mutual aid’) — one day of work during planting of wheat and one more during planting of millet; and the same when it came to reap — one day for wheat and one for millet respectively. By the mid-19th century the labor rent had disappeared.

Keywords: Russia, Caucasus, Nogais, taxes, duties, administration, landlords, precinct chiefs.

В период кочевого скотоводческого хозяйства, отсутствия крупной сословно-земельной собственности феодалов на землю, обрабатываемую трудом крепостных крестьян, рента выступала как форма реализации феодальной собственности на скот.

Рассмотрим основные формы феодальной ренты среди ногайцев региона.

В первой половине XIX в. ногайцам Северо-Восточного Кавказа были известны три формы докапиталистической земельной ренты: натуральная, отработочная и денежная. Необходимо отметить, что денежная рента не имела широкого распространения. Денежную ренту получали с ногайцев только в Тарковском шамхальстве за посев марены. Что касается отработочной и натуральной ренты, то преобладала последняя.

Население ногайских селений несло в пользу мурз различные повинности «произведениями земли, скотом и деньгами, а также личною службою» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 2]. «Предки ногайских мурз по древним их обычаям пользовались от подвластных узденей: услугами, работами и особенно данью — с каждых трех домов по два воза сена, по две меры проса и муки, да сверх того при забое скота получали от одного части мяса», указывается в другом документальном материале [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 27–30].

Ногайцы до введения российскими властями единых повинностей, согласно документальным материалам, выполняли следующие повинности: одни «производят ежегодную разводку казенного провианта и содержат сверх того почтовые станции; другие делают таковую разводку провианта только случайно в количестве весьма меньшем и меньшее число содержат станций; наконец, третьи никакой не несут повинности, отправляя <...> очередь на кордоны» [ПСЗРИ-П 1830: № 878]. Как указывал автор XIX в. И. Бларамберг, ногайское население должно было нести ряд повинностей: развозить на своих арбах казенный провиант для обеспечения продовольствием русских войск в магазины вдоль кордонной линии, содержать почтовые станции на Кизляро-Астраханском тракте, выставять на кордонную службу вооруженных всадников, перевозить строительные материалы по распоряжению строительной комиссии, которая находилась в Пятигорске [Бларамберг 1992: 182]. Главный пристав следил за упорядочением повинностей местного населе-

ния, потому что денежных повинностей они почти не несли [ПСЗРИ-П 1830: № 878].

Необходимо указать, что для ногайского народа создавались общественные фонды с капиталом, который составляли: а) «с рыбных ловель, если оные в землях общества имеются; б) с скота, пасомого на степях общества посторонними людьми; в) с промышленников, производящих по аулам торговлю товарами и т. п.; г) из остатков суммы, получаемой от казны за разводку провианта» [ПСЗРИ-П 1830: № 878]. Общественные деньги расходовались на помощь неимущим, на улучшение сельского хозяйства.

Кроме того, с ногайского населения также взимался ряд повинностей на содержание местной администрации. Нужно отметить, что повинности распределялись не по численности населения, а по количеству крупного рогатого скота, овец и т. д. Известный исследователь XIX в. И. В. Бентковский сопоставлял их с подходящим налогом [Бентковский 1883: 90].

Российская администрация осуществляла строгий контроль над распределением повинностей, которое производилось аульными старостами под контролем головы и старшин, а потом утверждалось ногайским джамаатом. Необходимо подчеркнуть, что ни одна повинность не вводилась без согласия наместника Кавказа. Со временем связанные с повинностями сословные отношения у ногайцев также претерпевали некоторые изменения. Так, *тарханы*, т. е. лица, избавленные от повинностей за различного рода заслуги, были лишены своих привилегий и стали привлекаться к отбыванию некоторых повинностей. Кроме того, была уменьшена неограниченная власть ногайских мурз, и они были поставлены под контроль главного пристава [ПСЗРИ-П 1830: № 878]. Повинности простых ногайцев в пользу мурз были четко регламентированы: они утверждались российскими властями и выполнялись непосредственно под контролем головы и старшин.

Представители мусульманского духовенства (*кади*, *эфенди* и *ахунды*) освобождались от уплаты налогов. Также налоговыми льготами пользовались семьи мурз [ПСЗРИ-П 1830: № 878].

С присоединением ногайцев к России мурзы потеряли влияние над своими подвластными людьми. Последние отказывались платить денежную ренту мурзам

[Сталь 1900: 77]. Разумеется, мурзы были недовольны этим и нередко просили местную русскую администрацию дать им разрешение взимать «полные подати» с простого населения [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 38, 43]. В связи с этим главный пристав мусульманских народов обращался к областному начальству «не отменять мурз дани, составляющей важнейший способ к их содержанию» [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 27–30].

С середины XIX в. практически полностью прекратилась выплата податей ногойского населения своим владельцам. Между тем, некоторые мурзы все еще принуждали ногойцев к небольшим податям, услугам, приношениям и т. п.

В ногойском джамаате существовал своеобразный вассалитет, основанный на эпизодическом сборе дани. Нужно отметить, что формой зависимости свободных земледельцев и скотоводов от их владельцев сначала были дани и различные приношения (продукты земледелия, скотоводства, ремесленные изделия). «Добровольные» подарки, которые часто поступали в пользу представителей привилегированных сословий, были ничем иным, как феодальной рентой. Такие подарки делались только во время мусульманских праздников, свадеб или смерти кого-нибудь из ближайшего окружения.

Кроме того, одной из распространенных форм отдачи части своего труда в пользу мечети был *закят* (налог, взимаемый в пользу мечети), освященный обычным правом ногойцев [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2848. Л. 47].

Каждый земледелец или скотовод должен был отдавать определенную часть зарезанной скотины, а также другие пищевые продукты местным аристократам [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 27–30]. Необходимо указать, что подобные приношения делались не только представителям привилегированного сословия, но и бедным родичам.

До создания 1 августа 1867 г. Темир-Хан-Шурина округа таркинские ногойцы (346 семейств) отбывали ряд повинностей и платили некоторые налоги тарковскому шамхалу: *кент-ясак* (подать с имеющихся овец), *арба-агач* (доставка топлива), различные общественные работы (поставка плугов, жнецов, косарей) [Шамхалы 1868: 76–78].

Подати и повинности носили в целом натуральный характер. Подчеркнем, что со второй половины XIX столетия продуктовая рента нередко стала заменяться денежной.

Кроме того, наряду с разнообразными видами натуральной ренты имелись различные формы отработок, которые прикрывались патриархальной оболочкой: «помощь» представителям привилегированного сословия, уход за скотом зажиточного «родственника» и т. д. Необходимо указать, что одной из распространенных среди ногойцев региона форм отработок был уход за байским скотом.

Как известно, на землях шамхала Тарковского и князей Засулакской Кумыкии жило подвластное этим владельцам ногойское население. По архивным данным середины XIX в., в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском бийликствах находилось 850 хозяйств ногойцев, проживавших на землях владельцев Аджиевых, Айдемировых, Казаналиповых, Темировых [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6379. Л. 2]. Ногойское население платило биям с четырехпарного плуга (полный плуг в среднем составляли три кибитки) по 4 сабу, за покос — по 1 арбе или рубль серебром с каждой семьи, за овец в количестве от 40 до 50 — одну овцу, от 50 до 70 — одну овцу и ягненка, от 70 и более — двух овец, а от 100 и более — трех овец, отдавали также шерсть, молоко, сыр, масло и т. п. [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–39, 56–61]. Вдобавок к этому, кто сеял марену, за каждую сабу засеянных семян платил по 2 руб. серебром. Эта рента была общей и для других зависимых крестьян. В числе других повинностей можно указать обеспечение арбами и конными *чапарами* (конными вестовыми дежурными) для различных нужд местных владельцев и российских властей [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 56–61].

Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что ногойцы Кумыкской плоскости несли и барщину. Так, в документе сословно-поземельной комиссии отмечается, что «за пахоту в прежнее время ногойцы исполняли *булка* (взаимопомощь): один день пахоты под пшеницу, другой день — под просо и потом выходили по одному дню на жнитво пшеницы и проса» [ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–39]. Начиная со второй половины XIX в., у ногойцев отработочной ренты уже не было.

Непосильные повинности разоряли ногайских крестьян и мешали им вести хотя бы небольшое хозяйство. В связи с этим российское правительство вынуждено было пересмотреть существовавшую систему повинностей. В 1846 г. комиссия для обозрения магометанских народов Кавказской области предложила «обратить отяготительную натуральную повинность (арбы для перевозки казенного провианта) в денежную и исчислять ее не по кибиткам (семьям), а по количеству скота [Якобий 1901: 20]. Были установлены следующие размеры обложения (прямой налог на скот): 40 коп. с каждой головы крупного рогатого скота и по 5 коп. с головы мелкого скота.

Постановлениями и законодательными актами российских властей ногайское население было обязано содержать административно-управленческий аппарат: частных приставов и их помощников, мировых судей, судебных следователей, кизлярского следователя с толмачом, почт внутри ногайских аулов, пограничных постов и т. п.

Распределение повинностей осуществлялось следующим образом: частные приставы собирали местное население на сход, предъявляли им требования к исполнению положенных повинностей: по денежному сбору — о количестве денег, по развозке провианта — о числе подвод. При этом указывали и срок, к которому нужно было выполнить эти повинности [Берже 1859].

Стоит отметить, что частные приставы не делали никаких письменных распоряжений в отношении отбывания повинностей, их распределения и сбора денежных средств, но побуждали к их выполнению через голов, старшин и посылаемых нарочных [Берже 1859].

По утверждению общественного приговора, распределение повинностей по семьям в населенных пунктах производилось старостами в присутствии голов и старшин. Основным критерием выступала не численность семьи, а степень зажиточности, определявшаяся по численности скота и занятию различными ремеслами.

От повинностей освобождались вдовы, инвалиды и больные. Также не несли повинностей в течение трех лет вновь прибывшие в общество: как холопы, получившие свободу и переселившиеся в кочевой аул от других этносов, так и священнослужители и мурзы с их семьями, если они раньше были освобождены от повинностей.

В период нахождения на своей должности также освобождались от повинностей головы, старшины, казначеи, сельские старосты и десятники [Берже 1859].

Особенно невыносимой для местных крестьян была конная повинность. Крестьяне нередко обращались с жалобой к русским властям, что местная администрация поступает несправедливо, зажиточных освобождает, а у бедноты отбирает последнее [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 4998. Л. 33].

Едисан-джембойлуковские ногайцы в числе прочего занимались развозкой хлебобулочных изделий по магазинам Кордонной линии [АКАК 1870: 910]. По данным годового отчета, в 1855 г. из Шандруковской пристани ногайцы вывезли на своих арбах 4 тыс. четвертей государственного провианта в магазины Кавказской линии на одной тысяче подвод [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2385. Л. 7].

В 1857 г. ачикулак-джембойлуковские и едисанские ногайцы в 2 раза увеличили перевозку казенного провианта с Шандруковской пристани по магазинам левого фланга Кавказской линии. Ногайцами было перевезено 8 тыс. четвертей на 2 тыс. арбах [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 44].

Ачикулак-джембойлуковские ногайцы также содержали Гайдуковскую почтовую станцию с шестью парами лошадей, добывали соль на Можарских соляных озерах и т. д. [АКАК 1873: 879]. В 1807 г. 120 ногайцев были отправлены на работу на Можарские озера. Добыча соли здесь производилась вручную, условия жизни были тяжелыми [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 820. Л. 29–31].

Общая сумма повинностей ачикулакских ногайцев составляла: в 1823 г. — 36 320 руб., в 1824 г. — 25 200 руб., в 1825 г. — 25 915 руб., в 1826 г. — 20 420 руб. [ГА СК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 101].

Многочисленные налоговые сборы включали прямой сбор на скотину, воинский налог, налог на общественные мероприятия, содержание почтовых лошадей, обслуживание местных мусульманских священнослужителей, медресе, аульных администраций и др. Разумеется, все это бремя, возложенное на простых людей, увеличивало имущественное неравенство среди ногайцев [Прозрителев].

Караногайцы и едишкульские ногайцы за пользование безводной и полупустынной землей более всех были обременены различными повинностями: на них было возложено обеспечение казенными товарами

всех магазинов Кордонной линии, включая территорию от Сладкоеричной пристани на Каспии (устье р. Терек) до г. Екатеринодара. Например, в 1856 г. для перевозки 40 000 четвертей муки ногайцы выставили до 8 тыс. арб [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2345. Л. 9]. Также на ногайцев было возложено содержание почтовых станций в Кизлярском уезде от Кизляра до Астрахани с семнадцатью парами почтовых лошадей на 4 станциях (Сухая Бороздиновка, Аджи-Гановская, Тарак-Бугорская, Золотаревская) [Ровинский 1809: 464].

В целом сумма повинностей за четыре года у караногайцев и едишкульцев насчитывала: в 1823 г. — свыше 145 тыс. руб., в 1824 г. — более 100 тыс. руб., в 1825 г. — свыше 162 тыс. руб. и в 1826 г. — около 83 тыс. руб. [ГА СК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 820. Л. 20–28].

Характеризуя политику российской администрации по управлению ногайцами в рассматриваемое время, следует указать, что ногайцы стали полноправными гражданами Российского государства. Работу приставств можно оценить положительно. Устройство организованной гражданской жизни ногайского населения было связано с деятельностью института приставов. Российские власти старались в своей политике руководствоваться опытом тщательного изучения обычаев и традиций местного населения; администрация грамотно действовала в своей политике по привлечению кочевников к оседлости, что указывалось во многих законодательных актах, касавшихся ее управления.

Источники

- АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. 4; 1873. Т. 5.
 ГА СК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11; Оп. 3. Д. 820; Д. 853; Д. 2345; Д. 2385; Д. 2548; Д. 2584; Д. 2733; Д. 4998.
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1830. Т. 2. 1561 с.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6379. Ч. 1.
 Прозрителев Г. Н. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии (рукопись) // Ставропольский краевой музей. Папка № 9.
 ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5.

Литература

- Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: Тип. Губ. правление, 1883. 134 с.
 Берже А. П. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.
 Бларамберг И. Кавказская рукопись / пер. с фр. И. М. Назаровой, А. И. Петрова. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1992. 240 с.
 Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Имп. Тип., 1809. 579 с.
 Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа, составил генерального штаба барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Вып. 21. С. 59–173.
 Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главн. Управл. Наместника Кавказского, 1868. Вып. 1. Отд. 4. С. 8–80.
 Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб.: Тип. А. Н. Михайлова, 1901. 45 с.

Sources

- АКАК — *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii* [Proceedings of the Caucasian Archaeographical Commission]. Tiflis, 1870, vol. 4; 1873, vol. 5 (In Russ.).
 ГА СК — *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraia* [The State Archive of Stavropol Krai]. F. 249. Op. 1. D. 11; Op. 3. D. 820; D. 853; D. 2345; D. 2385; D. 2548; D. 2584; D. 2733; D. 4998 (In Russ.).
 ПСЗРИ — *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. II* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2]. St. Petersburg, 1830, vol. 2, 1561 p. (In Russ.).
 РГВИА — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The Russian State Archive of Military History]. F. VUA. D. 6379. Ch. 1 (In Russ.).
 Prozritelev G. N. *Trukhmeny i nogaytsy Stavropol'skoy gubernii. Ruk.* [Turkmens and Nogais of the Stavropol Governorate. A manuscript]. *Stavropol'skiy kraevoy muzey* [Stavropol Krai Museum]. Folder No. 9 (In Russ.).
 TsGA RD — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. F. 105. Op. 1. D. 5 (In Russ.).

References

- Bentkovsky I. V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoy gubernii. Nogaytsy. Ch. 1* [A historical and statistical review of non-Russian Mohammedan nomads residing in the Stavropol Governorate. The Nogais. Part 1]. Stavropol, Provincial Government Press, 1883, 134 p. (In Russ.).
- Berzhe A. P. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatarian population of the Caucasus]. *Kavkaz* (The Caucasus), 1859, No. 87 (In Russ.).
- Blaramberg I. *Kavkazskaya rukopis' / per. s frants. yaz. I. M. Nazarovoy, A. I. Petrova* [The Caucasian Manuscript. Transl. by I. Nazarova et al.]. Stavropol, Stavropol Book Publ., 1992, 240 p. (In Russ.).
- Rovinsky I. V. *Khozyaystvennoe opisanie Astrakhanskoy i Kavkazskoy guberniy* [An economic review of the Astrakhan Governorate and the Caucasus Viceroyalty]. St. Petersburg, Imperial Print. House, 1809, 579 p. (In Russ.).
- Stahl K. F. *Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda, sostavil general'nogo shtaba baron Stal' v 1852 godu* [An ethnographic sketch of the Circassian people compiled by the authorized representative of the General Staff, baron Stahl, in 1852]. *Kavkazskiy sbornik* (The Caucasian Digest), Tiflis, 1900, iss. 21, pp. 59–173 (In Russ.).
- Shamkhaly Tarkovskie* [The Shamhals of Tarki]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collected data about highlanders of the Caucasus]. Tiflis, General Directorate of Caucasus Viceroyalty Press, 1868, iss. 1, section 4, pp. 8–80 (In Russ.).
- Yakoby A. I. *Tyurki stepey Severnogo Kavkaza* [Turkic tribes inhabiting the North Caucasus steppes]. St. Petersburg, A. N. Mikhaylov Publ., 1901, 45 p. (In Russ.).

УДК 94(479)08

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ У НОГАЙЦЕВ В XIX в.

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов¹, Асият Арсланбековна Абасова²

¹доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

²преподаватель, педагогический колледж № 3 (Белоярск, Российская Федерация); соискатель, кафедра всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация) E-mail: vikingpasha@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются различные подати и повинности ногайского населения, которые они несли своим владетелям, а также единые повинности, возложенные на них после включения в состав Российского государства. Мурзы, стоявшие во главе кочевых аулов, составляли высшее сословие ногайского народа. Местное население несло в их пользу разные повинности. Также с них взимались повинности на содержание местной администрации. Следует отметить, что повинности распределялись не количеству душ, а согласно численности скота. С 1828 г. российские власти привлекли к отбыванию повинностей тарханов, сеитов и мурз. Кроме того, с присоединением к России ногайцы обязаны были нести следующие повинности: развозить собственными средствами казенный провиант для продовольствия войск в магазины Кавказской линии, содержать почтовые станции на Кизляро-Астраханском тракте, выставлять на кордонную службу вооруженных всадников, принимать участие в перевозке строительных материалов по требованиям строительной комиссии, которая находилась в Пятигорске. Наряду с различными видами продуктовой ренты, существовали разнообразные формы отработок, прикрываемые патриархальной оболочкой: помощь мурзам и баям, уход за скотом богатого «родственника» и т. д. В середине XIX в. отработочная рента у ногайцев практически исчезла.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, ногайцы, подати, повинности, администрация, владельцы, пристав.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 27–37, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)

Illiteracy Eradication Policies in the USSR in the 1950–1960s

Galina M. Ivanova ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Institute of Russian History of the RAS; Deputy Director for Research, GULAG History Museum (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivgalina@mail.ru.

Abstract

With evidence from newly introduced archival materials, the paper studies the eradication of illiteracy among the USSR's adult population during the 1950–1960s. It analyzes the causes for the increase in the number of illiterate citizens in the postwar period and concludes that the miserable situation largely resulted from repressive deportations and arrangements of 'special settlements' (Rus. '*spetsposeleniya*'). Many children from families of the deported and 'special settlers' (Rus. '*spetsposelentsy*') had no real opportunities to learn the basics of how to read and write. For example, over 23 % of Kalmyk school-age children did not attend school.

The government planned to eradicate illiteracy in the USSR during the mid-1950s, however, the lack of funding and poor organization of the work on the identification and training of illiterates impeded the realization of the plans. The attempt by the Ministry of Education to shift the concern for the elimination of illiteracy among trade union members onto trade union organizations had yielded no positive results.

The article provides the first attempt to investigate the state illiteracy eradication program. This policy was set in motion throughout the country after enactment of the confidential decree "On Illiteracy Eradication among the Population" dated 4 January 1958. The paper analyzes the implementation of the decree and its results. In 1958, half a million illiterate citizens aged 16 to 49 years, including 1 611 Kalmyks, were trained in the RSFSR.

The 1959 population census showed that the work on elimination of illiteracy had not been completed. The greatest number of illiterates in the RSFSR (as a percentage of the total population of the region) was found in the Chechen-Ingush ASSR (5.6 % of the total population of the autonomous republic) and in the Yakut ASSR (2.3 %). In the Kalmyk ASSR, the census revealed 3 935 illiterates (2.2 % of the total population of the region). In the author's opinion, such a situation is largely an echo of the policy of deportations and special settlements.

The article contains extensive statistical materials on the number of illiterates and semi-literates in the country and its regions.

Keywords: eradication of illiteracy, Stalin's 'special settlements', education in the USSR.

Проблема полной ликвидации неграмотности взрослого населения СССР оставалась актуальной на протяжении 1950-х–1960-х гг. Вопрос обучения неграмотных то затухал и не выходил за рамки рутинной работы местных органов народного образования, то вспыхивал с такой силой, что сводки о числе обученных грамоте, поступавшие в высшие партийные органы, напоминали донесения с полей сражений.

Рост численности неграмотных в СССР в послевоенный период был обусловлен, в первую очередь, тяготами и лишениями военного времени. Однако ряды неграмотных и малограмотных граждан пополнялись не только за счет тех, кто в годы войны и сразу после её окончания не имел возможности учиться. Одним из главных источников роста численности неграмотного населения были спецпоселения. В результате репрессивной политики И. В. Сталина жертвами насильственных переселений, депортаций, ссылок и высылки стали более 6 млн чел. Выселенные из родных мест люди направлялись в отдаленные районы страны на специальные поселения. Там они находились под надзором органов внутренних дел и не имели права покидать места спецпоселений, хотя формально сохраняли статус полноправных граждан СССР. Подавляющее большинство (82 %) депортированных считались выселенными «навечно» и потому в документах иногда именовались «выселенцами». На 1 января 1953 г. на учете состояло 2 753 356 спецпоселенцев, в том числе 884 057 детей в возрасте до 16 лет включительно [Земсков 2003: 201–212].

Введение в стране всеобщего обязательного семилетнего обучения привлекло внимание органов внутренних дел к вопросам школьного обучения детей спецпоселенцев. Осенью 1949 г. Отдел спецпоселений МВД СССР организовал проверку постановки школьного образования детей спецпоселенцев в Казахской ССР. Оказалось, что из 196 224 детей школьного возраста обучались 138 604 человека (70,6 %), остальные 57 620 детей (29,4 %) школы не посещали. Среди калмыцких детей, проживавших на территории Казахской ССР, не посещали школы 10 %. Как отмечал начальник Отдела спецпоселений В. В. Шиян в своей докладной записке от 22 декабря 1949 г. на имя министра внутренних дел С.Н. Круглова, «основной причиной неполного охвата детей учебой является необеспеченность их

одеждой и обувью. В связи с наступлением зимнего периода значительное количество детей из-за отсутствия обуви и одежды перестали посещать школы. Наряду с этим во многих казахских школах по месту расселения выселенцев-спецпоселенцев отсутствуют русские классы. Поэтому дети выселенцев-спецпоселенцев, не владея казахским языком, отказываются учиться в этих школах» [История сталинского Гулага 2004: 767].

После обсуждения результатов этой проверки руководство МВД СССР поручило Отделу спецпоселений выяснить, как проводится в целом школьное обучение детей спецпоселенцев. 24 февраля 1950 г. полковник В. В. Шиян представил руководству МВД СССР докладную записку под грифом «Совершенно секретно», в которой информировал о состоянии школьного обучения детей спецпоселенцев. Всего на 1 января 1950 г. в местах расселения репрессированных было учтено детей выселенцев-спецпоселенцев школьного возраста 460 032 человека. Из них обучалось в начальных и средних школах 368 089 детей (80 %), не были охвачены учебой 91 943 человека (20 %). Среди детей выселенцев-спецпоселенцев насчитывалось калмыков школьного возраста 14 548 человек, из них учились в школе 11 156 детей (76,7 %), не учились — 3 392 ребенка (23,3 %) [История сталинского Гулага 2004: 634].

В качестве основных причин непосещения школ детьми назывались два обстоятельства. Во-первых, тяжелое материальное положение семьи, вследствие чего дети и подростки, не имея зимней одежды и обуви, прекращали ходить в школу или вынуждены были работать в колхозах и на производстве, чтобы получить средства к существованию. Во-вторых, отсутствие школ в местах расселения выселенцев-спецпоселенцев или большая отдаленность школ от спецпоселков. Вопрос о том, что представляли собой школы, если они и были в самых отдаленных и труднодоступных районах СССР, и имелись ли там условия для обучения детей всех возрастов, органами МВД не ставился и не обсуждался.

Среди детей, не охваченных учебой, преобладали дети из семей, выселенных с Северного Кавказа и из Грузии, а также депортированных из Молдавии, Прибалтики и с так называемого «Черноморского побережья» (турки, греки, армяне и другие наро-

ды). По мнению автора докладной записки В. В. Шияна, такое положение объяснялось следующими причинами: «По данным проведенного в 1949 г. переучета выселенцев-спецпоселенцев, среди взрослого населения кавказских контингентов имеется наибольшее количество неграмотных. Среди выселенцев с Северного Кавказа количество неграмотных составляет 60 %, а среди выселенцев из Грузии достигает 63 %. Многие выселенцы из числа кавказских контингентов, будучи сами неграмотными, не проявляют необходимой заботы об устройстве своих детей в школы, а в ряде случаев вообще запрещают им учиться» [История сталинского Гулага 2004: 634].

Здесь несколько слов (в качестве комментария) следует сказать об образовательном уровне и социально-профессиональном составе взрослых спецпоселенцев, которые, конечно, оказывали определенное влияние на обучение их детей. В марте 1949 г. среди взрослых спецпоселенцев доля лиц, имевших высшее образование, составляла 0,6 %, среднее — 4,3 %, низшее — 71,0 %, доля неграмотных равнялась 24,1 %. В составе взрослого населения, депортированного в 1944 г. из Грузии, насчитывалось 62 % неграмотных, с Северного Кавказа — 59,9 %, из Крыма — 21,8 %. Кстати сказать, эти сведения, собранные сотрудниками Отдела спецпоселений МВД СССР для своих внутренних целей, опровергали те статистические данные, которые публиковались в советской печати в связи с заявлениями о ликвидации неграмотности в СССР. Удельный вес неграмотных в составе взрослого населения депортированных народов был неодинаковым: хемшилы — 74,9 %, курды — 70,6 %, ингуши — 65 %, чеченцы — 63,1 %, турки-месхетинцы — 62 %, балкарцы — 46 %, карачаевцы — 45 %, калмыки — 39,2 %, крымские татары — 23,6 %, крымские греки — 15,6 %, крымские болгары — 13,6 %, крымские армяне — 13,2 %, немцы — 11,1 % неграмотных [Земсков 2003: 177–179].

Образовательный уровень взрослых калмыков, находившихся в местах спецпоселений, по данным на март 1949 г., был следующим: высшее образование имел 201 человек (0,4 %), среднее — 1 367 (2,8 %), низшее — 28 020 (57,6 %), неграмотных насчитывалось 19 060 человек (39,2 %). Всего на спецпоселении находилось 48 648 взрослых калмыков, в том числе 20 431 мужчи-

на (42 %) и 28 217 женщин (58 %). Социально-профессиональный состав взрослых калмыков в условиях спецпоселения выглядел следующим образом: рабочие — 22 571 человек (46,4 %), колхозники — 13 851 (28,5 %), единоличники — 7 человек, служащие — 2 002 (4,1 %), учащиеся — 573 (1,2 %), не работающие — 10, домохозяйки — 1 862 (3,8 %), престарелые и иждивенцы — 2 304 (4,7 %), инвалиды — 1 560 (3,2 %), пенсионеры — 156 (0,3 %), прочие — 3 752 человека (7,7 %) [Земсков 2003: 174–175].

В докладной записке В. В. Шияна отмечалось также, что серьезным препятствием к обучению детей спецпоселенцев является то обстоятельство, что семьи, депортированные с Кавказа, в основном расселены в республиках Средней Азии и Казахстане, где занятия в большинстве школ проводятся на языках местного населения. Эти языки были незнакомы ни взрослым спецпоселенцам, ни их детям. Среди этих групп спецпоселенцев даже русским языком владели немногие. Кроме того, многие выселенцы из числа чеченцев, ингушей, карачаевцев и некоторых других депортированных народов, будучи, по словам автора записки, настроены националистически, не хотели, чтобы их дети обучались не на своем родном языке, и вследствие этого запрещали им посещать местные школы. В тех местах расселения спецпоселенцев, где имелись русские школы, дело осложнялось тем, что подавляющее большинство детей, депортированных вместе с родителями в 1948–1949 гг. из Прибалтики, с «Черноморского побережья» и из Молдавии, никогда не изучали и не знали русского языка, следовательно, не могли, да и не хотели, начинать обучение в русских школах [История сталинского Гулага 2004: 635].

Подавляющее большинство репрессированных смогли покинуть места спецпоселений в 1954–1956 гг., но не все они получили право вернуться на родину: многим пришлось остаться жить в тех краях, куда они были выселены, или устраиваться в других регионах Советского Союза. В отношении некоторых народов запрет на возврат в родные места был снят в последующие годы, многие возвращались самовольно. Поскольку имущество депортированных семей, конфискованное при выселении, не подлежало возврату, почти каждому, кто возвратился в родные места, пришлось начинать жизнь с нуля. В таких условиях дети, выросшие на

спецпоселении и не получившие никакого образования, со временем пополняли ряды неграмотных и малограмотных взрослых.

По данным единовременного статистического учета сельского населения, на 1 января 1951 г. в РСФСР насчитывалось неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет включительно 1 660 500 человек. Из этого количества неграмотных в течение 1951 г. было обучено 136 тыс. чел. В большинстве областей и краев РСФСР план обучения неграмотных выполнялся крайне неудовлетворительно. В целях скорейшего завершения ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения народнохозяйственный план по обучению неграмотных был увеличен с 400 тыс. чел. в 1951 г. до 1 200 тыс. чел. в 1952 г. и план по обучению малограмотных — с 400 тыс. чел. до 500 тыс. чел. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 142].

Совет министров СССР распоряжением от 30 августа 1952 г. предоставил Министерству просвещения РСФСР право производить, в виде исключения, оплату труда учителей, обучающихся неграмотных и малограмотных в индивидуальном порядке, в размере 100 руб. за каждого обученного, сдавшего проверочные испытания. Указанное распоряжение сыграло некоторую положительную роль. В отдельных областях в 1953 г. значительно увеличилось количество обученных неграмотных и малограмотных по сравнению с 1952 г. Но в большинстве краев, областей и автономных республик оно не оказало никакого стимулирующего действия, поскольку предложенная оплата труда учителя была слишком маленькой и не покрывала его затрат на дополнительную работу во внеурочное время [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3523. Л. 122].

В течение 1952 г. вместо намечавшихся по плану 1 200 тыс. неграмотных и 500 тыс. малограмотных фактически было обучено только 172 529 неграмотных (14,4 % к плану) и 286 163 малограмотных (57,2 % к плану). В некоторых областях, краях и автономных республиках выполнение плана по обучению неграмотного населения практически было сорвано. Так, например, в Курганской области вместо 20 тыс. чел. по плану было обучено только 257 неграмотных (1,3 % к плану), в Коми АССР вместо 4 тыс. чел. — лишь 67 чел. (1,7 % к плану), в Горьком вместо 3,5 тыс. чел. — 58 (1,6 % к плану) и т. д. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 143].

Даже в таких промышленно развитых регионах, как Ленинградская область, план по обучению неграмотных из года в год не выполнялся. Так, за 1952 г. в области было обучено 283 взрослых неграмотных, что составило 5,6 % к плану, а за 1953 г. — 211 человек, или 5,3 % к плану. Несмотря на приказ министра просвещения РСФСР от 17 августа 1953 г., обязывавший Ленинградский областной отдел народного образования усилить работу по обучению неграмотных и завершить ликвидацию неграмотности по области в течение 1953 / 1954 учебного года, эта работа не улучшилась, а ухудшилась. Даже на таких крупнейших промышленных предприятиях области, как Волховский алюминиевый завод, Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат и др., обучение неграмотных и малограмотных шло совершенно неудовлетворительно [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3524. Л. 175-176]. В 1953 г. в целом по РСФСР грамоте было обучено 149 489 неграмотных (12,4 % к плану) и 260 285 малограмотных (43,4 % к плану), что было заметно меньше, чем в предыдущем году [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3523. Л. 122-123].

Ассигнования, которые государство отпускало на обучение неграмотных и малограмотных, использовались не в полном объеме. В 1952 г. из 57,3 млн руб. было освоено всего 23,1 млн руб., т. е. 40,2 %. В отдельных областях, например, в Курской, Орловской, Куйбышевской, выделенные ассигнования использовались на 11-20 %. Это свидетельствовало о крайне слабой организации работ по ликвидации неграмотности. Естественно, что планы по обучению неграмотных в этих областях ежегодно не выполнялись.

В 1954 г. общая сумма ассигнований, выделенных на ликвидацию неграмотности и обучение малограмотных, была уменьшена по сравнению с 1953 г. на 23,5 млн руб. Сокращение бюджета не влекло за собой снижения плановых показателей. Согласно народнохозяйственному плану на 1954 г., в РСФСР было намечено обучить 994 140 неграмотных и 595 570 малограмотных. Вместо этого в действительности за 1954 г. было обучено 126 570 неграмотных (12,7 % к плану) и 213 584 малограмотных (35,9 % к плану) [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4441. Л. 2].

Сокращение финансирования государственных программ ликвидации неграмот-

ности среди взрослого населения объяснялось, с одной стороны, ухудшением общей экономической ситуации в стране, а с другой стороны, явилось следствием неэффективной работы органов народного образования. Попытка министерства просвещения переложить на профсоюзные организации заботу о ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов не дала положительных результатов: во многих регионах по линии профсоюзов не было обучено ни одного неграмотного. Не проявляли никакого интереса к работе по ликвидации неграмотности и комсомольские организации, хотя среди комсомольцев было также немало неграмотных и малограмотных. Регулярное заслушивание отчетов местных отделов народного образования и рассылка на места указаний и писем, практиковавшиеся министерством просвещения, мало помогали делу обучения неграмотных.

В соответствии с государственным планом развития народного хозяйства, ликвидацию неграмотности в РСФСР планировалось завершить в самые кратчайшие сроки, а по ряду областей, имевших незначительное количество неграмотных, — в 1953 / 1954 учебном году. В этой связи Министерство просвещения РСФСР предложило сократить срок обучения неграмотных с 9 месяцев до 5, оставив в каждом месяце по 12 учебных дней и по 4 учебных часа в день. Учебный план предлагалось уменьшить с 330 часов до 200.

Реакция Отдела школ ЦК КПСС на эти предложения была отрицательной. Возражения аргументировались следующим образом: «предложение Министерства просвещения РСФСР о сокращении срока обучения неграмотных с 9 до 5 месяцев и количества учебных часов с 330 до 200 не может быть принято, так как за такой ограниченный срок невозможно обучить грамоте взрослого человека. Учитывая, что значительную часть молодежи не только требуется обучить грамоте, но и русскому языку, как предусматривается постановлением Совета министров СССР от 10 сентября 1953 г., постановка вопроса о сокращении срока обучения неграмотных является попыткой формального подхода к выполнению этого постановления, стремлением просто пропустить людей через курсы, не считаясь с тем, будут ли они действительно обучены» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 149.].

Проявляя вполне уместную принципиальность, Отдел школ ЦК КПСС вместе с тем мало считался с реальным положением дел в системе министерства просвещения. Главной заботой местных органов народного образования были не взрослые, а дети школьного возраста, среди которых многие по разным причинам нигде не обучались. Согласно секретным сведениям ЦСУ СССР, на 1 января 1955 г. в сельских местностях СССР насчитывалось 355 тыс. детей в возрасте 7–13 лет, не обучавшихся в школе, в РСФСР в сельских местностях не посещало школу 215,4 тыс. детей этого же возраста.

Аналогичной статистики по городам не существовало. По приблизительным данным учета детей, который проводили органы народного образования, на 1 сентября 1954 г. в целом по городам СССР не обучалось в школах 26 390 детей в возрасте 7–13 лет, в городах РСФСР школы не посещали 14 400 детей этого же возраста.

В числе детей, не обучавшихся в школах, имелись дети, которые вообще никогда не учились в школе. При проведении (с разрешения правительства) учета неграмотных в сельских местностях, органами ЦСУ СССР было учтено на 1 января 1954 г. значительное количество неграмотных детей и подростков. В целом по СССР в сельских местностях было учтено 55 130 неграмотных детей и подростков в возрасте 8–15 лет, в том числе 25 680 мальчиков и 29 450 девочек. Около 40 % от общей численности неграмотных детей и подростков составляли подростки в возрасте 14–15 лет. Около 15 % составляли 8-летние дети, т. е. те, кого родители своевременно по каким-либо причинам не отдали в школу. В сельских местностях РСФСР статистическими органами было учтено 22 130 неграмотных детей и подростков в возрасте 8–15 лет, в том числе 11 220 мальчиков и 10 910 девочек [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 34–36].

Вовлечь всех этих детей, покинувших школы, не закончив обучения, или никогда не сидевших за школьной партой, в процесс получения семилетнего образования — на это в первую очередь были направлены силы местных органов народного образования. Как отмечалось 4 мая 1955 г. на заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР, «контингент неграмотных и малограмотных в значительной степени пополняется за счет детей школьного возраста, которые по разным причинам отсеиваются из

школ всеобуча» [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4440. Л. 1-2. Д. 4441. Л. 4].

Статистические сведения о численности неграмотных и малограмотных в целом по СССР и по союзным республикам были весьма приблизительными и к тому же секретными. Вся государственная статистика находилась под надежной защитой Центрального статистического управления при Совете министров СССР. На протяжении многих лет (с 1948 по 1975 гг.) его председателем был В. Н. Старовский. До середины 1950-х гг. даже руководители министерств и ведомств не имели свободного доступа к статистическим материалам. После войны данные о численности населения СССР не публиковались и согласно постановлению Совета Министров СССР от 1 марта 1948 г. считались совершенно секретными и входили в перечень главнейших сведений, составлявших государственную тайну.

Исходя из сложившейся ситуации, ЦСУ СССР просило разрешить «„предоставлять для служебного пользования в секретном порядке“ министерствам, ведомствам и местным руководящим органам расчетные данные об общей численности населения по СССР, республикам, краям, областям и отдельным городам, отменив существующий порядок, по которому эти данные считаются совершенно секретными» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 56. Д. 17. Л. 207]. Это была своего рода «оттепель» в официальной статистике. По рекомендации В. Н. Старовского, проведение Всесоюзной переписи населения было назначено на январь 1959 г.

В августе 1957 г. ЦСУ СССР провело пробную выборочную перепись населения в 7 городах и районах Советского Союза. На основании материалов этой пробной переписи В. Н. Старовский подготовил для Н. С. Хрущева, работавшего над запиской в Президиум ЦК КПСС о системе народного образования в Советском Союзе, выборку информации о количестве неграмотных и малограмотных в СССР. «Полных данных о количестве неграмотных и малограмотных до проведения новой переписи населения не имеется», — сразу предупреждал В. Н. Старовский. Однако материалы пробной выборочной переписи населения показали, что в ряде районов страны все еще имеется значительное количество неграмотных. Так, по сведениям Старовского, из 735,9 тыс. чел. городского населения в возрасте от 9 лет и старше — 49 700 чел., или 6,8 %, назвали

себя полностью неграмотными, т. е. не умеющими ни читать, ни писать на каком-либо языке. Из 105,7 тыс. чел. сельского населения в этом возрасте неграмотных оказалось 14 400 чел., или 13,6 %. В отдельных сельских районах удельный вес неграмотных в возрасте от 9 лет и старше был особенно высок и доходил до 21–25 % [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 350. Л. 45].

Эти данные серьезно встревожили высшее руководство страны. Стало понятно, что, если не принять срочные меры, предстоящая перепись населения, несомненно, выявит в десятки раз большее число неграмотных и малограмотных, а это будет совсем не к лицу стране, начавшей освоение космоса. Об этом же предупреждал и начальник ЦСУ РСФСР Б. Т. Колпаков, который писал в своем докладе на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова: «В январе 1959 г. при переписи населения неграмотное население будет тщательно учтено, и было бы крайне нежелательным, чтобы число таких граждан в РСФСР было велико» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 49].

И срочные меры были приняты. 4 января 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР утвердили секретное (без опубликования в печати) постановление № 15-9 «О ликвидации неграмотности среди населения», а 18 января 1958 г. Совет министров РСФСР принял постановление № 41-5 по тому же вопросу [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 34]. На уровне местного партийного и советского руководства срочно принимались соответствующие решения, и тоже в секретном порядке.

Начавшийся в январе 1958 г. новый этап работы по ликвидации неграмотности в корне отличался от всех предыдущих: сейчас речь шла не столько о ликвидации неграмотности, сколько о выполнении постановления партии и правительства по этому вопросу, а это был уже качественно иной уровень организации работ по обучению неграмотного населения.

По данным Министерства просвещения РСФСР, проверенным статистическими органами, в РСФСР (без Камчатской области и Якутской АССР) имелось на 1 января 1958 г. неграмотных в возрасте 16–50 лет 592,2 тыс. чел., что составляло около 1 % от общей численности населения РСФСР данного возраста. Из общего числа неграмотных 490 тыс., или 83 %, составляли женщины. Малограмотных, т. е. умеющих только

читать, было учтено 505 тыс., из них женщин — 371 тыс., или 73,5 %. Из 592,2 тыс. учтенных неграмотных 427 тыс., или 72 %, проживали в сельской местности [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 47, 50–53].

25 января 1958 г. Министерство просвещения РСФСР подготовило и направило на места приказ, обязывавший областные, краевые и городские отделы народного образования, а также министерства просвещения АССР привлечь учительство и работников отделов народного образования к активному участию в проведении учета неграмотных, немедленно организовать обучение выявленного контингента неграмотных, привлечь к делу обучения неграмотных общественность, обеспечить учащихся бесплатными учебниками, установить контроль за ходом обучения неграмотных и т. д. Руководители органов народного образования несли персональную ответственность за выполнение партийно-правительственного решения о ликвидации неграмотности.

В марте 1958 г. были напечатаны и отгружены на места 300 тыс. букварей для обучения неграмотных, 50 тыс. экземпляров программ по обучению неграмотных и малограмотных и 1 млн бланков удостоверений для выдачи обученным неграмотным и малограмотным. На местах работа по ликвидации неграмотности началась с выявления и составления списков всех взрослых неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет, подлежащих обучению. Наибольшее число неграмотных было выявлено в Дагестанской, Чечено-Ингушской и Башкирской автономных республиках, в Тамбовской, Московской, Новосибирской областях, а также в Алтайском и Краснодарском крае. В каждом из названных регионов насчитывалось от 16 тыс. до 30 тыс. неграмотных, при этом обучением было охвачено всего от 11 до 22 % неграмотных. В целом, обучение неграмотных проходило значительно успешнее, чем в предыдущие годы. С января по май 1958 г. грамоту освоили в три с лишним раза больше неграмотных, чем за весь 1957 г. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 35. Л. 112–113]. Однако в деле ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения имелись серьезные трудности и существенные недостатки.

Обучение неграмотных даже для опытных учителей было делом весьма трудоемким и непростым. Министерство просвещения в своих отчетах отмечало заслуги учи-

телей-энтузиастов, активно включившихся в обучение неграмотных. Так, учительница Е. Т. Лукашина из Москвы обучила 9 неграмотных, учителя Е. В. Делова и Т. Л. Рыбкина (Псковская область) вдвоем обучили 13 неграмотных. Отмечались заслуги учителей, библиотекарей из Сталинградской области, обучивших от 2 до 4 неграмотных цыган. В 1958 г., несмотря на значительные усилия министерства просвещения, далеко не все государственные, партийные и общественные структуры активно включились в работу по выполнению постановления партии и правительства о ликвидации неграмотности среди населения. Так, за 10 месяцев 1958 г. по линии профсоюзных организаций было обучено всего лишь 7 % от общего числа окончивших обучение.

Одна из причин того, что в обществе не наблюдалось ничего похожего на кампании 1920-х–1930-х гг. по ликвидации неграмотности, заключалась в том, что кампания 1958 г. была, по сути, скрыта от общественности. Секретный характер партийно-правительственного постановления о ликвидации неграмотности привел к тому, что многие руководители общественных организаций и предприятий долгое время вообще ничего не знали о постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР, равно как и о соответствующих решениях горкомов и обкомов. Так случилось, например, в Перми. Руководители велосипедного завода, нефтемаслозавода, кирпичных заводов, швейной фабрики и других предприятий города только с апреля включились в работу по ликвидации неграмотности. На протяжении длительного времени не могли закончить учет неграмотных членов профсоюзов профсоюзные организации работников лесной, угольной и нефтяной промышленности в Коми АССР. Далеко не все местные руководители были проинформированы о том, что работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения необходимо закончить до начала Всесоюзной переписи населения, многие даже не догадывались о действительной причине активизации работ по ликвидации неграмотности, поэтому и не придавали этому делу особого значения.

Местные партийные и общественные организации плохо вели разъяснительную работу с неграмотными. Так, в Углеуральске Пермской области от обучения категорически отказывались неграмотные рабочие, прибывшие из западных областей Белорус-

сии и Украины, и никто не проводил с ними никакой разъяснительной работы [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 41]. В некоторых автономных республиках и областях с многонациональным составом населения работа по обучению неграмотных и малограмотных тормозилась из-за недостатка общественных учителей, владевших языками национальных меньшинств, к которым принадлежали неграмотные и малограмотные. Иногда этой работе мешали национальные традиции и обычаи.

Сложные условия для обучения неграмотных наблюдались в Чечено-Ингушской АССР. Постоянный приток населения на территорию республики вследствие снятия в 1957 г. запрета на возвращение спецпоселенцев на родину сопровождался непрерывным увеличением числа неграмотных. Женщин из коренного населения приходилось обучать отдельно от мужчин и в большинстве случаев на дому в индивидуальном порядке, так как в силу традиций женщина не могла находиться вместе с мужчиной в общественном месте. Были случаи, когда мужа просто не пускали своих жен в школы. 23 апреля вышли из печати 4 тыс. букварей на ингушском языке, которые использовались для обучения взрослого неграмотного населения. Для обучения лиц чеченской национальности использовались детские буквари на чеченском языке, которые вышли из печати тиражом 20 тыс. экземпляров в конце 1957 г. Для обеспечения букварями всех неграмотных срочно печатался дополнительный тираж [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 43].

Обучение грамоте проходило медленно. В каждой области, крае и автономной республике среди неграмотных было много женщин-домохозяек в возрасте старше 40 лет, которые, ссылаясь на свой возраст и семейные обязанности, нередко категорически отказывались от обучения их грамоте. Во многих областях, как показывали инспекторские проверки, занятия с неграмотными проводились нерегулярно, от случая к случаю, а это приводило к удлинению срока обучения. Поэтому часть обучающихся неграмотных и малограмотных под разными предлогами прекращала занятия. В период летних каникул, вопреки распоряжениям министерства просвещения, во многих районах обучение неграмотных было прекращено и возобновилось только в сентябре, после возвращения учителей из отпусков. Многие

школы, обучив неграмотных, прекращали с ними занятия, не переводя их в разряд малограмотных, что нередко приводило впоследствии к рецидиву неграмотности. Во многих районах не хватало средств, ассигнованных на ликвидацию неграмотности.

Много путаницы на местах было с учетом неграмотного населения. Проверка достоверности отчетных данных органов народного образования о ликвидации неграмотности показала, что данные о числе обученных по отдельным районам оказались завышенными в 2–3 и более раз.

Совет министров РСФСР, Министерство просвещения РСФСР, ЦСУ РСФСР, а также областные комитеты партии регулярно докладывали в высшие партийные органы о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 января 1958 г. «О ликвидации неграмотности среди населения». Справки, отчеты, доклады, статистические таблицы, представленные разными ведомствами, акцентировали внимание на разных сторонах проблемы, что помогало высшему партийному руководству осуществлять действенный контроль над ситуацией в целом. Вся информация о работе по ликвидации неграмотности проходила под грифом «секретно».

К концу 1958 г. в РСФСР по неполным данным было учтено 623 033 неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет. По данным ЦСУ РСФСР, на 1 ноября 1958 г. из общего количества учтенных неграмотных окончили курс обучения 360 851 чел. (58 %), продолжали обучение 206 180 неграмотных (33 %), не были охвачены обучением 56 002 чел. (9 %).

В Калмыцкой АССР с января по октябрь 1958 г. было учтено неграмотных в возрасте 16–50 лет 1 611 чел., из них окончили курс обучения 640 чел. (39,7 %), продолжали обучение на 1 ноября 1958 г. 971 чел. Калмыцкая АССР была единственной территориальной единицей РСФСР, где все учтенные неграмотные в возрасте 16–50 лет были охвачены обучением [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 77, 82–85].

Эти данные свидетельствуют, что органы народного образования проделали очень большую и сложную работу по ликвидации неграмотности населения в РСФСР. Всего в 1958 г. в республике грамотой овладели около 0,5 млн неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет. Однако итоги переписи населения показали, что эта работа не была полностью завершена.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., на 15 января в РСФСР имелось 1 011,3 тыс. неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет, из них 419,6 тыс. в городах и поселках городского типа и 591,7 тыс. — в сельской местности. По сравнению с данными переписи 1939 г., число неграмотных в РСФСР сократилось к 1959 г. более чем в 7 раз [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 187, 190].

Общая численность населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения, составляла 117 534 тыс. чел. Удельный вес неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет в общей численности населения РСФСР данного возраста составил 1,4 % против 10,3 % в 1939 г., значительно повысилась грамотность среди женщин. Если в 1939 г. удельный вес неграмотных женщин в общей численности женщин данного возраста составлял 16 %, то в 1959 г. — только 2 %. Однако число неграмотных женщин, как в городах, так и в сельской местности, значительно превышало число неграмотных мужчин. Из общего количества неграмотных в 1959 г. женщины составляли 80 %, а в городах — 82 % от всего неграмотного городского населения.

Из общей численности неграмотных жителей России 268,8 тыс. чел., или 26,6 %, не умели ни читать, ни писать из-за болезни (умственная отсталость, слепые, глухонемые и др.). Среди мужчин почти у 50 % неграмотность была связана с болезнью, тогда как среди женщин неграмотных по болезни насчитывалось только 20 % [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 188].

Наибольшее число неграмотных (в процентном отношении к общей численности населения автономной республики) было выявлено в Чечено-Ингушской АССР (39,9 тыс. чел., или 5,6 % от общей численности населения республики) и в Якутской АССР (11 тыс. чел., или 2,3 %). В Калмыцкой АССР перепись выявила 3 935 чел. (2,2 % от общей численности населения республики), не умевших ни читать, ни писать ни на каком языке, в том числе в городах и поселках городского типа — 624 человека (16 %), в сельской местности — 3 311 человек (84 %). Среди неграмотных жителей Калмыцкой АССР насчитывалось 779 мужчин (19,8 %) и 3 156 женщин (80,2 %) [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 188, 191; Население России в XX веке 2005: 202–207]. Думается, что такая ситуация — это в значительной мере экополитики депортаций и спецпоселений.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. впервые дала полное представление об уровне образования всего населения СССР. В советское время многие данные переписи, в частности о количестве неграмотных и малограмотных, не публиковались. Для высшего руководства страны на основе материалов переписи готовились тематические статистические сводки, освещавшие различные стороны жизни советского народа, почти все они имели гриф «Не для печати». Закрытость информационных материалов, подготовленных для высшего партийного руководства, в значительной мере была обусловлена тем, что в них содержались данные в абсолютных величинах (миллионы человек), а не только процентные соотношения, как это практиковалось в советской статистике.

Всего, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в СССР насчитывалось 208,8 млн чел., в том числе 162,5 млн чел. в возрасте 10 лет и старше. Занятого населения насчитывалось 99,1 млн чел. Число лиц, не имевших начального образования, в составе занятого населения составляло 23,4 млн чел. (23,6 %), в том числе неграмотных насчитывалось 3,5 млн (3,5 %). По отношению ко всему населению в возрасте 10 лет и старше доля лиц, не имевших даже начального образования, составляла 53,5 млн чел. (32,9 %), в том числе доля неграмотных — 13,3 млн (8,2 %). В основном не владели грамотой люди старшего возраста. Из 13,3 млн чел. в возрасте 10 лет и старше, являвшихся в январе 1959 г. совершенно неграмотными, свыше 85 % приходилось на долю тех, кто не подлежал обязательному обучению, т. е. был в возрасте 50 лет и старше [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 13 об.—14].

В течение 1959–1962 гг. в стране продолжалась планомерная работа по ликвидации неграмотности, но она протекала уже не столь интенсивно, как в 1958 г. Вопрос о завершении ликвидации неграмотности среди населения вновь рассматривался в ЦК КПСС летом 1962 г. В соответствии с постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 27 августа 1962 г. программа полной ликвидации неграмотности среди взрослого населения должна была завершиться к 1 июля 1965 г. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 55]. На начало 1963 г. в стране все еще насчитывалось (по расчетам ЦСУ СССР) 885 тыс. неграмотных в возрасте 16–49 лет (включая лиц,

имевших дефекты умственного и физического развития) [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 14]. В РСФСР численность неграмотного взрослого населения, подлежавшего обучению, составляла около 300 тыс. чел., более половины из них к началу 1965 г. прошли обязательный курс обучения грамоте. Среди взрослого населения Калмыцкой АССР в 1962–1964 гг. было выявлено дополнительно неграмотных 1 441 чел., большинство из них к началу 1965 г. овладели грамотой, необученными оставались 146 чел. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 63].

Особое беспокойство у высшего руководства страны вызывало то обстоятельство, что среди неграмотных лиц встречалась и молодежь. ЦК КПСС и Совет министров СССР секретным постановлением от 20 июля 1964 г. «О мерах дальнейшего улучшения подготовки молодежи допризывного и призывного возрастов к службе в Вооруженных силах СССР» обязали республиканское руководство в двухмесячный срок выявить всех неграмотных юношей в возрасте 15 лет и старше и организовать их обучение в групповом и индивидуальном порядке. Счет неграмотных юношей уже не шел на тысячи, как было десять лет назад. В РСФСР, например, было выявлено 469 неграмотных юношей допризывного и призывного возрастов, причем далеко не все они проживали в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока, как можно было бы предположить. Относительно много неграмотной молодежи было выявлено в Саратовской, Ленинградской, Ростовской и в других экономически развитых областях РСФСР [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 56–57].

Проблема ликвидации неграмотности населения имела, с одной стороны, репутационное значение, с другой, — чисто практическое. Научно-технические достижения СССР во второй половине 1950-х–1960-х гг. заставили мировую общественность по-новому взглянуть на советскую образовательную систему. Риск потери приобретенной Советским Союзом репутации страны, которая достигла высокого уровня научно-технического развития, заставлял советское руководство уделять значительное внимание вопросам ликвидации неграмотности и по этой же причине вынуждал скрывать от общественности факт наличия большого числа неграмотных среди занятого населения страны. С практической точки зрения

неграмотность занятого населения мешала повышению материального уровня трудящихся, поскольку не позволяла неграмотным людям выйти из группы неквалифицированных и, соответственно, низкооплачиваемых категорий рабочих. В рамках всего народного хозяйства неграмотность части занятого населения сдерживала развитие производительных сил страны.

Секретный характер государственной политики ликвидации неграмотности мешал широкомасштабному привлечению к обучению неграмотных общественности. Органы народного образования без активной помощи профсоюзных и комсомольских организаций не имели реальной возможности справиться с обучением сотен тысяч неграмотных и малограмотных людей в предлагаемые правительством сроки. Тем не менее, в 1950–1960-е гг. в стране была проведена значительная работа по обязательному обучению неграмотного населения, которая фактически привела к постепенной ликвидации неграмотности как явления.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации:
 Ф. А-2306 — Министерство просвещения РСФСР. Оп. 72. Д. 3523.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3524.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4440.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4441.
 РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории:
 Ф. 2 — Пленумы ЦК ВКП (б) — КПСС. Оп. 1. Д. 627.
 Ф. 3 — Политбюро ЦК КПСС. Оп. 56. Д. 17.
 Ф. 5 — Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 42, 66.
 Ф. 52 — личный фонд Н. С. Хрущева. Оп. 1. Д. 350.
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории:
 Ф. 556 — Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Оп. 16. Д. 35.
 Ф. 556. Оп. 16. Д. 63.
 Ф. 556. Оп. 16. Д. 113.

Литература

- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
 История сталинского Гулага: Конец 1920-х — первая пол. 1950-х годов: Собр. док.: в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М.: РОС-СПЭН, 2004. 823 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.

Sources

- GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. A-2306 — *Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR* [Ministry of Education of the RSFSR]. Op. 72. D. 3523; 3524; 4440; 4441 (In Russ.).
- RGANI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History]:
- F. 2 — *Plenumy TsK VKP (b) — KPSS* [Plenary sessions of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) — Communist Party of the Soviet Union]. Op. 1. D. 627 (In Russ.).
- F. 3 — *Politbyuro TsK KPSS* [Politburo of the CPSU CC]. Op. 56. D. 17 (In Russ.).
- F. 5 — *Apparat TsK KPSS* [Administrative Office of the CPSU CC]. Op. 18. D. 42, 66 (In Russ.).
- F. 52 — *Lichnyy fond N. S. Khrushcheva* [The

personal archival fund of N. Khrushchev]. Op. 1. D. 350 (In Russ.).

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 556 — *Byuro TsK KPSS po RSFSR* [Bureau of the CPSU CC for the RSFSR]. Op. 16. D. 35; 63; 113 (In Russ.).

References

- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Deportees in the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 306 p. (In Russ.).
- Istoriya stalinskogo Gulaga: Konets 1920-kh — pervaya pol. 1950-kh godov: Sobr. dok.: v 7 t. T. 5. Spetspereselentsy v SSSR* [History of the Stalinist Gulag: from the late 1920s to the mid-1950s. A collection of documents, in 7 vol. Vol. 5. Deportees in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 823 p. (In Russ.).
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. T. 3, kn. 1: 1960–1979* [Russia's population in the 20th c.: historical sketches. In 3 vol. Vol. 3, book 1: 1960–1979]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 304 p. (In Russ.).

УДК 94(47)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В СССР В 1950–1960-е гг.

Галина Михайловна Иванова¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; заместитель директора по научной работе, Государственный музей истории ГУЛАГа (Москва, Российская Федерация). E-mail: ivgalina@mail.ru.

Аннотация. На новом архивном материале исследуется проблема ликвидации неграмотности взрослого населения СССР в 1950–1960-е гг. Анализируются причины увеличения численности неграмотного населения в послевоенный период. Делается вывод, что одной из важных причин роста количества неграмотных были депортации и спецпоселения, так как многие дети из семей депортированных и спецпоселенцев не имели реальной возможности учиться.

Впервые объектом исследования стала государственная программа ликвидации неграмотности, развернутая в стране после принятия секретного партийно-правительственного постановления от 4 января 1958 г. «О ликвидации неграмотности среди населения». Анализируется ход выполнения этого постановления и его результаты. Всего в 1958 г. в РСФСР было обучено полмиллиона неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет, в том числе 1 611 калмыков. Итоги переписи населения 1959 г. показали, что работа по ликвидации неграмотности не была завершена. Секретный характер государственной политики ликвидации неграмотности мешал широкомасштабному привлечению общественности к обучению неграмотных. Органы народного образования без активной помощи профсоюзных и комсомольских организаций не имели реальной возможности справиться с обучением сотен тысяч неграмотных и малограмотных людей в предлагаемые правительством сроки.

Статья содержит обширный статистический материал о численности неграмотных и малограмотных в целом по стране, а также по регионам.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, депортации и спецпоселения, образование в СССР, статистика неграмотных.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 38–47, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-38-47
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

From the Khrushchev Thaw to Political Rehabilitation of the Kalmyk People: Restoration of the Autonomy

Konstantin N. Maksimov ¹

¹Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Chief Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: maksimovkn@kigiran.com.

Abstract

The article examines one of the topical questions in Kalmykia's history — the beginnings of the political rehabilitation of the indigenous population groundlessly repressed in December 1943. The USSR's policy for the rehabilitation of repressed peoples was determined by the Decree of the 20th Congress and a corresponding prescript of the governing Communist Party of the Soviet Union dated 24 November 1956. The rehabilitation policies, first and foremost the political and territorial aspects, were conducted in accordance with definite legislative acts. The documents that laid foundation of the Kalmyk people's rehabilitation process include as follows: Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR 'On Establishment of the Kalmyk Autonomous Oblast as Part of the RSFSR' and Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR 'On Establishment of the Kalmyk Autonomous Oblast as Part of Stavropol Krai' of 9 January 1957. The acts had the legal force of laws of the USSR and RSFSR, and, thus, virtually abolished the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of 27 December and Enactment of the Council of People's Commissars of 28 December 1943 according to which the Kalmyks had been deported, restoring their national statehood in the form of an administrative autonomy.

In natural sequence, the paper considers the graduated arrangements of the party and state aimed to mitigate the 'special' regime within 'special settlements', partially reinstate civil rights of separate categories of 'special settlers'. The measures preceded the subsequent rehabilitation of repressed peoples and proved an important milestone on the way there. The Kalmyk people's political rehabilitation was meaningful not only in terms of restoration of national statehood but also in terms of justice towards innocent victims of the dictatorship when knowingly false accusations against a whole people were finally withdrawn.

Keywords: Soviet state, Central Committee of the CPSU, Presidium of the Supreme Council of the USSR, Council of Ministers of the USSR, Ministry of Internal Affairs, Ministry of State Security, commissions, decrees, enactments, Stalin, Beria, Khrushchev, repressions, mitigation of the regime, restitution of civil rights, political rehabilitation, national statehood.

Маховик репрессивной политики Советского государства продолжал вращаться вплоть до начала 1953 г. Накануне предстоявших кардинальных изменений в общественно-политической, государственной жизни страны на учете органов Министерства государственной безопас-

ности СССР (далее — МГБ СССР) на 1 января 1953 г. состояло 2 819 776 чел., из них 2 753 356 спецпоселенцев, в том числе 81 475 калмыков (в наличии — 79 376, в местах заключения — 2 040, в розыске — 59 чел.) [ГА РФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10, 14–67].

С кончиной И. В. Сталина, как ни парадоксально, инициативу по пересмотру дел по массовым репрессиям проявил ни кто иной, как Л. П. Берия, один из главных инквизиторов 1930-х гг. в стране. В карательных органах были запрещены пытки, прекращены массовые репрессии, начаты освобождение и реабилитация отдельных лиц, пересмотр некоторых «громких» дел. Под амнистию по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. попало значительное количество уголовников, которые, по словам первого председателя КГБ СССР И. А. Серова, выйдя на волю, усложнили криминогенное положение в стране, особенно в крупных городах [Серов 2016: 410–412].

Президиум ЦК КПСС, поддержав «инициативу и начинания» Л. Берии, принял постановление «Об одобрении мероприятий МВД СССР по исправлению последствий нарушений законности» (от 10 апреля 1953 г.). В нем отмечалось: «Одобрить проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем МГБ СССР, выразившихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятий по исправлению последствий нарушений советских законов, имея в виду, что меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности» [Реабилитация 2000: 23].

Это постановление, как надо понимать, было принято при активной инициативе члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя председателя правительства СССР, министра внутренних дел СССР Л. П. Берии, временно захватившего лидерство в коллективном руководстве и мечтавшего, видимо, участвовать в управлении страной. По свидетельству Н. С. Хрущева, Л. П. Берия вносил и другие предложения по вопросам заключенных и ссыльных, уменьшению сроков осужденных «тройками» на 20 лет до 10. Однако, как вспоминал Н. С. Хрущев, сам он якобы был категорически против и не поддержал предложения Л. П. Берии, поскольку «надо было пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики» [Хрущев 1997: 270–271].

В инициативах Л. П. Берии было видно его стремление показать свою непричастность и переложить вину за массовые репрессии на МГБ СССР. Историк Юрий Аксютин пишет: «А пока Берия ответствен-

ность за это возлагает на бывшего министра госбезопасности С. Д. Игнатьева», которого 6 апреля 1953 г. освободили от обязанностей секретаря ЦК и вывели из состава ЦК [Аксютин 2010: 45]. Между тем, в пик репрессий с 1934 по 1943 гг. функционировал объединенный НКВД СССР (в 1941 г. он был разделен лишь на полгода, и НГБ возглавил В. Н. Меркулов) во главе с Г. Г. Ягодой (июль 1934 — сентябрь 1936 гг.), Н. И. Ежовым (сентябрь 1936 — ноябрь 1938 гг.), Л. П. Берией (ноябрь 1938 — декабрь 1945 гг., март — июнь 1953 гг.), С. Н. Кругловым (с декабря 1945 г. — нарком, с марта 1946 г. по март 1953 г., с января 1954 г. по январь 1956 г. — министр МВД).

Вскоре ЦК КПСС решил взять в свои руки вопросы пересмотра последствий репрессий. С этой целью он образовал Комиссию в составе секретарей ЦК ВКП(б) М. А. Суслова и П. Н. Пospelова, министра юстиции СССР К. П. Горшенина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина и секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкина, которой поручалось изучить вопрос о трудовом и бытовом устройстве спецпоселенцев и представить предложения. В записке Комиссии, представленной в апреле 1953 г. в Президиум ЦК КПСС Г. М. Маленкову, председателю Совета Министров СССР, отмечалось: «При этом выяснилось крайне неблагоприятное положение дел с политической работой среди спецпоселенцев — немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Многие местные партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним, что искусственно порождает настроения недовольства среди спецпоселенцев. Считали бы целесообразным принять постановление ЦК КПСС об улучшении политической работы среди спецпоселенцев (проект постановления прилагается)». Комиссия вносила предложение изучить вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении указанных спецпоселенцев, которые были установлены в свое время постановле-

нием СНК СССР от 8 января 1945 г. и постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 г. [Аксютин 2010: 37–38].

Л. П. Берия, получив одобрение и пользуясь наметившейся тенденцией ликвидации последствий масштабных репрессий, решил совместно с министром МВД С. Н. Кругловым в 1953 г. провести подготовительную работу и к началу осени освободить большую группу спецпоселенцев. Однако его арест не позволил осуществить этот план. Освобождение и реабилитация генералов (51 чел.) с восстановлением их в званиях и наградах, по воспоминаниям первого председателя КГБ СССР И. А. Серова, было осуществлено в июле 1953 г. якобы по его и Р. А. Руденко инициативе [Серов 2016: 419–421].

В августе 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов, имея подготовленные с Л. П. Берией проекты указа Президиума Верховного Совета и постановления Совета Министров СССР об освобождении спецпоселенцев, все же решил внести в правительство СССР предложение о том, чтобы до конца года снять с учета 1 673 741 спецпоселенца, временно оставив на спецпоселении 1 046 503 чел., в том числе 55 557 взрослого населения калмыков. Он предлагал «отменить специальные поселения „навечно“ и без указания срока как особую административную меру, применявшуюся в отношении некоторых категорий граждан, установленную Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.». Не дождавшись реакции правительства СССР на свое мнение, в сентябре того же года он представил докладную в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. На этот раз в предполагаемый к освобождению контингент спецпоселенцев включались и калмыки. Но его предложения для руководства ЦК КПСС и правительства СССР, решившего провести поэтапное освобождение, оказались не только преждевременные, но и требовавшие для их реализации значительной подготовительной работы и расходов [Бугай 1991: 79–80; Земсков 2005: 229–230].

1953 год завершился лишь принятием МВД СССР в пределах своей компетенции незначительных мер по ослаблению им же установленного ужесточенного режима для спецпоселенцев. МВД СССР предоставило своим местным органам право разрешать спецпоселенцам свободно передвигаться по служебным и личным делам в пределах

мест поселений. Однако фактически все оставалось по-прежнему, поскольку спецпереселенцы — рабочие и колхозники — по специфике работы не могли быть куда-то командированы. Для получения разрешения на отлучку из села по личным делам спецпереселенцу следовало отпроситься на работе и прибыть в комендатуру, находившуюся за несколько десятков километров в районном центре. Комендант мог разрешить спецпереселенцу сходить, съездить в другое село, но и имел право арестовать его на 5 суток или оштрафовать на 100 рублей за прибытие в райцентр без его ведома.

По состоянию на 1 января 1954 г., на учете в спецпоселениях числилось 2 720 072 чел., в том числе 82 831 калмык (24 259 мужчин, составлявших 29,2 % от численности калмыков; 30 744 женщин — соответственно 37,1 %; 26 243 ребенка — соответственно 33,7 %). Калмыки были рассредоточены в 4 автономных республиках, 6 краях, 19 областях семи союзных республик [ГА РФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 122–123; Д. 848. Л. 122, 127–136, 141–158, 161–170].

В 1954 г. руководство страны, оставляя спецпереселенцев под административным надзором, приступило к снятию лишь отдельных ограничений, частичному их амнистированию, внося некоторые изменения в их правовой статус. Комиссия ЦК КПСС, сформированная 15 января под руководством председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в составе министра юстиции К. П. Горшенева, министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, первого заместителя министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунева, заведующего Административным отделом ЦК КПСС А. Л. Дедова, Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, 24 февраля 1954 г. представила Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву записку с предложением о снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев. В ней отмечалось: «Излишне строгий режим, установленный для спецпоселенцев, неизбежно приводит к многочисленным случаям его нарушений, порождает факты беззакония в отношении спецпоселенцев со стороны работников спецкомендатур. Отрицательные стороны установленного режима в местах спецпоселения с особой тяжестью сказываются на детях спецпоселенцев.

При достижении 16 лет дети спецпоселенцев берутся в настоящее время на персональный учет со всеми вытекающими из

этого ограничениями, т. е. становятся также спецпоселенцами. Не имея права передвижения за пределы спецкомендатур, дети спецпоселенцев, таким образом, лишены часто возможности получить среднее образование, не говоря уж о высшем, не могут принять участие в спортивных соревнованиях, смотрах художественной самодеятельности, для них крайне ограничены возможности выбора профессии по своим способностям и склонности.

В связи с тем, что на учет спецпоселения берутся все дети спецпоселенцев, общее число спецпоселенцев с каждым годом увеличивается за счет детей. Так, за период с 1945 по 1952 гг. взято на посемейный учет 360 545 родившихся детей и на персональный учет спецпоселения 332 739 детей, достигших 16-летнего возраста». Комиссия вносила предложение принять меры по закреплению спецпоселенцев в местах поселений и смягчению их режима, особенно в отношении детей [Реабилитация 2000: 95–96].

Комиссия К. Е. Ворошилова 4 марта того же года представила в ЦК КПСС более обобщенную справку, где были проанализированы данные о категориях и количестве спецпоселенцев в СССР. В ней указывалось, что, «по данным МВД СССР, на спецпоселении в настоящее время находится 2 819 776 чел., в том числе 884 057 детей, не достигших 16-летнего возраста» [Реабилитация 2000: 97–98].

Основную группу спецпоселенцев, подчеркивалось в справке, составляют немцы (1 225 005 чел.), карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы (489 118 чел.), калмыки (79 376 чел.) и крымские татары (119 215 чел.), выселенные во время Отечественной войны.

В указах и постановлениях правительства не предусматривалось, что детей спецпоселенцев по достижении совершеннолетия должны брать на учет как спецпоселенцев. Однако, согласно инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 г., детей спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше брали на персональный учет как спецпоселенцев.

В совместной директиве министра внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 16 мая 1949 г. говорилось, что «все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками) подлежат зачислению на

вечное поселение, и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., которым устанавливалась уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения» [Реабилитация 2000: 97–98].

В соответствии с предложениями указанной Комиссии и МВД СССР 5 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1439-649 «с» «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». «В результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя, — отмечалось в нем, — и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев активно включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью». Однако и эта частичная отмена ограничений коснулась не всех категорий спецпоселенцев. Из-под административного надзора и посемейного учета освободили лишь детей спецпоселенцев, не достигших 16-летнего возраста, и детей старше 16 лет, обучавшихся в учебных заведениях. Во второй половине 1954 г. со спецучета были сняты 872 909 детей спецпоселенцев, в том числе 26 243 калмыцких ребенка, не достигших 16 лет. Они, получив статус свободного гражданина, фактически оставались в прежнем положении вместе со спецпоселенцами-родителями, поскольку как несовершеннолетние являлись иждивенцами.

Взрослых оставили под административным надзором и на персональном учете, но вместо ежемесячной личной явки на регистрацию в спецкомендатуру вводилась разовая регистрация в год. Работающим спецпоселенцам предоставлялось право свободного передвижения по стране, но только по служебным делам, т. е. с командировочным удостоверением учреждения, организации. В этом постановлении впервые ограничивались полномочия комендантов спецкомендатур. Правительство СССР отменило положение о применении комендантами штрафа до 100 руб. и ареста до пяти суток как административные меры наказания за нарушение режима в местах поселений [Реабилитация 2000: 158–159; ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 29].

Почти одновременно (13 июля 1954 г.) последовала еще одна директива — Указ

Президиума Верховного Совета СССР № 104/43 «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. „Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны“». Пункт Указа 1948 г., предусматривавший 20 лет каторжных работ за самовольный выезд (побег), был заменен пунктом постановления правительства СССР от 8 марта 1945 г., где говорилось: «... побег влечет за собой ответственность в уголовном порядке». В Указе 1954 г. этот пункт гласил: «... за самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения привлекать к уголовной ответственности по части 1 статьи 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик» [Ссылка 2001: 213].

В связи с принятием 5 июля постановления правительством СССР и 13 июля 1954 г. — Указа Президиумом Верховного Совета СССР министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов (16 июля) и Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко (20 июля) направили в подведомственные органы указания о применении названных правовых актов высших органов государственной власти. Приказом МВД СССР все следственные дела о побеге, находившиеся в производстве, переквалифицировались с указа 1948 г. на часть 1 ст. 82 УК РСФСР и других союзных республик. Все же МВД установило, что спецпоселенцы, выезжавшие в командировку обязаны были ставить в известность спецкомендатуру. В приказе также пояснялось, что зачисленные в учебные заведения дети спецпоселенцев снимаются с учета только по заключению МВД / УВД. Местным органам Министерства внутренних дел поручалось в месячный срок снять с учета детей спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 г., и сделать соответствующие отметки в книгах посемейного учета [Ссылка 2001: 213–215].

В сентябре 1954 г. на заседании пленума Верховного суда СССР приняли постановление «О порядке пересмотра дел в отношении лиц, осужденных за побег из мест заключения или из мест обязательного и постоянного поселения». Президиум Верховного Совета СССР, приняв 1 сентября 1953 г. Указ «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР», предоставил Верховному суду

СССР право пересматривать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших внесудебных органов — коллегий ОГПУ, троек НКВД — УНКВД, Особого совещания при НКВД — МГБ — МВД. В связи с упразднением Особого совещания все дела о побеге переселенцев передавались на рассмотрение территориальных народных судов. В начале 1954 г. были созданы Центральная и республиканские комиссии по пересмотру дел осужденных за «политические преступления» [Сборник законодательных... 1993: 71].

Процесс восстановления в гражданских правах жертв политических репрессий в 1955 г. проводился постепенно, выборочно, по отдельным категориям спецпоселенцев. Важным шагом в восстановлении спецпоселенцев в гражданских правах стало принятие 10 марта 1955 г. Советом Министров СССР постановления № 449-272«с» о выдаче им паспортов на общих основаниях. В соответствии с предложениями министерств обороны и внутренних дел СССР Президиум ЦК КПСС 23 марта 1955 г. принял постановление о призыве некоторых категорий спецпоселенцев на военную службу и снятии призванных с учета спецпоселения. В тот же день Совет Министров СССР издал постановление аналогичного содержания. Следует отметить, что в начале марта 1955 г. Л. И. Брежнев, будучи первым секретарем ЦК Казахской компартии, внес в ЦК КПСС предложение о призыве в ряды Советской Армии спецпоселенцев призывного возраста, проживающих в Казахской ССР, и формирование из них только строительных батальонов. Однако министерства обороны и внутренних дел СССР не поддержали его предложение. Они мотивировали свое решение тем, что вопрос о призыве необходимо решать в целом относительно всех спецпоселенцев. Кроме того, они полагали, что направление призывников, находившихся на спецпоселении, только в строительные батальоны может вызвать у них «отрицательные настроения» [ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 31; Д. 463. Л. 239].

В течение 1955 г. отдельные категории спецпоселенцев были сняты с персонального учета и освобождены из-под административного надзора с прекращением обязательной ежегодной регистрации в комендатуре. В первую очередь в эту категорию, по предложению Административного отдела ЦК КПСС и МВД СССР, включались коммуни-

сты. Так, 9 мая 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей». А 10 мая 1955 г. МВД СССР дало указание за № 86 местным органам внутренних дел о порядке выполнения постановления Президиума ЦК КПСС от 9 мая. На начало 1955 г. на спецпоселении в местных партийных организациях насчитывалось 7 456 коммунистов, в том числе 1 301 коммунист-калмык (1 110 членов КПСС, 191 кандидат в члены партии). Всего же по данному постановлению в течение 1955 г. сняли с учета в местах спецпоселений и освободили от административного надзора 15 330 коммунистов и членов их семей, в том числе 2 355 калмыков [ГА РФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 5; Д. 612. Л. 289, 293; Д. 905. Л. 20, 59–85; Д. 932. Л. 2; Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 45].

Президиум ЦК КПСС почти одновременно, 29 июня 1955 г., принял постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев». В нем указывалось, что в областях, районах, где проживают спецпоселенцы, зачастую огульно и необоснованно выражают им политическое недоверие, «...трудящиеся из числа спецпоселенцев часто не допускаются к выборной работе в местных советах, профсоюзных и комсомольских органах, в колхозах и кооперативных организациях. Коммунисты, ранее состоявшие на учете спецпоселения, не привлекаются на работу в партийный аппарат, в редакции местных газет и т. д. Новаторы производства и передовики сельского хозяйства из числа спецпоселенцев, как правило, не представляются к наградам и поощрениям за достигнутые ими высокие показатели в производственной работе.

Многие партийные, советские органы и хозяйственные руководители не придают значения закреплению спецпоселенцев в районах их расселения, вследствие чего за последнее время наблюдается значительное перемещение спецпоселенцев по отдельным республикам и областям». Поэтому в целях их закрепления в местах поселений предлагалось активнее и шире вовлекать спецпоселенцев в партийные, комсомольские, общественные и хозяйственные организации [Реабилитация 2000: 224–225]. Содержание этого постановления показывает, что ЦК КПСС, прекрасно понимая, что спецпоселенцы были лишены гражданских прав,

с вытекающими отсюда последствиями, действовал в прежних своих традициях, по сложившемуся стереотипу: вдруг «выявляет, обнаруживает ошибки, нарушения, допущенные якобы местными органами партии и власти», и вину перекладывает на них.

Если следовать хронологии по мерам, принимавшимся по освобождению от спецрежима, необходимо отметить категорию лиц спецпоселенцев, подпавших под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 3-м пункте указа говорилось: «Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях». К этой категории относились оставшиеся на спецпоселении «власовцы» (11 074 чел.), «фольксдойчи» и «немецкие пособники» (2 305 чел.), «кабардинцы» (1 129 чел.) [Реабилитация 2000: 259].

Определение 3-го пункта данного указа воспринимается весьма сложно, поскольку спецпоселенцы-участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные боевыми орденами и медалями СССР, члены семей погибших в бою с фашистами получили освобождение из-под административного надзора органов МВД и восстанавливались в гражданских правах лишь по постановлению Совета Министров СССР № 1963-10520 «сс» от 24 ноября 1955 г. Хотя, казалось бы, срок между этими постановлениями небольшой — всего два месяца, но факт в том, что участники Великой Отечественной войны, прибывшие к семьям на спецпоселение, были освобождены и с них были сняты ограничения только после коллаборационистов. А в это время на спецпоселении находилось вернувшихся фронтовиков-калмыков 7 665 чел. (383 офицера, 1 118 сержантов, 4 633 рядовых, 1 531 военнослужащий, освобожденный из фашистских концлагерей и репатриированный домой (остальные 2 796 бывших военнопленных трудились на шахтах, рудниках). В числе фронтовиков-калмыков на учете числилось 1 556 инвалидов Великой Отечественной войны на спецпоселении. Н. Ф. Бугай в своей монографии приводит сведения на 1944 г. [ГА РФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 285. Л. 166; Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 261, 263; см.: Бугай 2006: 79].

Участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, семей погибших воинов, преподавателей учебных заведений, членов их семей начали снимать с учета в местах спецпоселений в основном с декабря 1955 г. — января 1956 г. После выхода постановления Совета Министров СССР от 24 ноября его авторы обнаружили, что «забыли» «освободить из-под надзора органов МВД» членов семей участников войны, лиц, награжденных орденами и медалями, преподавателей учебных заведений. В докладной в ЦК КПСС указывалось, что после освобождения из спецпоселения названных лиц «у них под надзором органов МВД остаются члены семей, что ставит этих лиц в неравное положение с освобожденными. На спецпоселении их находится около 35 тыс. человек.

«Учитывая, что лицам, освобожденным из спецпоселения по постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г., не разрешается возвращаться в места, откуда они были выселены, — говорилось в докладной, — было бы целесообразно решить вопрос о снятии с учета спецпоселения и членов семей участников войны, лиц награжденных, членов семей преподавателей учебных заведений». Вносилось предложение дополнить постановление правительства СССР от 24 ноября пунктом, разрешавшим снятие с учета указанные категории лиц. В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС Совет Министров СССР, приняв дополнение к постановлению № 1963-10520 «сс» от 24 ноября 1955 г., разрешил данную проблему [ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 479. Л. 183–184].

В начале 1950-х гг. со смертью И. В. Сталина руководство ЦК КПСС, прекратив массовые репрессии, с целью модернизации социалистического строя взяло курс на смягчение политического режима в стране, принципиальное изменение карательных функций Советского государства. Как писал Н. С. Хрущев, «нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма» [Мемуары 1995: 92]. Члены Президиума ЦК КПСС, используя эту новую политику в борьбе за лидерство в партии, за власть, обратили внимание в первую очередь на ликвидацию последствий массовых репрессий как факт, дающий эффективный общественный резонанс. Только за первые 2,5 года, т. е. с марта 1953 г. и до

XX съезда КПСС, были освобождены из-под административного надзора и частично восстановлены в гражданских правах 740 335 (26,8 % от общей численности на 1 января 1953 г.) спецпоселенцев, в том числе 695 216 немцев, 18 752 участников войны и лиц, награжденных орденами и медалями, 5 015 членов семей воинов, погибших на фронтах войны, 15 330 коммунистов и членов их семей, 2 482 преподавателя учебных заведений и др. [ГА РФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10–67; Бугай 2006: 121–122].

В связи с отсутствием четкой политики и программы по реабилитации репрессированных граждан СССР, действия «коллективного руководства» по либерализации вначале, главным образом, были направлены лишь на восстановление в частичных гражданских правах отдельных категорий спецпоселенцев, изменение их спецрежима в местах спецпоселений. На данном этапе в результате новой расстановки сил в верхнем эшелоне власти — в Президиуме ЦК КПСС и правительстве СССР во главе с Хрущевым — удалось убрать Л. П. Берию, одного из главных символов массового террора тоталитарного режима. Однако новое руководство, ограничившись реабилитацией врачей-«отравителей», «артиллеристов», не предприняло масштабные, конкретные шаги по политической реабилитации лиц, подвергшихся репрессиям. Тем не менее этот этап стал одним из «мостиков», обеспечивших переход к так называемой «хрущевской оттепели». «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, — вспоминал Н. С. Хрущев, — одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться» [Мемуары 1995: 92]. Между тем, у членов Президиума ЦК КПСС до начала февраля 1956 г. существовали разногласия в оценке роли И. В. Сталина в истории страны, в осуждении культа личности. Поэтому, видимо, не случайно в Президиуме ЦК КПСС сложно решались вопросы, связанные с подготовкой дня рождения И. В. Сталина (21 декабря 1955 г.), реабилитации репрессированных людей, а также очередного съезда партии, на котором предстояло заслушать доклад о культе личности.

«После удаления от реальной власти Л. Берии (карательный аппарат) и Г. Маленкова (исполнительная власть) закончи-

лась тягучая схватка за первую роль в руководстве, и начался, в сущности, — писал А. Н. Яковлев, — новый период в практике руководства страной. Хрущев расстался со своими друзьями без особых колебаний. Теперь руки развязаны. В этих условиях Хрущев решился на исторический шаг — на доклад о Сталине на XX съезде КПСС» [Яковлев 2001: 115–116].

XX съезд КПСС, проанализировав общественно-политическое, экономическое положение в стране, поручил партийным и государственным органам принять меры по ликвидации последствий культа личности, репрессивной политики. В соответствии с решением съезда партии и постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (30 июня 1956 г.) началась подготовка к политической реабилитации необоснованно репрессированных народов СССР, в первую очередь к восстановлению их национальной государственности. С этой целью Президиум ЦК КПСС образовал Комиссию в составе А. И. Микояна (руководитель), К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова, Л. И. Брежнева и Н. И. Беляева. По ее предложению ЦК КПСС 24 ноября 1956 г. приняло постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В постановлении отмечалось, что «практическое осуществление мероприятий по образованию национальных автономных областей и республик связано с преодолением серьезных трудностей и потребует известного времени для организационной подготовки и создания необходимых производственных и культурно-бытовых условий». В связи с этим ЦК КПСС принял решение: «Образовать на территории бывшей Калмыцкой АССР Калмыцкую автономную область, включив ее в состав Ставропольского края РСФСР». А для руководства и организации всей практической работы, связанной с восстановлением и образованием автономии, создавался Оргкомитет по Калмыцкой автономной области и для руководства партийными организациями — Оргбюро [Восстановление... 2004: 18–19]. Президиум Верховного Совета и Совет министров РСФСР уже в середине декабря 1956 г. утвердили состав Оргкомитета во главе с Д. Б. Утнасуновым и Бюро ЦК КПСС по РСФСР — состав Оргбюро во главе с Н. И. Жезловым,

которые совместно со ставропольскими крайкомом КПСС и крайисполкомом провели всю организационную работу по подготовке восстановления автономии калмыцкого народа.

В результате их активной и целенаправленной работы уже в начале 1957 г. стало возможным приступить к политической реабилитации калмыцкого народа, репрессированного в декабре 1943 г. 9 января 1957 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» (проект утвержден ЦК КПСС 24 ноября 1956 г.) и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января — указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». В течение 1957 г. было определено административно-территориальное устройство, а также сформированы все звенья политической системы Калмыцкой автономной области.

Таким образом, с принятием этих актов, обладавших юридической силой законов СССР и РСФСР, фактически утратили силу репрессивные акты — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря и постановление СНК СССР от 28 декабря 1943 г. С января 1957 г. начался процесс реабилитации репрессированного калмыцкого народа, в первую очередь, политической реабилитации, т. е. признание ложными предъявленных обвинений народу и их снятие, восстановление прежнего национально-государственного статуса в форме административной автономии автохтонного населения Калмыкии, приобретенного еще в 1920 г. Это оказалось необходимым этапом в создании социально-экономической, культурной основы национальной государственности в форме политической автономии. Возрождение автономии для репрессированного народа, находившегося в качестве изгоев общества на спецпоселении в условиях спецрежима более 13 лет, означало восстановление государственности — национальной идеи, выступавшей и выступающей консолидирующим фактором народа, важнейшим условием сохранения и развития элементов самоидентификации.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Литература

- Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
- Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калмиздат, 1991. 88 с.
- Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — нач. XXI века). М.: ЗАО «МСН-пресс», 2006. 464 с.
- Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3-я. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста: Калмиздат, 2004. 587 с.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 62–83.
- Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. 504 с.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.
- Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М.: Просвещение, 2016. 704 с.
- Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 236 с.
- Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: ВАГРИУС, 1997. 511 с.
- Яковлев А. Н. Омут памяти. М.: ВАГРИУС, 2000. 605 с.

Sources

GA RF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

References

- Aksyutin Yu. V. *Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. 2-e izd., ispr. i dop.* [The Khrushchev Thaw and public sentiments in the USSR: 1953–1964. 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 622 p. (In Russ.).

- Bugay N. F. *Operatsiya «Ulusy»* [Operation Ulusy]. Elista, Kalmizdat Publ., 1991, 88 p. (In Russ.).
- Bugay N. F. *Reabilitatsiya repressirovannykh grazhdan Rossii (XX — nach. XXI veka)* [Rehabilitation of purged Russian citizens (20th–early 21st cc.)]. Moscow, MSN-Press Ltd., 2006, 464 p. (In Russ.).
- Vosstanovlenie avtonomii i reabilitatsiya kalmytskogo naroda. Sb. dokumentov i materialov. T. 1. Kn. 3-ya. Ch. 1. Vosstanovlenie avtonomii (1956–1963 gg.)* [Restoration of the autonomy and rehabilitation of the Kalmyk people. Collected papers and materials. Vol. 1. Book 3. Part 1. Restoration of the autonomy (1956–1963)]. Elista, Kalmizdat Publ., 2004, 587 p. (In Russ.).
- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special settlers in the USSR: 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 306 p. (In Russ.).
- Memuary Nikity Sergeevicha Khrushcheva* [Nikita S. Khrushchev's memoirs]. *Voprosy istorii* (Questions of History journal), 1995, No. 5, pp. 62–83 (In Russ.).
- Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy. V 3-kh t. T. 1. Mart 1953 — fevral' 1956 gg.* [Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the CPSU's Central Committee. In 3 vol. Vol. 1. March 1953–February 1956]. Moscow, International Democracy Foundation Press, 2000, 504 p. (In Russ.).
- Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy* [Collected enactments and regulations about political repressions and rehabilitation of their victims]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 222 p. (In Russ.).
- Serov I. A. *Zapiski iz chemodana. Taynye dnevniki pervogo predsedatelya KGB, naydennye cherez 25 let posle ego smerti* [Papers from the suitcase. Secret diaries of former KGB chief general found 25 years after his death]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2016, 704 p. (In Russ.).
- Ssylka kalmykov: kak eto bylo. Sbornik dokumentov i materialov. T. 1. Kn. 2* [Deportation of the Kalmyks: how it was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 2001, 236 p. (In Russ.).
- Khrushchev N. S. *Vospominaniya. Izbrannyye fragmenty* [Memoirs. Selected excerpts]. Moscow, VAGRIUS Publ., 1997, 511 p. (In Russ.).
- Yakovlev A. N. *Omut pamyati* [The Pensieve]. Moscow, VAGRIUS Publ., 2000, 605 p. (In Russ.).

**ОТ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» К ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ АВТОНОМИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА**Константин Николаевич Максимов¹

¹ доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел истории археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: maksimovkn@kigiran.com.

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов в истории Калмыкии — началу политической реабилитации ее автохтонного населения, необоснованно репрессированного в декабре 1943 г. Политика советского государства по реабилитации репрессированных народов была определена решением XX съезда и постановлением от 24 ноября 1956 г. правящей коммунистической партии СССР. В соответствии с определенными законодательными актами государства происходила реализация реабилитационной политики, в первую очередь политической в комплексе с территориальной. К таким документам, начавшим реабилитационный процесс калмыцкого народа, относятся указы от 9 января 1957 г. Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края». Эти акты, обладавшие юридической силой законов СССР и РСФСР, фактически признав утратившими силу указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря и постановления СНК СССР от 28 декабря 1943 г., в соответствии с которыми калмыцкий народ подвергся депортации, восстановили его национальную государственность в форме административной автономии.

В статье в логической последовательности рассматриваются проводившиеся поэтапные мероприятия партии и государства по смягчению спецрежима в местах спецпоселений, по частичному восстановлению в гражданских правах отдельных категорий спецпоселенцев. Эти меры предшествовали и явились важными этапами перехода к реабилитации репрессированных народов. Значение политической реабилитации калмыцкого народа состоит не только в восстановлении национальной государственности, но и в справедливости по отношению к невинно пострадавшему народу в условиях диктаторского режима, снятии ложно предъявленных обвинений всему народу.

Ключевые слова: Советское государство, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, МВД, МГБ СССР, комиссии, указы, постановления, Сталин, Берия, Хрущев, репрессии, смягчение спецрежима, восстановление в гражданских правах, политическая реабилитация, национальная государственность.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 48–57, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-48-57
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.49

Some Modern Magical Rites of the Kyrgyz People: a Shamanistic Perspective

Nestor A. Manichkin ¹

¹ Candidate for a Ph. D. in History, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: nes.pilawa@gmail.com.

Abstract

The article deals with traditional Kyrgyz magical rites practiced till nowadays. It shows shamanistic origins of ritual ablution (*'rukh tazaloo'*), fire purification (*'sham zhaguu, alastoo'*), contacts to the spiritual world (*'zhar saluu'*), sacrifices (*'kurmandyk, sadaga, tülöö'*), invocations and spells (*'dem saluu'*). The magical tradition of the Kyrgyz people is considered in the context of Turkic shamanism which is characterized by beliefs in spirits, power of the elements and sacred places. Spirits of ancestors and other magic beings are acting through their elects, i.e. shamans and healers. According to folk views, water and fire also have healing powers.

The folk tradition *'kyrgyzchylyk'* is examined as a cultural and historical phenomenon resulting from combinations of shamanistic and Islamic elements. The article demonstrates structural relationships between the Kyrgyz magical rites. Same rites can be applied in different situations, following one another and interrupting each other during the whole ceremony. The information from ethnologists and folklorists is illustrated by a number of evidences received from informants residing in Northern Kyrgyzstan and interviewed by the author from 2011 to 2016. The paper traces some parallels between the Kyrgyz magic rites and shamanistic practices of the Turkic and Mongolic peoples who have cultural and genetic relationships with the Kyrgyz population. The article also pays significant attention to the important role of the altered states of consciousness (ASC) in the rites of the Kyrgyz shamans and healers. ASCs are very important for *'zhar saluu'* practices standing for mediumistic contacts to spirits. Describing sacrifices and highlighting the functional difference between the diverse sacrificial rites the paper hypothesizes that the ritual formula *'aylanayyn'* is related to the archaic sacrifices which created a basis for the proto-religious cults. The article uses the data of ethnologists, cultural scientists including the poorly studied manuscript *'Songs and Words of Bakshi'* by Togolok Moldo and the author's field data.

Keywords: shamanism, Turks, Kyrgyz, *bakshi*, magic, sacrifice, spells, rituals.

Введение

Обращение к шаманам, которые полагают духами-помощниками и духами-покровителями, поклонение священным природным объектам и природным стихиям, благословения с использованием огня и дыма особых растений, манипуляции с талисманами, культ предков и волшебных существ, наконец, экстатические ритуалы, в которых устами медиумов говорят представители потустороннего мира, — все эти черты объединяют киргизскую традицию с шаманизмом тюркских народов Средней Азии [Басилов 1992] и Сибири [Алексеев 1984]. Главным шаманским обрядом исламизированных тюрков, вероятно, следует считать *зикр* (кирг. *зикир чалуу*), точнее ту его шаманскую разновидность, которая включает архаические элементы и сильно отличается от нормативного суфийского *зикра*, представляя, по сути дела, видоизмененный ритуал камлания. Порой затруднительно провести различие между *зикром*, где импровизации перемежаются молитвенными восклицаниями, и песнями *бакшы* — киргизских шаманов, тексты которых дошли до нас в записях собирателей [РФ ОРП НАН КР. Д. 77]. Несмотря на то, что народный и шаманский *зикр* в Киргизии практически не подвергался научной аналитике, в данной статье я не буду останавливаться на зикральных практиках, ограничив объект исследования кругом других духовно-магических обрядов¹. Цель статьи — показать близость шаманизму киргизских ритуалов духовного омовения, огненного очищения, заговаривания, контактирования с «духовным миром» и сакральных жертвоприношений, проследив также взаимосвязи этих обрядов и представив их в качестве ансамбля практик, которые одновременно репрезентуют и создают мировоззренческий континуум рассматриваемой народной традиции. В статье используются данные этнографов и фольклористов прошлого и современности, а также полевые материалы автора, собранные в 2011–2016 гг. в северных регионах Киргизии.

¹ Интересующиеся киргизским шаманским *зикром* могут обратиться к моей статье [Маничкин 2015]. Тексты некоторых киргизских народных *зиков* представлены в изданиях КИЦ «Айгине» [Кыргызстандагы мазар... 2009]. Шаманскому *зикру* у разных тюркских народов уделяется внимание в публикациях ряда известных исследователей [Басилов 1992; Сухарева 1975; Снесарев 1969; Аверьянов 2011].

Рух тазалоо, духовное омовение

Кроме традиционного мусульманского омовения *даарат*, которое предписывается регулярно выполнять всем верующим и которое особенно строго соблюдается практикующими обряды *кыргызчылык*², существует ритуал, называемый *рух тазалоо* ‘духовное очищение’. Обычно его проводят на священных местах — *мазарах*, у почитаемых подземных источников, рек или озер. Распространенной формой проведения обряда, который преследует целью отогнать злых духов, хвори и печали от человека, является умывание, когда практик, шаман или целитель, кладет одну руку на голову человека, а второй зачерпывает воду из источника и направляет ее в лицо очищаемому. Некоторые киргизские *бакшы* и *бюбю*³ брызгают водой, зачерпывая ее пригоршней или двумя руками. При этом нередко читаются мусульманские молитвы на арабском языке или заклинания на киргизском языке. Распространенной формулой является отождествление практика с духом-хозяином водного источника, например: «Это не моя рука очищает, это рука Айчурок-апа»⁴. Наблюдатели зафиксировали, что после умывания участники обряда обычно молятся и просят у высших сил различных благ, а затем может быть произнесено благословение, называемое *бата*. Сами практикующие считают, что обряд открывает пути очищенному человеку и удаляет от него негативные влияния. Если источник находится на вершине горы, как в *мазаре* Көз-Булак, то целитель может подчеркнуть: родник расположен ближе к Всевышнему, а потому и свят [Кыргызстандагы мазар... 2010: 247].

² *Кыргызчылык* — комплекс духовных и социальных норм, представлений, обрядов и обычаев, понимаемый как «исконно кыргызская традиция». Включает духовно-магическую составляющую и веру в духов. Про шаманов-*бакшы*, целителей и сказителей говорят, что они «берут дар *кыргызчылык*».

³ *Бакшы* — у кыргызов знахарь, колдун и шаман. *Бюбю* (*бүбү*) — целительница, женский аналог *бакшы*. Порой практикующих женщин, имеющих «прямую связь» с миром духов, называют *бүбү-бакшы*.

⁴ Айчурок — жена легендарного героя Семетея, сына эпического богатыря и хана Манаса. Священный источник, посвященный Айчурок, есть, в частности, в Таласской области, недалеко от этнографического комплекса Манас-ордо.

В Таласской области мной были зафиксированы представления о том, что каждый родник имеет свой характер и свою «специализацию». Так, информант Т. Токтобаева, проводя *рух тазалоо* на вышеупомянутом источнике Айчурок-апа, пояснила, что омыться в нем можно только в случае, если сам источник «разрешит»: во время произнесения молитвы со дна должны обильно пойти пузырьки воздуха, а если этого не происходит, значит, человек пришел сюда «с плохими мыслями» [ПМА 2]. Смотрительница расположенных по соседству сорока родников (*кырк булак*) рассказала о том, что каждый из этих источников посвящен одному из дружинников Манаса и предназначен для своего дела: на одном можно снимать сглаз, на втором лечить кожные заболевания, третий показан при желудочных проблемах, четвертый помогает от бесплодия и т. д. [ПМА 2]. Сама смотрительница осуществляет не только *рух тазалоо*, но и другие обряды. Ежедневно возле родников она проводит *зикры*.

Характерно, что регулярная практика духовных омовений развивается в наше время и даже превращается в отдельное направление целительства. В круге одного из моих основных информантов Д. Давлеталиевой омовению родниковой водой придан особенный статус. Ученики и пациенты Д. Давлеталиевой не ограничиваются умываниями, но выливают на себя несколько десятков ведер родниковой воды за раз, в том числе и зимой. Количество ведер имеет свое значение. В некоторых случаях его назначают сами духи посредством откровений через *бакшы*, а иногда количество ведер вычисляется: к сакральному числу сорок прибавляется возраст пациента. Особенным почтением Д. Давлеталиевой пользуется источник в *Ак-Мазаре* (Чуйская область) и *Арашан-ата* (Таласская область). Выливая на людей прохладную воду, она и ее ученицы призывают духов-хранителей [ПМА 2].

Дем салуу, заговаривание

Слово *дем* в киргизском языке обозначает ‘дыхание’. Поскольку дыхание мыслится как эквивалент жизненной и магической силы, оно постоянно используется в магических обрядах. Заклинатели перебивают тексты заговоров (*ырым-жырым*) и молитв (*рукия*, *дуба*) свистом «суф-суф», выдыхая струю воздуха на объект магии (очищаемого человека или амулет). К. К. Юдахин в

своем киргизско-русском словаре толкует «дем сал-» как ‘отчитывать, заговаривать, произносить заклинания, заколдовывать’ [Киргизско-русский словарь, I 1981: 191]. Единых правил для заговорно-заклинательного обряда нет. Кто-то использует в нем арабские молитвы, кто-то — народные тексты, а многие импровизируют заклинания, преподнося их как слова, нашептанные духами. Часто в ход идут четки, по которым отсчитывают молитвенные формулы «Субахан Аллах» и другие. Б. Модубаева, практикующая рядом с мавзолеем Байтика Канаева¹, во время исполнения *дем салуу* зажигает свечу, ставит рядом стакан с водой, молится по четкам и на непродолжительный период времен впадает в сон, во время которого ей может прийти весть о том, как надо лечить пациента. По пробуждению она обдувает пациента со словами «суф-суф», может прикладывать к его телу четки, нож или плетень [ПМА 1].

Бакшы-бюбю Д. Давлеталиева говорит, что «дем салуу каждый делает по-своему, как его научат те, кто стоит за ним», т. е. родовые духи. Сглаз практики могут снимать с помощью воды, заговоренной устно, или той, в которой растворена бумага с записанными на ней заклинаниями, а также с помощью нитей, камней, огня [ПМА 2]. Опрошенные специалистами Культурно-исследовательского центра (КИЦ) «Айгине» народные целители сообщили, что для исполнения *дем салуу* могут получать информацию о том, сколько раз и какие именно суры нужно прочесть над каждым конкретным человеком. Особенно часто *дем салуу* проводят для детей, которых, как считается, легко сглазить: в таких случаях просят помощи покровительниц детей и матерей *Батмы Зуры* и *Умай-эне*. Иногда обряд включает массаж или колдовские элементы, например варку собачьего черепа или манипуляции с навозом [Кыргызстандагы мазар 2009: 245–246].

Огненные ритуалы шам жагуу и ала-стоо

Шам или *шам жагуу* — ритуал, во время которого зажигается светильник, сделан-

¹ Байтик Канаев, более известный как Байтик-батыр (1820–1886) — киргизский государственный и военный деятель, вождь племени *солто*, вступивший в союз с Российской империей. Почитается в народе как праведный и святой человек.

ный из нескольких стеблей растения *чий* (лат. *Achnatherum*), обмотанных промасленным белым хлопком. Этих лучин чаще всего сорок. Но их может быть и семь или девять, а также сорок одна или семьдесят две. Если обряд *шам* делают несколько человек, а так чаще всего и происходит, то обычно лучин — сорок и более. У многих практикующих свои представления о сакральных числах. Так, информант М. Егемкулова считает, что девять — это сакральное число падишаха Бабура¹. В память об этом деятеле она зажигает *шам* из девяти лучин [ПМА 1]. В честь Манаса Великодушного обычно жгут семь или сорок лучин. Сами стебли чия, многолетнего травянистого злака, стараются собирать в святых местах или, по крайней мере, подальше от городской цивилизации. Для обматывания чия используются натуральный хлопок, вата или медицинские бинты. Их натирают растительным или животным жиром и устанавливают пучком в миску с мукой либо золой. Светильник ставят посреди *досторкона*², иногда *сверху на лепешки*. Зажигают его после чтения *Аль-Фатихи* или других сур Корана. В самом огне, как полагают, духовный и видимый миры объединяются. «Наши духи приходят через свет огня на *шам*», — говорит информант Д. Давлеталиева [ПМА 2]. Образы, увиденные в огне, иногда трактуются как знаки духов. Отдельно рассматривают и оставшийся пепел, якобы способный дать практику некие указания.

Шам проводят ближе к ночи, в темноте. «Это время, когда человек открывается духам предков», — говорит регулярно проводящий *шам бакшы* Т. Бегалиев [ПМА 1]. Ритуальный огонь считается священным и очищающим. Присутствующие на церемонии люди быстро проводят в пламени руками и, как бы зачерпывая его, направляют к лицу, груди и ногам — совершают огненное омовение. Зажигание светильников на обряде *шам* встречается у всех народов Средней Азии и уходит корнями в доисламскую

¹ Захираддин Мухаммад Бабура (1483–1530) — родившийся в Ферганской долине представитель династии тимуридов, правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Бабуридов, падишах, поэт, исследователь и писатель. Почитается некоторыми практиками *кыргызчылык*.

² *Досторхан*, *досторкон* — накрытое скатертью место, используемое во время трапез; сервированный стол.

эпоху, возможно, являясь отголоском зороастризма. Мусульманские священнослужители отрицательно относятся к обряду *шам жагуу*, так что в святых местах, связанных с мусульманским культом, например в южном мазаре *Сафет-Булан*, его не проводят. Возбраняется зажжение светильников из чия и на отдельных мазарах, посвященных водной стихии. Так, на *Ак-Мазаре*, где «властвует великая белая водная змея», *шам* можно проводить только за забором, огораживающим территорию священного пространства [ПМА 1]. В то же время *шам* часто проводят дома. Наиболее подходящим днем для его проведения мои информанты называют четверг, хотя можно делать этот ритуал и в другие дни недели.

По-видимому, с древними культами огнепоклонничества связан и распространенный в Средней Азии ритуал *алас* или *аластоо*. Как отмечает наблюдавший за узбеками Хорезма Г. П. Снесарев, для совершения популярнейшей по всей Средней Азии «лечебной» церемонии *алас* не требовалось особых личных качеств, и совершать этот обряд мог каждый, кто знал несложные формулы заговора [Снесарев 1969: 41–42]. Если в Узбекистане и Таджикистане для проведения обряда *алас* на конец ветки тутовника наматывают пропитанную маслом тряпку, зажигают ее и факелом трижды обводят вокруг головы и между ног больного человека или животного, то в Киргизии чаще жгут *арчу* (можжевельник, лат. *Juniperus*) или *адырашпан* (могильник или гармала обыкновенная, лат. *Péganum hármala*). При этом могут говорить: «*Алас-алас балакеттен калас!*» («Алас-алас, от беды избавление!») или «*Алас-алас деп аласташкан!*» («Алас-алас, пусть это освятится!»). Киргизы окуривают самих себя, жилища, имущество, автомобили, магазины, рабочие кабинеты, школы, больничные палаты и многое другое. Восклицание «*Алас!*» при похожих обрядах используют и на Алтае. Как указывает В. Радлов, семантика слова «*алас*» связана с идеей ритуального очищения огнем [Радлов 1893: 349–350]. Почитание огня объединяет не только киргизов и алтайцев [Сапалова 2007], но остается общим для всех тюркских и монгольских народов. Как пишет исследователь магического фольклора Т. Борджанова, у бурятов и калмыков-скотоводов были распространены ритуалы очищения огнем, окуривания домашних животных можжевельником и другими травами [Борджанова 1999: 26–27, 42].

Жар салуу, работа с духами

Жар салуу означает ‘крикнуть клич или дать оповещение через глашатая’ [Киргизско-русский словарь, I 1985: 232]. Так называют ритуалы, в ходе которых устанавливается связь с потусторонними силами. Одни практики достигают медиумических состояний при помощи длительных молитв или танца, и поэтому *жар салуу* часто становится продолжением *зикра*, другие (но таких меньшинство) входят в состояние *жар* мгновенно. *Бюбю-бакишы* Д. Давлеталиева отмечает, что сначала ей нужно было выполнять много разных действий, читать молитвы и настраиваться, но со временем «духи стали приходить тут же, по внутреннему зову». По ее словам, в наше время «все обряды упрощаются, поскольку у людей много забот и мало времени», а за многими красочными действиями различных шаманов стоит либо неспособность быстрого достижения транса, либо желание поразить воображение обратившегося к ним человека [ПМА 2]. Сама Д. Давлеталиева впадает в трансное состояние, едва прикоснувшись к четкам, и после этого говорит некоторое время стихами, которые содержат благословения, назидания, пророчества или задания для человека, причем считается, что ее устами говорят духи предков. Из этнографических и психологических наблюдений известно, что достичь измененных состояний сознания (далее — ИСС) можно не только через ярко оформленные аффективные приемы, которые требуют времени и усилий, но и мгновенно, а порой это происходит внезапно и произвольно. Такие случаи описывают ученые-этнографы [Дыренкова 1930]. По их свидетельствам, шаманы тюркских народов могли впадать во внезапное оцепенение, которое порой сопровождалось нечленораздельными криками или конвульсиями. Как отмечает В. И. Харитонов, подобные неожиданные «призывы духа» отмечались у многих предсказателей, ясновидящих и медиумов, но, помимо случайных и незапланированных переходов к ИСС, возможно «мгновенное обретение такого состояния по собственному желанию, но без аффективных ухищрений, без наркотических средств, даже без гипноза», что «могут продемонстрировать очень многие суперсенситивы и экстрасенсы», мощные колдуны, так называемые «большие» или «великие» шаманы [Харитонов 1995: 59]. Как и для других шаманских традиций,

для киргизского *бакишылык*¹, практика ИСС имеет чрезвычайно важное значение, а различные техники перехода к ИСС определяют специфику духовно-магических ритуалов [Маничкин 2016]

Б. Кожобекова, практикующая *кыргызчылык* в *Манас-ордо*², описывает специалистам КИЦ «Айгине» ритуальную сторону *жар салуу*: она использует свечи и призывает духов импровизированными песнями, а также обращается с молитвами к Всевышнему. Часто *жар* проходит до самого рассвета, чередуясь с *дем салуу* и *зикрами*. Во время *жар салуу* Кожобекова видит болезни в образах джинов и шайтанов, злых духов, которых сбивает плетью с больных. Очищение плетью сопровождается кружением самой *бюбю* вокруг клиента с ритуальными восклицаниями. Помощники шаманки держат больного человека и заставляют его подпрыгивать. «Часов в пять, когда я своей камчой стегнула по шее девушки, хвост шайтана зацепился за камчу, и сам он, вскочив, отпрыгнул. Будто мышь, пропал, когда достиг порога. Когда шайтан исчез, девушка опрокинулась на спину и упала», — описывает лечение одной из своих клиенток Б. Кожобекова [Кыргызстандагы мазар... 2010: 236–237]. Ритуал *жар салуу* она проводит с двенадцати ночи до пяти утра. По словам целительницы, во время *жар салуу* духи вместе с ней незримо делают *дем салуу* больным, руководят ее руками, направляют плетль или ритуальный нож. Таким образом, один обряд может встраиваться в другой, быть его органической частью.

Опрошенные учеными целители характеризуют *жар салуу* как «призыв покровителей», становление связи с различными силами и аспектами Вселенной. Подчеркивается, что не все люди могут совершать *жар салуу*. Обряд можно проводить для исцеления или вымаливания благ, для «усиления души», для психологического облегчения и для установления тесной связи с высшими силами. Многие практики надевают на время *жар салуу* белые одежды. Помещение предварительно очищается от мусора и пыли, производится окуривание можжевельником или могильником. *Жар салуу*

¹ *Бакишылык* — искусство или путь *бакишы*, т. е. шаманство.

² Один из наиболее почитаемых киргизами *мазаров*, где действует культурно-исторический центр. Расположен в Таласской области.

часто включает в себя *шам*. При исполнении ритуала люди слагают песни о своих тяготах и печалях, многие плачут. В ход идут ритуальные посохи *аса-муса*, которыми отбивается такт в песнопениях, а также ножи, плети, различные природные материалы [Кыргызстандагы мазар... 2010: 235–239]. Д. Давлеталиева использует, к примеру, собранные на *мазарах* камни, причем, форма камня соответствует большому органу человека: с молитвой она прикладывает камень к соответствующему месту на теле и в это время визуализирует, как духи помогают излечивать те или иные напасти [ПМА 2]. О бытовавших в киргизской шаманской среде способах лечения камнями и травами писал советский исследователь Г. Нуров [РФ ОРП НАН КР. Д. 1638]. Как можно видеть, эти традиции живы и поныне.

Обряды жертвоприношений: *садага*, *курмандык* и *түлөө*

«Как правило, куда бы не приезжал шаман, везде сначала резали овцу», — писала этнограф Т. Баялиева [Баялиева 1972: 136]. Без заклания жертвенного животного и организации ритуального пира, как правило, не обходятся и в наши дни. Существует несколько обрядов, связанных с идеей обмена и жертвоприношения: *садага*, *курмандык* и *түлөө*. Под *садага*, что значит ‘искупительная жертва’ [Киргизско-русский словарь, II 1985: 121], понимается либо жертвоприношение животного, чаще всего козленка, либо милостыня и подавание, которое раздают бедным людям с мыслью о том, что это богоугодное, доброе дело, могущее спасти жертвователя от сглаза, болезни или неприятных жизненных обстоятельств. Д. Давлеталиева трактует практику *садага* как добровольную милостыню, которая может быть осуществлена посредством денег, еды или иных благ [ПМА 2]. По словам других практикующих, *садага* — это жертвоприношение, когда человек, который болеет, за свой счет режет скотину, раздает мясо народу, чтобы получить благословение, просит у Аллаха о выздоровлении [Кыргызстандагы мазар... 2010: 244].

Курмандык отличается от *садага* тем, что жертвоприношение приурочено к какому-либо религиозному празднику либо выдающейся дате. А *түлөө*, в свою очередь, проводится обычно коллективно, сопровождается молитвами и благословениями, может быть способом умилишить духов

и отвести беду. Этнографы сообщают, что *түлөө* часто совершали целыми селениями по случаю засухи, стихийных бедствий, эпидемий [Баялиева 1972: 56]. Мой информатор *бакишы* Т. Бегалиев свидетельствует, что направленные против засухи обрядовые действия могут включать не только жертвоприношения *түлөө*, но и *зикры* (*зикир чалуу*), которые в таких случаях должны совершаться в священном месте сразу несколькими мощными шаманами [ПМА 1].

При совершении *садага*, перед тем, как зарезать скотину, ее кружат вокруг страдающего человека, а сам больной человек стоит в направлении Каабы. Во время *түлөө* мясо закланного животного делят на три части, первую оставляют в доме, где произошло жертвоприношение, вторую отдают неимущим, а третью оставляют для приготовления угощения для собравшихся. Во всех случаях режут животное старше шести месяцев. На *түлөө* могут принести в жертву не только овцу, но и лошадь, корову или верблюда. Резать жертву может только мужчина. В ряде случаев желательно, чтобы и покупал животное мужчина.

Любопытен обрядовый элемент кружения жертвы перед тем, как ее зарезать. Он связан с выражением «*Айланайын*», которое в киргизском и казахском языках обозначает одновременно кружение, принесение жертвы, выказывание одобрения, умиления, почтения или преклонения перед чем-то или кем-то. К. Юдахин переводит восклицание «*Айланайын*» как ‘мой миленький’ в значении ‘Я готов стать искупительной жертвой для тебя’. «*Оозундан айланайыным!*», например, означает преклонение перед красноречивыми устами собеседника [Киргизско-русский словарь, II 1985: 31]. Само слово образовано от глагола *айлан* ‘двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться; превращаться; признавать превосходство, оказывать почести’. Восклицание «*Айланайын!*» используется как в повседневной речи, так и в поэзии. Отдельно стоит рассмотреть его как часть заклинаний в знахарских и шаманских практиках, где оно означает вращение того, кто призван стать искупительной жертвой. Иногда жертвенных животных вращают вокруг головы больного или вокруг места, где якобы сидит злой дух. Интересно, что и сами шаманы вращаются в танце, свидетельствуя о своей готовности быть жертвой и преклоняясь перед природными духами. Характерный рефрен киргиз-

ских заклинаний: «*Айланайын кудай, айланайын жер, айланайын суу!*» ('Айланайын Всевышний, айланайын земля, айланайын вода!') [Баялиева 1972: 38]. Обращение к духам «*Айланайын кайберен, кырк-чилтен колдо!*» Т. Баялиева переводит 'Да кружусь кайберен, кырк-чилтен, помоги!' [Баялиева 1972: 115]¹, а заклинательный зачин шамана Кушпека «*Айланайын Ак-Тайлак!*» 'Да стану я жертвой за тебя, Ак-Тайлак!' [Баялиева 1972: 137]². Еще один постоянный мотив шаманских песен (*бакшы ыры*), народных *зикров* (*зикир чалуу*) и исполняемых на *дем салуу* импровизаций — жалобное описание, какие тяжелые испытания послали духи шаману на его пути, каким болезням они его подвергли, в каком оцепенении он пребывал во время инициатического периода, в каком возрасте он оставил мирские радости ради служения высшим силам [РФ ОРП НАН КР. Д. 77]. Идея сакрального жертвоприношения, умирания и воскрешения адепта через круговые танцы является основной и для суфийского *зикра*, заменившего со временем оригинальный ритуал камлания у тюрок-мусульман [Маничкин 2015]. Животные жертвы, по мнению ряда исследователей, являются более поздней формой человеческих жертвоприношений, а идея жертвенности в мистических и религиозных учениях остается символическим воспроизведением сакральных архаических убийств, первой формы символического метафизического обмена. На наш взгляд, связь ритуальных хороводов и жертвоприношений, сохранившаяся в киргизском выражении «*Айланайын*», свидетельствует в пользу теории антрополога Рене Жирара, считавшего миметический кризис главной причиной порождения первобытных религиозно-магических культов, с возникновением которых он связывает не только первые экстатические действия вокруг закланной жертвы, но и появление человеческой речи: «Мы хорошо видим, что членораздельная речь, обмен словами, как и все прочие формы обмена, должен был образоваться из обряда, из тех воплей и криков, которые сопровождали миметический кризис и которые

должны были порождаться самим обрядом, поскольку они предшествуют спасительному закланию и, возможно, являются его условием. Нетрудно понять, что ритуальная практика вокруг жертвы, эти еще не членораздельные возгласы начинают рифмоваться и упорядочиваться как движение танца вокруг акта жертвоприношения, поскольку все аспекты кризиса воспроизводятся в духе сотрудничества и взаимопонимания» [Жерар 2016: 119].

Во всех религиозно-магических практиках принято приносить в жертву здоровых животных и вообще не жалеть, когда жертвуешь. Таким образом, еще раз устанавливается связь между жертвователем и жертвваемым, причем второе мыслится как бы частицей первого. Вероятно, именно поэтому в магических традициях разных народов нельзя торговаться, когда покупаешь те или иные предметы (либо животных), которые нужны для проведения магических операций. В традиции *кыргызчылык* подчеркивается, что лучше зарезать овцу, которая стоит дороже, или ту, которая тебе симпатичнее других из всего стада. Невзрачных же животных высшие силы, по мнению практикующих, могут не принять. Смотритель *мазара* Ак-Тайлак С. Асыранкулов рассказывает притчу о том, как однажды два пророка совершали жертвоприношение *курмандык*: «Один из них заколол животное, которое он любил, второй — скотину, которую недолюбливал. Всевышний, приняв жертвенный скот одного, не принял скот другого. Мораль такова, что не следует приносить в жертву животное, которое не любишь, все равно бог этого не примет. Если искренне намерен что-то посвятить богу, то должен принести ему то, что очень любишь» [Кыргызстандагы мазар... 2010: 226].

Заключение

По своей специфике и мировоззренческому наполнению ритуалы киргизской магической традиции, такие как духовное омовение (*рух тазалоо*), огненное очищение (*шам жагуу, аластоо*), заговоры и заклинания (*дем салуу*), сеансы связи с духами (*жар салуу*) и сакральные жертвоприношения (*курмандык, садага, түлөө*) демонстрируют близость шаманскому культу, в который, по видимому, и уходят своими корнями. Легко прослеживаются параллели между киргизскими магическими обрядами и аналогичными практиками тюркских и монгольских

¹ *Кайберен* — духи-хранители дикой природы. *Кырк-чилтен* (сорок *чилтенов*) — сорок могущественных существ, почитаемых разными народами Средней Азии.

² *Ак-Тайлак* — дух в виде белого верблюжонка, считается покровителем всех киргизских шаманов, хранителем дара *бакшылык*.

народов. Основой магической вселенной киргизов остаются духи предков и волшебные существа, которые, как представляются, могут входить в контакт с шаманами и целителями, причинять страдания или, напротив, исцелять людей. Особое место в этой связи отводится умению общаться с духами-покровителями, видеть и слышать различные откровения, уметь читать знаки, которые посылают духи на своих священных местах — *мазарах*. В этих целях существуют обряды, в которых практики входят в ИСС, такие как *дем салуу* и *зикир чалуу*. Культ предков в киргизской магической традиции органично переплетен с натуральной магией — использованием растительных, животных и минеральных материалов. Стоит заметить, что магические обряды не отделяются друг от друга четкими границами, а, напротив, часто взаимовстроены: так, ритуал *шам*, к примеру, зачастую предшествует *дем салуу* или *зикрам*, перемежает их, а жертвоприношения мыслятся неотъемлемой частью обрядов, призванных выказать почтение высшим силам или исцелить человека. Практически все обряды сопровождаются молитвами, часто звучат песенно-стихотворные импровизации и *бата*-благословения. Широкий смысл жертвенно-заклинательной ритуальной формулировки «*айланайын*», вероятно, может быть связан с архаическими обрядами, заложившими основу экстатических проторелигиозных танцев и кружения вокруг жертвы. В то же время киргизские шаманы сами отождествляют себя с жертвами, претерпевающими насилие высших сил, о чем поют во время ритуалов, не только используя фразы с формулировкой «*Айланайын*», но и излагая историю своей шаманской болезни. Равно и суфийские экстатики переживают духовную смерть и жертвенный смысл в своих зикрах. В наше время киргизские магические обряды демонстрируют свою историческую преемственность, а обрядовая практика магических очищений и исцелений продолжает жить и развиваться.

Источники

- ПМА 1 — Полевые материалы автора (углубленные неформализованные интервью, наблюдения в Чуйской области Киргизской Республики), 2013–2016 гг.
- ПМА 2 — Полевые материалы автора (углубленные неформализованные интервью, наблюдения в Таласской области Киргизской Республики), 2011–2016 гг.
- РФ ОРП НАН КР — Рукописный Фонд Отдела рукописей и публикаций Национальной Академии наук Киргизской Республики:
- Д. 77. Тоголок Молдо. Бакшылардын ыры жана сөздөрү. 1929 г.
- Д. 1638. *Нуров Г.* Киргизская народная медицина (по материалам к. XIX — н. XX века). 1950 г.

Литература

- Аверьянов Ю. А.* Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя. М.: Издат. дом Марджани, 2011. 648 с.
- Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
- Басилов В. Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 328 с.
- Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 168 с.
- Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Дыренкова Н. П.* Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 267–291.
- Жерар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд-во ББИ, 2016. 518 с.
- Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Около 40 000 слов. Кн. 1: А–К / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Гл. ред. киргизск. сов. энциклопедии, 1985. 504 с.
- Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Около 40 000 слов. Кн. 2: Л–Я / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Гл. ред. киргизск. сов. энциклопедии, 1985. 480 с.
- Кыргызстандагы мазар басуу: Талас тажрыйбасынын негизинде. Бишкек, КИЦ «Айгине», 2010. 399 б.
- Маничкин Н. А.* Сакральные переживания: новые материалы к характеристике типов измененных состояний сознания и дифференциации киргизского шаманства // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 216–235.
- Маничкин Н. А.* Взаимодействие суфизма и доисламских верований в народном зикре // Известия НАН КР. 2015. № 4. С. 99–106.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. 967 с.
- Сапалова Д. У.* Параллели в религиозных верованиях кыргызов и якутов // Аналитика культурологии. 2007. № 9. С. 99–104.

- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
- Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. С. 5–93.
- Харитонова В. И. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство: статьи и материалы. М.: ИЭА РАН, 1995. 204 с.
- Bayalieva T. D. *Doislamskie verovaniya i ikh perezhitki u kirgizov* [Pre-Islamic beliefs and their vestiges among the Kyrgyz people]. Frunze, Ilim Publ., 1972, 168 p. (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Magicheskaya poeziya kalmykov: Issledovanie i materialy* [Kalmyk magic poetry: a case study and materials]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999, 182 p. (In Russ.).
- Dyrenkova N. P. *Poluchenie shamanskogo dara po vozzreniyam turetskikh plemen* [Receiving a shamanistic gift: beliefs of Turkic tribes]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* (Proceedings of the Museum of Anthropology and Ethnography), vol. IX, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1930, pp. 267–291 (In Russ.).
- Girard R. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniya mira* [Things hidden since the foundation of the world]. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute Press, 2016, 518 p. (In Russ.).
- Kirgizsko-russkiy slovar': v 2 kn. Okolo 40 000 slov. Kn. 1: A–K / sost. K. K. Yudakhin* [Kyrgyz–Russian dictionary. Approx. 40 000 words. Book 1: A–K. Comp. by K. Yudakhin]. Frunze, Kyrgyz Soviet Encyclopedia Publ., 1985, 504 p. (In Kyrg. and Russ.).
- Kirgizsko-russkiy slovar': v 2 kn. Okolo 40 000 slov. Kn. 2: L–Ya / sost. K. K. Yudakhin* [Kyrgyz–Russian dictionary. Approx. 40 000 words. Book 2: L–Ya. Comp. by K. Yudakhin]. Frunze, Kyrgyz Soviet Encyclopedia Publ., 1985, 480 p. (In Kyrg. and Russ.).
- Kyrgyzstandagy mazar basuu: Talas tazhryybasynyn negizinde* [Kyrgyzstan's places of worship: Talas ...]. Bishkek, Aygine Publ., 2010, 399 p. (In Kyrg.).
- Manichkin N. A. *Sakral'nye perezhevaniya: novye materialy k kharakteristike tipov izmenennykh sostoyaniy soznaniya i differentsiatsii kirgizskogo shamanstva* [Sacral experiences: new evidence on the characteristics of types of altered states of consciousness and the differentiation of Kyrgyz shamanism]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* (Siberian Historical Research journal), 2016, No. 4, pp. 216–235 (In Russ.).
- Manichkin N. A. *Vzaimodeystvie sufizma i doislamskikh verovaniy v narodnom zikre* [The interaction between Sufism and pre-Islamic beliefs in the folk *dhikr*]. *Izvestiya NAN KR* (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic), 2015, No. 4, pp. 99–106 (In Russ.).
- Radlov V. V. *Opyt slovary tyurkskikh narechiy* [Dictionary of Turkic dialects: a compilation
- PMA 1 — *Polevye materialy avtora (uglublennyye neformalizovannyye interv'y, nablyudeniya v Chuyskoy oblasti Kirgizskoy Respubliki), 2013–2016 gg.* [Author's field data (enhanced informal interviews and observations from Chuy Region of the Kyrgyz Republic), 2013–2016] (In Russ.).
- PMA 2 — *Polevye materialy avtora (uglublennyye neformalizovannyye interv'y, nablyudeniya v Talasskoy oblasti Kirgizskoy Respubliki), 2011–2016 gg.* [Author's field data (enhanced informal interviews and observations from Talas Region of the Kyrgyz Republic), 2011–2016] (In Russ.).
- RF ORP NAN KR — *Rukopisnyy Fond Otdela rukopisey i publikatsiy Natsional'noy Akademii nauk Kirgizskoy Respubliki* [The Manuscript Fund of the Manuscript and Publications Department at the Kyrgyz Academy of Sciences]:
- D. 77. Togolok Moldo. *Bakshylardyn yry zhana sözdörü* [Songs and speeches of the *bakshi* (faith-healers)], 1929 (In Kyrg.).
- D. 1638. Nurov G. *Kirgizskaya narodnaya meditsina (po materialam k. XIX — n. XX veka)* [Kyrgyz folk medicine (late 19th–early 20th cc.)], 1950 (In Russ.).

References

- Averyanov Yu. A. *Khadzhi Bektash Veli i sufyskoe bratstvo bektashiya* [Haji Bektash Veli and the Bektashi Order]. Moscow, Mardzhani Publ. House, 2011, 648 p. (In Russ.).
- Alekseev N. A. *Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Shamanism of Siberian Turkic peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 233 p. (In Russ.).
- Basilov V. N. *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism in central Asia and Kazakhstan]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 328 p. (In Russ.).

- effort]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1893, vol. 1, 967 p. (In Russ.).
- Sapalova D. U. *Paralleli v religioznykh verovaniyakh kyrgyzov i yakutov* [Parallels in religious beliefs of the Kyrgyz and Kazakh peoples]. *Analitika kul'turologii* (Analytics of Culturology), 2007, No. 9, pp. 99–104 (In Russ.).
- Snesarev G. P. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma* [Relicts of pre-Islamic beliefs and customs among the Khorezm Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 336 p. (In Russ.).
- Sukhareva O. A. *Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnykh tadzhikov* [Demonological and shamanistic vestiges of the lowland Tajiks]. *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Sredney Azii* [Pre-Islamic beliefs and customs in Central Asia]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1975, pp. 5–93 (In Russ.).
- Kharitonova V. I. *Traditsionnaya magiko-meditinskaya praktika i sovremennoe narodnoe tselitel'stvo: stat'i i materialy* [The traditional magic medical practice and modern folk healing: articles and materials]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography (RAS) Press, 1995, 204 p. (In Russ.).

УДК 398.49

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ КИРГИЗОВ В ПЕРСПЕКТИВЕ ШАМАНСТВА

Нестор Александрович Маничкин ¹

¹ соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Институт антропологии и этнографии РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: nes.pilawa@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена традиционным киргизским магическим обрядам духовного омоновения (*рух тазалоо*), огненного очищения (*шам жагуу, аластоо*), заговаривания (*дем салуу*), спиритуальным контактам (*жар салуу*) и различным сакральным жертвоприношениям (*курмандык, садага, түлөө*). В ней показаны шаманистские корни этих обрядов, их внутренние структурные взаимосвязи и смысловое наполнение, уделено внимание заговорно-заклинательной традиции (*ырым-жырым*) и практике паломничеств на священные места (*мазары*), где, по народным представлениям, обитают потусторонние силы и духи-покровители, помогающие шаманам-бакшы и шаманкам-бюбю в их работе. Автор также выдвигает исследовательскую гипотезу о связи семантики ритуальной формулировки «*Айланайын*» с архаическими жертвоприношениями, заложившими основу проторелигиозных культов. Собранный материал позволяет проследить естественные этнокультурные связи киргизов с другими народами Средней Азии и тюрко-монгольским миром, демонстрирует актуальность традиционных верований и обрядов в современной Киргизии, где они исторически стали частью народного ислама, хотя и обособленной понятием *кыргызчылык*. В статье используются данные этнографов и фольклористов, а также малоизученные архивные материалы, включая рукопись *акына* Тоголока Молдо (1929 г.), и актуальные полевые материалы автора.

Ключевые слова: шаманизм, тюрки, киргизы, бакшы, магия, жертвоприношения, заклинания, ритуалы.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 58–66, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 390 (519.3)

Tuvans of Russia, Mongolia and China: Forms of Family and Marriage

Elena V. Aiyzhy¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of General History and Archaeology, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aiygy@mail.ru.

Abstract

The article aims to study the forms of marriage and family among the Tuvans of Russia, Mongolia and China from a comparative perspective. The study of the forms of marriage and family of Tuvians is supposed to shed light upon the complex history of social relations in Tuva in the late 19th and the early 20th centuries, and identify conditions for the existence of some archaic features of marriage relationships. At the same time, the study of marriage and family relations in the period of transformation processes can identify ways of building new forms of marriage and family required for further development and improvement of the norms of marital relations among the Tuvians. The undoubted feature of the article is that field materials collected by the author on the territory of the Republic of Tuva, Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China have been applied for the analysis within the study.

Keywords: family, marriage, clan, Tuvans of Russia, Tuvans of Mongolia, Tuvans of China, marriage age, celibacy, *oitulaash*.

Свадебная обрядность как одна из составляющих ритуалов жизненного цикла относится к наиболее устойчивым компонентам традиционно-бытовой культуры и поэтому является ценным этнографическим источником. В этой обрядности сохранились как пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, так и реликты древних обычаев и ритуалов, и ее исследование дает возможность составить более полную картину о народе, о его культурно-бытовом облике, социально-правовых отношениях и морально-этических устоях. Свадебная обрядность является собой результат взаимодействия в сложном динамичном процессе разнотипных и разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные и пр.

Во второй половине XIX — начале XX вв., насколько позволяют судить имеющиеся источники, господствующей и по сути единственной формой семьи у тувинцев России, Монголии и Китая была малая семья. Она состояла обычно из двух поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям, т. е. из родителей и их неженатых и незамужних детей. Кроме того, в состав семьи мог входить кто-нибудь из родственников, не имевших своей семьи, например, брат или сестра мужа и жены, а также их престарелые отец и / или мать.

Брак, считавшийся в обществе тувинцев России, Монголии и Китая обязательным для каждого человека, заключался только посредством сватовства. Брак путем похищения, хотя бы символического, видимо, существовал, но в начале XX в. это были еди-

нические случаи. По сведениям информантов, такие случаи были отмечены в указанный период в приграничных зонах Тувы и Монголии (Эрзинский район, Южная Тува) [ПМА: Лахов]. В прошлом подобный брак отмечался исследователями у российских тувинцев и алтайцев. Так, о браке путем похищения у алтайцев Горного Алтая русский миссионер В. И. Вербицкий писал в конце XIX в. следующее: «У северных алтайцев, большей частью, воруются невесты. Жених, подговорив невесту и получив от нее в задаток платок, по взаимному условию, приезжает за ней ночью, на хорошем верховом коне, в сопровождении холостых молодых людей. Эти молодые люди подхватывают скрывающуюся из родительского дома невесту, сажают на подготовленного коня и мчатся в улус жениха или к ближайшим родственникам» [Вербицкий 2011: 105].

Патриархальный быт устанавливал господство отца в своем семействе. Во главе семьи стоял старший мужчина, отец семейства, а в его отсутствие — мать, которые представляли интересы семьи в обществе. Родители разрешали все вопросы повседневной жизни: распределяли доходы, заключали торговые сделки, покупали товары. Члены семьи вели общее хозяйство, владели совместным хозяйством, в том числе и скотом. Следовательно, семья была многофункциональной социальной группой, которая осуществляла хозяйственную и общественную функции. Важнейшими функциями семьи являлись репродуктивная (продолжение рода) и воспитательная; в ее рамках происходила социализация личности.

У тувинцев России, Монголии и Китая существовали определенные экзогамные нормы. Счет родства велся строго по отцовской линии. Родственная номенклатура сохраняла четкое деление родственников по отцу и матери, по жене и мужу. Не принято было заключать браки между представителями одного *сёока* ('рода' или 'клана') или, в рассматриваемое время, одной фамилии. Традиционно члены одного *сёока* считались между собой братьями, и нарушение этой родовой нормы грозило изгнанием или иногда даже смертью. Однако разрешалось бракосочетание в близкой степени родства (в седьмом поколении) по женской линии. Л. П. Потапов отмечал: «Нельзя было жениться женщинам и мужчинам внутри своего рода (кости) и не только рода, но и всего

сумона» [Потапов 1969: 229]. Эту особенность упоминал и Ф. Я. Кон, который писал, что «исключения бывали, но союзы к такого рода бракам относились с крайним осуждением» [Кон 1934: 33]. В конце XIX — начале XX вв. мужчины предпочитали брать жен из других родовых групп или же из одноименных, но не родственных. Вместе с тем разрешалось вступать в брак четвертому поколению (*хая корбес*, букв. 'обратно не оглядываться'), т. е. между правнуками родных братьев и сестер.

Среди современных российских тувинцев можно наблюдать следующие изменения: нечасто, но бывают случаи, когда женятся однофамильцы, при этом даже из одного сумона (района). Так, во время экспедиции 2006 г. информанты сообщили нам, что состоялась свадьба молодоженов с фамилией Ооржак и что они были рады тому, что даже фамилии не пришлось менять в ЗАГСе. Позже мы выяснили, что в отделениях ЗАГС при подобной ситуации жених и невеста заявления о смене фамилий не писали, отпадала и необходимость смены паспорта, в котором просто ставили соответствующий штамп о заключении брака. Согласно статистическим данным последних лет, в Туве появилось много женщин, родивших детей без мужа, увеличилось число случаев, когда детям присваивается фамилия матери, поскольку распространенной формой стал и гражданский брак. Кроме того, частым явлением стали разводы. Шарль Степанов в статье «Метаморфозы родства у тувинцев» отмечает: «Различение родни отца и матери, лежавшее в основе системы родства в традиционном обществе, в настоящее время исчезает. Более того, нередко молодые люди указывают материнскую линию как свою, что противоречит универсальному в тюрко-монгольских обществах принципу патрилинейности» [Степанов 2009: 130–144]. Такая ситуация, конечно, беспокоит общественность, так как нарушаются традиционные нормы брака. Вышеизложенное свидетельствует о следующих проблемах: незнание своих родных (корней) до седьмого колена, что было характерно для тувинцев в прошлом; заключение браков между представителями одного рода, возможно, даже родственников, что приводит к кровосмешению.

Возникает вопрос о времени и причинах нарушения традиционной системы заключения браков, для рассмотрения которого

обратимся к исследованиям ученых и другим материалам.

У алтайцев до революции соблюдалась клановая экзогамия, которая являлась гарантией здоровья этноса: «Никто не женится на женщине своего *сөөка*, <...> в какой бы далекой степени родства она ни приходилась ему» [Дыренкова 1926: 253], что характерно для алтайской культуры до настоящего времени [Тадина 2005: 257]. Этот обычай (*алышпас* 'нельзя взять') описан у северных алтайцев и шорцев [Потапов 1953: 252–255], а также у тофаларов [Катанов 1907: 624]. Значение *сёока* (*сөөк*) состоит в том, что он объединял людей одного рода (или клана) и являлся важным элементом самоопределения. Поэтому исследователи отмечали, что на Алтае «при встрече друг с другом инородцы предлагают первый вопрос — какого *сёёка* [*сөөк*], кости» [Адрианов 1888: 145]. Согласно Уставу об управлении инородцами (1822), среди народов Алтая царская администрация разделяла так называвшихся «кочевых инородцев» по улусному принципу; традиционная структура общества сохранялась в целях организации сложной территориальной системы [Швецов 1898: 1–16].

У тувинцев, как и у других тюркских народов Саяно-Алтая, существовали родственные группы, имевшие общее имя. С конца XIX в. русскоязычные исследователи, знакомые с этнографией других тюркских народов Саяно-Алтая, называли в своих очерках эти группы *сёоками*. Но, как отмечает Ш. Степанов, «судя по большому корпусу текстов Катанова, сами тувинцы употребляли слова *чон* ('народ') и *улус* вместо *сөөк* ('род') (напр., см.: [Катанов 1907: 44, № 318–219; 163, № 1149]). <...> В конце XIX в. исследователи отмечали, что тувинцы себя идентифицировали скорее по административному делению, нежели по родственным группам [Райков 1898: 433–462; Дулов 1951: 44]» [Степанов 2009: 131]. Исследователь объясняет эту особенность тувинского общества тем, что «система принадлежности к родственным группам у тувинцев со второй половины XVIII в. насильственно подверглась политике разрушения цинской администрацией», в результате которой тувинцы-скотоводы были «закреплены за определенными территориальными единицами, за пределы которых они не имели права перекочевывать», что ослабило «солидарность родственников

групп» [Степанов 2009: 131], в отличие от алтайцев, которые не были столь жестко привязаны к территориальным границам и проживали в разных административных единицах, будучи представителями одного *сёока*. Кроме того, территориальная община тувинцев обрела функцию, которую ранее выполнял клан, поскольку общественные обряды стали проводиться под руководством чиновников из разных родственных групп [Кон 1934: 126]. В связи с возросшей ролью территориальной общности в начале XX в. «тувинские группы, соответствующие алтайским кланам, не только не имели социально-политической функции, но и не играли определяющей роли в брачных отношениях» [Степанов 2009: 131].

Но, в отличие от тувинцев России, среди тувинцев Монголии и Китая трансформационные процессы не затронули указанную сферу: они сохранили традиционные представления о нежелательности заключения брака с представителями своего рода. При этом ввиду своей малочисленности и компактного проживания тувинцы Монголии и Китая предпочитают заключать браки с представителями соседних монгольских народов — в большей степени ойратов (баятов, мингатов, олётов, дербетов, торгуты), в меньшей степени — халха-монголов. Эту особенность в предпочтениях выбора брачного партнера информанты связывают с тем, что вышеназванные этнические группы западных монголов проживают по соседству, что они близки по духу, менталитету и пр.

Кроме того, отмечено, что тувинцы Монголии и Китая меньше всего женятся или выходят замуж за казахов, уйгуров и китайцев. В 2012 г. во время экспедиции в Синьцзян-Уйгурский Автономный округ Китая в с. Ханас был зафиксирован случай, когда представительница из рода *соян* вышла замуж по любви за казаха и была проклята родственниками. Связи с ней были прерваны, и родичи не имели никаких сведений о ее дальнейшей судьбе. Этому факту информант дал следующее объяснение: «казахи — представители другой веры, религии» [ПМА]. Другой пример: во время экспедиции в с. Хом Синьцзян-Уйгурского Автономного округа КНР, узнав о приезде ученых, к нам обратились три молодые женщины, по национальности тувинки. Оказалось, что они замужем за китайцами, имеют детей, но живут обособленно от сородичей.

Отношения с родственниками сложные, поскольку тувинцы браки с китайцами не приветствуют, опять же ввиду того, что у них другая вера, другая культура. Встречаются среди тувинцев КНР и случаи заключения браков между тувинцами и китайками: так, в г. Алтай членам экспедиции сообщили о случае женитьбы на китайке, отмечалось, что родственники мужа хорошо приняли в семью невестку, а свадьба была проведена по тувинским и китайским правилам. Тем не менее, в среде тувинцев КНР такие браки считаются нежелательными, и основными причинами признаются иная вера, незнание языка и обычаев, трудности в адаптации к жизненной среде людей другой национальности, сложности в отношениях невестки с родителями мужа, а также представление о том, что подобным образом девушки оказывают неуважительное отношение к своим родственникам.

К нормам, касающимся заключения брака, традиционно относились также следующие: два родных брата не могли жениться на родных сестрах; два брата не женились в один год и так же две сестры в один год не должны были выходить замуж. Девушка не могла выйти замуж в тот же год, когда женился ее брат, но если сначала сестра вышла замуж, то брат мог обзавестись семьей в течение того же года, поскольку свадьбы проходили в двух разных семьях. До тех пор, пока старший брат не женился, младший не мог обзавестись семьей. Считалось, что в противном случае старший брат будет несчастлив.

Среди тувинцев Кобдоского аймака Монголии во время экспедиции 1996 г. автором отмечен случай: парень 22-х лет имел невесту и уже был готов к женитьбе, но не мог этого сделать ввиду того, что у его старшего брата не было даже невесты, не говоря о свадьбе [ПМА: Магзаржап Хаалар]. У российских тувинцев же этот обычай сегодня соблюдается по-разному. Жители западных и южных районов Тувы строго придерживаются данных правил, но в то же время в центральных районах, таких как Кызыльский, Тандинский, их уже перестали соблюдать.

Запрет вступать в брак охватывал следующие группы родственников:

1. *Угбашкылар (акышкылар)* — между родными братьями и сестрами, рожденными от одной матери и одного отца;

2. *Шанышкылар* — между детьми родных братьев и сестер;

3. Между внуками родных братьев и сестер.

Важным фактором для тувинской семьи является многодетность, которая считалась большим счастьем, соответственно, отсутствие детей воспринималось как большое горе. Отношение взрослых к детям отличалось в целом любовью, заботой и терпимостью. С раннего детства детей приучали к трудолюбию, учили правилам поведения в семье и обществе, воспитывали послушание и почтение к старшему поколению. До десяти лет мальчики и девочки росли и воспитывались вместе. Сыновей готовили к семейной жизни и самостоятельному ведению хозяйства. Отец обучал их мужским работам: различным промыслам, охоте, способам забоя скота и прочим хозяйственным мужским занятиям. Нормы обычного права и семейно-брачной обрядности четко определяли положение девушки в кругу семьи, в соответствующей половозрастной группе, в обществе. Вся ее добрачная жизнь являлась подготовкой к замужеству; в этот период происходило полное приобщение девушки к семейному быту. Мать обучала дочь всем женским работам — умению вести хозяйство, уходу за скотом, приготовлению пищи, шитью, прядению и различным секретам рукоделия. Таким образом, девушка познавала годовой цикл обрядов и обычаев, связанных с бытовой, промысловой и праздничной сторонами жизни.

В возрасте 16–17 лет девушка переходила в новую возрастную группу, она выходила из мира детства и входила в отроческий период. Трудовые обязанности оставались прежними, но изменялись нормы ее поведения, санкционированные обычным правом нормами семьи и общества. Помимо выполнения своих бытовых обязанностей, у нее появлялась особая, своя жизнь. В работе С. И. Вайнштейна «Загадочная Тува» отмечено «наблюдение Феликса Кона, что во многих тувинских аалах¹ ему приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте» [Вайнштейн 2009: 268]. Это делалось для того, чтобы девушка могла свободно располагать собой и без стеснения принимать возлюбленного, несмотря на то, что ни девушка, ни парень не собирались скреплять свою связь брачными узами. Особенностью такого возрастного периода являлось также

¹ Аал — поселение, включавшее несколько юрт.

участие девушек и парней в ритуальной игре *ойтулааш* — ночных игрищах молодежи дореволюционной Тувы. В них принимали участие только незамужние и неженатые молодые люди. На ритуальных игрищах молодежь знакомилась между собой и лучше узнавала своих родственников из других районов, что было очень важно, так как по вековым обычаям строго запрещалось создавать семьи детям близких родственников. Молодежь играла в так называемые игры под луной с большим увлечением и задором [Майны 2012: 151–154]. «Праздник начинался с первого месяца лета и продолжался до последнего месяца осени, с позднего вечера до рассвета — в сакральное время суток», — отмечает Г. Н. Курбатский. Игры проводились в лунные светлые, белые ночи 15-го числа (полнолуние) каждого месяца. Это время находилось между «молодым» и «старым» месяцем, на символическом уровне — между «рождением» и «смертью», и соотносилось с возможной переменой статуса молодых людей [Курбатский 2001: 464].

Информанты во время полевых исследований рассказывали нам, что для проведения *ойтулааш* избирались такие места, чтобы удобно было приехать из разных направлений Тувы, и в отдаленных кожуунах Республики Тыва, (например, в Овюрском и Монгун-Тайгинском) такие молодежные игрища не проводились. Кроме того, при небольшом количестве собравшихся для игрищ молодые люди на лошадях обьезжали близлежащие аалы, приглашая песнями¹ к участию в празднике [ПМА: Сарыглар Ч. Ш.-Х., Минчимаа М. О.; Айыжы, Майны 2016: 108]. В советские времена молодежный праздник, который представлялся чуждым в социальном и идеологическом планах, был запрещен решением VIII съезда Тувинской народно-революционной партии (1929 г.) [Курбатский 1973: 219].

Девушка-невеста имела право одеваться лучше и наряднее других как в праздники, так и в будни. В. В. Радлов отмечал: «Лучше и опрятнее всех одеты девушки и богатые молодые женщины, последние — уже в силу своего имущественного положения и еще потому, что, по обычаю, при выдаче замуж их следует одеть во все новое. Кроме того, девушки и молодые женщины носят богатые украшения» [Радлов 1887: 34].

¹ Обрядовый фольклор народных игрищ описывается в работе М. Б. Кенин-Лопсана [2004].

Понятие «брачный возраст» у тувинцев в XIX в. и в более ранние периоды отличался от современных представлений. Девушек выдавали замуж в возрасте 16–18 лет, иногда 14–15 лет. Народные представления о совершеннолетию мужской половины были еще более нечеткими, чем о девичьем. Для юношей нормальным считался брачный возраст 18–20 лет и позднее. По бытовым меркам готовые для брака «женихи» и «невесты» должны были быть физически крепкими, работающими, почтительными к старшим людям. В целом период от 16 до 40 лет считался временем расцвета физических и духовных сил, накопления жизненного опыта [Айыжы 2016: 415].

В наши дни наблюдается повышение брачного возраста: основная часть браков заключается в возрасте 23–26 лет как среди жителей села, так и среди горожан, что свидетельствует об отсутствии моральной и ценностной поляризации указанных категорий населения. В этом возрасте индивид уже является морально и материально самостоятельным, устанавливает свой уровень требований и притязаний к своей половинке, а также успевает «пожить для себя». Большинство наших российских информантов считают, что это самый подходящий для брака возраст. При вступлении в брак непременным условием должны быть материальная база и собственное жилье как залог успешной семейной жизни.

Старых дев и холостяков остерегались, считалось, что женщина, не родившая ребенка, не может прочувствовать чужую боль. Место старой девы в юрте — на правой стороне перед *улгуур* ('буфет'). Место у старого холостяка — с левой стороны у входа юрты, это место называется *тодуг чарык* ('сытное место'), здесь зимой привязывают молодняк скота, летом на крючок подвешивают мясо. У тувинцев России, Монголии и Китая такое отношение к старым девам и холостякам сохраняется и по сей день.

Тувинцы Баян-Ульгийского аймака Монголии нерожавшую женщину называют *уруг ундурбээн кижиги* ('человек, который не выпустил ребенка'). Таких людей боялись, считая, что «*уруг ундурбээн кижиннин каргыжы куштуг*» ('у человека, который не выпустил ребенка, проклятия сильны'), «*эр кижиги тос эриини шыдажып эрте бээр. А уруг ундурбээн кижинин чукурун аскаш, оон адаандан эр кижини эрттиреге, эр*

кижи ону эртий шыдавас («мужчина может пройти все девять адов мучений / испытаний. Но если повесить нижнее белье человека, который не выпустил ребенка, то мужчина не сможет пройти»). Старую деву называли *оонге кырып калган уруг* («в юрте состарившаяся женщина»), или *эр-даа албас*, *эрлик-даа албас* («даже парень не берет, даже черт не берет»). Во время рождения ребенка или при проведении свадебного обряда таких людей и ныне стараются не приглашать или же не сажать на почетное место в юрте. Безбрачные (старые девы и холостяки) не имели веса в обществе, обычно им не устраивали отдельное жилище, и положение их в семье было неопределенным. Прежде в отношении старых дев и холостяков бытовало суждение, что они якобы плохие люди, и в юрте им полагалось

сидеть только слева от входа (на самом низкостатусном месте) [ПМА: Чаг Т. К.]. Иногда им могли отказать в ночлеге или дать пищу за пределами жилища. Считалось, что после смерти им уготована плохая жизнь в загробном мире, и погребение их проводили их с некоторыми отличиями [Дьяконова 1980: 58]. Только женатые и замужние приобретали авторитет и влияние в обществе. Такое отношение сохраняется у тувинцев России, Монголии и Китая и на современном этапе. Если у молодой семьи имеется неженатый друг или незамужняя подруга, то их стараются не приглашать на свои семейные мероприятия. Среди тувинцев Монголии нами зафиксированы следующие поговорки и пословицы, связанные с такими людьми [ПМА: Донгак Натсак (Хоюк) Улуг]:

<i>Эшитиг кижиги эгенмес,</i> <i>Чашитыг кижиги чалданмас.</i>	Человека в паре не согнет (беда), с другом от беды отобьюсь. С парой человек бесстрашен.
<i>Чангыс кезек от болбас.</i>	Одно полено не сделает огонь (костер).
<i>Чангыс кижиги – кижиги болбас.</i>	Один человек — не народ.

Таким образом, общей чертой тувинского семейного быта являлась большая прочность родственных связей. Важным событием в любой семье считались женитьба сына

или замужество дочери. Создание новой семьи было общим делом для родственников, и в этом принимали активное участие обе стороны вступающих в брак.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Источники

Полевые материалы автора — ПМА.

Список информантов:

Донгак Натсак (Хоюк) Улуг. Уроженец сомона Цэнгел Баян-Ульгийского аймака Монголии. В момент записи проживала в м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Лахов Валерий Кыргысович, 1938 г. р. Уроженец м. Качык Эрзинского района Республики Тыва, в момент записи проживал в с. Нарын Эрзинского района Республики Тыва. Запись 1998 г.

Магзаржап Хаалар, 1977 г. р. Уроженец м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Минчимая Мария Ондаровна (1936–1990). Уроженка м. Доскаарлыг Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. В последние годы проживала в г. Кызыл Республики Тыва.

Сарыглар Чанчываа Шаажан-Хоевна (1929–2001 гг.). Уроженка м. Доскаарлыг Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. В последние годы проживала в г. Чадан Дзун-Хемчикского района Республики Тыва.

Чаг Тыва Куш, 1924 г. р. Уроженка м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Литература

Адрианов А. А. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки Императорского Русского Географического общества по общ. географии. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. Т. 11. С. 147–444.

- Айыжы Е. В. Категория «возраст» и отношение к нему у тувинцев // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5 (112). С. 415–421.
- Айыжы Е. В., Майны Ш. Б. Молодежный праздник «Ойтулааш» в традиционной культуре тувинцев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 107–114.
- Вайништейн С. И. Загадочная Тува. М.: ООО «Домашняя газета», 2009. 416 с.
- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Книга по требованию, 2011. 256 с.
- Дулов В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) // Советская этнография. 1951. № 4. С. 57–76.
- Дьяконова В. П. Из предыстории тувинского сохвоха «Нарын» // Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980. С. 93–108.
- Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: Изд. Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. 1. С. 247–259.
- Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Т. IX (тексты I, перевод II). СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. [2], VI, XXV, 658, [2] с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Ойтулааш: классические образцы любовной лирики тувинского народа. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2004. 384 с.
- Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 157 с.
- Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Майны Ш. Б. Традиционные игры в молодежном празднике тувинцев «Ойтулааш»: семантика и интерпретации в современных театральнореографических формах // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 151–154.
- Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских народов Южной Сибири и Джунгарии. Томск.: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1887. 145 с.
- Райков М. И. Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению РГО // Изв. Русского Географического об-ва. СПб.: [б.и.], 1898. Т. 34. Вып. 4. С. 433–462.
- Потанов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 2-е изд. 442 с.
- Степановф Ш. Метаморфозы родства у тувинцев. // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 130–144.
- Тадина Н. А. Три линии родства и авункулат у алтайцев // Алгебра родства. Вып. 9. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 253–283.
- Швецов С. П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмыков) и киргиз: Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества. Омск: Тип. Окружн. Штаба, 1898. Кн. 25. С. 1–16.

Sources

- PMA — *Polevye materialy avtora* [Author's field data]. List of informants:
- Dongak Natsak (Khoyuk) Ulug. A native of Tsengel sum (district) in Bayan-Ölgii aimag (province) of Mongolia. The record was made in Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia) in 1996.
- Lakhov Valeriy Kyrgyzovich, Mr., born 1938. A native of Kachyk sumon (rural settlement) of Erzinsky district (Republic of Tuva). The record was made in Naryn village of Erzinsky district (Republic of Tuva) in 1998.
- Magzarzhap Khaalar, Mr., born 1977. A native of Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia). The record made in 1996.
- Minchimaa Mariya Ondarovna (1936–1990), Ms. A native of Doskaarlyg sumon of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva). In the closing years of her life resided in Kyzyl, Republic of Tuva.
- Saryglar Chanchyvaа Shaazhan-Khoevna (1929–2001), Ms. A native of Doskaarlyg sumon of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva). In the closing years of her life resided in Chadan town of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva).
- Chag Tyva Kush, Ms., born 1924. A native of Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia). The record made in 1996.

References

- Adrianov A. A. *Puteshestvie na Altay i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo*

- obshchestva chlenom-sotrudnikom A. V. Adrianovym* [A. Adrianov's 1881 journey to the Altai and Sayan mountains undertaken on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po obshch. Geografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography]. St. Petersburg, Imper. Acad. of Sc. Press, 1888, vol. 11, pp. 147–444 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V. *Kategoriya «vozrast» i otnoshenie k nemu u tuvintsev* [Category 'age' and the attitude of the Tuvans towards it in the traditional culture]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* (Kazan Pedagogical Journal), 2015, No. 5 (112), pp. 415–421 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V., Mayny Sh. B. *Molodezhnyy prazdnik «Oytulaash» v traditsionnoy kul'ture tuvintsev* [The youth festival 'Oytulaash' in the traditional culture of Tuvans]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016, No. 1, pp. 107–114 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Zagadochnaya Tuva* [The mysterious Tuva]. Moscow, Domashnyaya Gazeta Publ. Ltd., 2009, 416 p. (In Russ.).
- Verbitskiy V. I. *Altayskie inorodtsy* [Non-Russian population of the Altai]. Moscow, Kniga Po Trebovaniyu Publ., 2011, 256 p. (In Russ.).
- Dulov V. I. *Perezhitki obshchinno-rodovogo stroya i rodovogo byta u tuvintsev v XIX — nachale XX v. (do 1917 g.)* [Vestiges of the communal-clan system and clannish economy among the Tuvans in the 19th–early 20th cc. (before 1917)]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography journal), 1951, No. 4, pp. 57–76 (In Russ.).
- Dyakonova V. P. *Iz predystorii tuvinskogo sovkhooza «Naryn»* [Prehistory of 'Naryn' sovkhooz (Tuva)]. *Etnograficheskie aspekty izucheniya sovremennosti* [Ethnographic aspects in studies of modernity]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 93–108 (In Russ.).
- Dyrenkova N. P. *Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnye normy u altaytsev i teleut* [Clan: the classification system of kinship and conjugal morality among the Altaians and Teleuts]. *Materialy po svad'be i semeyno-rodovomu stroyu narodov SSSR* [Materials on wedding traditions and the family-clan system of the USSR's peoples]. Leningrad, Publ. Office of Commission for the Arrangement of Students' Ethnographic Excursions, 1926, iss. 1, pp. 247–259 (In Russ.).
- Katanov N. F. *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennyye N. F. Katanovym* [Dialects of the Uriankhai people (Soyots), Abakan Tatars and Karagas people]. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Sobrany V. V. Radlovym. T. IX (teksty I, perevod II)* [Samples of folk literature of Turkic tribes residing in Southern Siberia and Dzungar Steppe. Collected by V. Radlov. Vol. 9 (texts and translation)]. St. Petersburg, Acad. of Sc. Press, 1907, VI, XXV, 658 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan M. B. *Oytulaash: klassicheskie obraztsy lyubovnoy liriki tuvinskogo naroda* [Oytulaash: classical samples of Tuvan love poetry]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 2004, 384 p. (In Tuvan and Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu* [An expedition to Soyotia]. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Deportees Press, 1934, 157 p. (In Russ.).
- Kurbatskiy G. N. *Tuvintsy v svoem fol'klore: istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora* [Tuvans in their folklore: historical-ethnographic aspects]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 2001, 464 p. (In Russ.).
- Mayny Sh. B. *Traditsionnye igry v molodezhnom prazdnike tuvintsev «Oytulaash»: semantika i interpretatsii v sovremennykh teatral'no-khoreograficheskikh formakh* [Traditional games at the Tuvan youth festival 'Oytulaash': semantics and interpretations in modern theatrical-choreographic forms]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* (Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts), 2012, No. 2 (30), pp. 151–154 (In Russ.).
- Radlov V. V. *Etnograficheskiy obzor tyurkskikh narodov Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarii* [Ethnographic review of the Turkic peoples residing in Southern Siberia and Dzungaria]. Tomsk, Mikhaylov and Makushin Publ., 1887, 145 p. (In Russ.).
- Raykov M. I. *Otchet o poezdke k verkhov'yam reki Eniseya, soershennoy v 1897 godu po porucheniyu RGO* [Report on an 1897 journey to the Upper Yenisei undertaken on behalf of the Russian Geographical Society]. Russian Geographical Society Press, St. Petersburg, 1898, vol. 34, iss. 4, pp. 433–462 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches of the everyday life of Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaytsev* [Sketches on the history of Altaians]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1953, 442 p. (In Russ.).

- Stepanoff Sh. *Metamorfozy rodstva u tuvintsev* [Metamorphoses of kinship among the Tuvan]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2009, No. 4, pp. 130–144 (In Russ.).
- Tadina N. A. *Tri linii rodstva i avunkulat u altaytsev* [The three kinship lines of Altaians]. *Algebra rodstva* [Algebra of Kinship], iss. 9. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography (RAS) Press, 2005, pp. 253–283 (In Russ.).
- Shvetsov S. P. *Obychno-pravovye vozzreniya altaytsev (kalmykov) i kirgiz: Brachnye i semeynye otnosheniya* [Common law of the Altaians (Kalmyks) and Kyrgyz people: marital and family relations]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Western Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk, Publ. Office of District Headquarters, 1898, book 25, pp. 1–16 (In Russ.).
-

УДК 390 (519.3)

ФОРМЫ СЕМЬИ И БРАКА ТУВИНЦЕВ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Елена Валерьевна Айыжы¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и археологии, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: aiyygy@mail.ru.

Аннотация. В статье описываются формы и нормы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая в сравнительном аспекте. Автор приходит к выводу о том, что изучение форм брака и семьи у тувинцев проливает свет на сложнейшую историю общественных отношений в Туве в конце XIX и начале XX вв. и позволяет выявить условия, определившие длительное бытование некоторых архаических черт брачных отношений. Показаны изменения в брачно-семейных отношениях в период трансформационных процессов. В статье используются собственные полевые материалы автора, собранные на территории российской Республики Тыва, Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР.

Ключевые слова: форма семьи, брак, род, тувинцы России, тувинцы Монголии, тувинцы Китая, брачный возраст, безбрачие, *ойтулааш*.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 67–74, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-67-74
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

The Artistic World of Kalmyk Household Fairy Tales

Irina S. Nadbitova¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: nad-irina@mail.ru.

Abstract

The fairy tale genre constitutes quite a fruitful part of Kalmyk folklore. Along with the epic, myths, legends and proverbs, fairy tales are integral to the centuries-old spiritual culture. And household fairy tales are especially significant to the Kalmyk fairy tale repertoire.

Despite the fact that — as is evident from historiography of Kalmyk fairy tale studies — corresponding texts have been recorded and collected since long ago, the internal genre diversity of Kalmyk folklore still remains understudied. Household fairy tales have not yet been subject to special folklore studies though it is widely recognized that those are compositions of high artistic merit. Their well-defined specificity manifests itself in peculiar plots, the system of images and characters, definite artistic pictorial means.

The article studies the artistic world of Kalmyk household fairy tales which is usually based on alogism and expressed by certain pictorial means to reveal the typical identifications of characters and ideological content of the fairy tales.

The theoretical and methodological foundation for the paper is constituted by works of Russian scholars, such as V. Gatsak, L. Barag, E. Pomerantseva, V. Anikin, V. Propp, Yu. Yudin and others.

The introductory part contains brief historiographic data on how the fairy tales have been collected, published and studied. The body of the article — with reference to classification schemes of the Russian scholars — divides Kalmyk household fairy tales into certain plot and thematic groups and examines most complete variants of plots from the categories.

The considered materials are characterized by brevity of narration and evident social orientation as well as a comic and ironical style resulting from the whole content, themes and satirical means applied.

Dialogue — i. e. short, felicitous and witty remarks of the characters in response to their opponents' answers — is the main form of speech within the structure of household fairy tales. Qualities of a dialogue largely depend upon the talent of a tale-teller, his or her acting abilities and proficiency in expressing satirical components within amusing story lines of the fairy tales.

The traditional adherence to 'formulas' inherent to, e. g., magic fairy tales is not usually the case of household ones (except for some initial and median formulas); constant median formulas and triplings are episodic.

Artistic means of satirical denunciation are diverse enough: irony, contrast, exaggeration, antithesis. Laughter serves a special means to express the main idea, it conveys the specificity of household tales

based on description of unusual situations and events. When it comes to the portrayal of characters, contrast and exaggeration are usually applied; otherwise some feature of the main character is depicted in detail.

The investigated fairy tales contain elements of magic tales, anecdotes, legends; those also reflect the national history, with special attention paid to ethno-local peculiarities of economy and different ways of life.

The artistic specificity of Kalmyk household fairy tales helps conceive the folk talent and wisdom, beauty and accuracy of the language, contributes to further understanding the aesthetic and spiritual wealth of the nation.

Keywords: Kalmyks, household fairy tales, plot, fairy tale tradition, laughter, alogism, composition, artistic world.

Устное народное творчество занимает особое место в духовной жизни народа. Изучение разновидностей сказок имеет важное значение в фольклористике, так как способствует пониманию жанра сказки в целом. В калмыцкой сказочной прозе наряду с богатырскими, волшебными повествованиями и очень древними сказками о животных имеются бытовые сказки, которые по своему содержанию, сюжетному составу и идейной направленности многообразны. Они широко распространены в устной народной прозе, так как по своему тематическому наполнению наиболее близки к реальной действительности и бытовым особенностям.

В калмыцкой фольклористике рассмотрены определенные вопросы сказочного жанра, однако проблема изучения бытовых сказок остается актуальной, имеются научные статьи М. Э. Джимгирова [1970], Т. Г. Басанговой [2016], Е. Д. Мучкиной [1970], И. С. Надбитовой [2016].

В своей работе мы опирались на труды отечественных и зарубежных фольклористов, таких как В. П. Аникин, Л. Г. Бараг, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп, Ю. И. Юдин, в работах которых обозначены характерные черты бытовой сказки, определены социально-исторические основы их возникновения, рассмотрены вопросы идейного содержания, типологии сюжетов, особенности композиции и художественно-изобразительных средств.

Источниковедческой базой исследования являются сказки, опубликованные в различных изданиях разных лет.

Бытовые сказки по сравнению с волшебными и сказками о животных являются более поздними по происхождению. Они имеют отчетливо выраженную идейно-художественную особенность, проявляющуюся в сюжетной линии, системе образов и в своеобразии композиции.

Самобытное сказочное богатство калмыков издавна привлекало внимание многих отечественных и зарубежных ученых, путешественников, этнографов. Так, в середине XVIII в. в Калмыцкой степи проводились научные экспедиции Императорской Академии наук и позже, в 1795 г., адъютантом И. И. Лепехиным было опубликовано несколько калмыцких легенд и сказок [Лепехин 1795].

В 1804 г. в Риге была издана книга Б. Бергманна, в которую вошли 13 сказок из сборника «Сиддиту күр» («Волшебный мертвец»), сказка «Аю-чикте», одна из эпических песен «Джангара» [Bergmann 1805].

В 1864 г. проф. К. Ф. Голстунский литографическим способом издал 2 песни из эпоса «Джангар», тексты 13-ти сказок на старокалмыцком языке под названием «Убаши-хун-тайджиин тууджи, народная калмыцкая поэма Джангар и Сиддиту кюриин туули» [Голстунский 1864].

В 1899 г. учитель Найман Бадмаев составил «Сборник калмыцких сказок» на русском языке, в него вошли 27 текстов, к сожалению, комментарии, примечания и сведения о текстах отсутствуют [СКС 1899].

В начале XX в. Г. И. Рамstedт посетил калмыцкие степи с целью исследования калмыцкого языка и фольклора. В 1909 и 1919 гг. им были опубликованы тексты калмыцких народных сказок в фонетической транскрипции и в переводе на немецкий язык. Тексты даны без названий, под номерами [Рамstedт 1909; 1919].

В 1909–1911 гг. Н. Очировым, студентом Санкт-Петербургского университета, были записаны образцы калмыцкого фольклора, в том числе и бытовые сказки [Очиров 2006].

Калмыцкие сказки были записаны проф. В. Л. Котвичем, в 1968 г. директором Калмыцкого НИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН) И. К. Илишкиным были сделаны фотоко-

пии записей этих сказок [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 73–83].

Образцы фольклора донских калмыков были записаны И. И. Поповым, так как он много лет жил среди них и поэтому свободно владел калмыцким языком. Некоторые сказки из его коллекции были изданы в 1938 г. на русском языке в литературной обработке Б. В. Лунина, часть сказок вошла в 1-й том сборника «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки»).

Великая Отечественная война и депортация калмыков в Сибирь явились причиной долгого перерыва в собирании, исследовании и публикации фольклора. Лишь с 1960-х гг. возобновилась работа по его сбору и изучению, именно в этот период были организованы фольклорные экспедиции, материалы которых хранятся в Научном архиве (далее — НА) КалмНЦ РАН. Сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ были записаны репертуары сказочников С. Бутаева, С. Манджикова, Ц. Джаргаевой, Ч. Комаева, М. Буринова. Сказочный материал фольклорных экспедиций опубликован в 4-х томах сборника «Хальмг туульс» (далее — ХТ).

Поскольку публикуемая статья представляет общую картину художественного мира бытовых сказок, останавливать внимание на истории собирания и изучения сказок здесь нет необходимости. Отметим лишь, что к настоящему времени накоплен богатый материал по сказочному творчеству калмыков, часть которого опубликована в различных изданиях, другая часть хранится в Фонограммархиве (далее — ФА) и НА КалмНЦ РАН.

Термин «бытовые» распространен в отечественной фольклористике и объединяет по идейно-художественным особенностям новеллистические (авантюрные) и сатирические (анекдотические) сказки. Однако не всегда возможно строгое разделение, так как «есть сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим, от новеллистических к анекдотическим и наоборот; есть переходные жанровые формы от легенды к сказке, от былички к сказке; есть сказки, унаследовавшие мотивы и стиль исторических преданий; есть сказки-притчи и сказки-небылицы» [Соболева, Каргаполов 1993: 15].

Во всем многообразии сюжетного арсенала русских бытовых сказок В. Я. Пропп выделил следующие тематические группы: 1) сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим; 2) о мудрых девуш-

ках; 3) об испытании жен; 4) о ловких и удачливых отгадчиках; 5) о ловких ворах; 6) о разбойниках; 7) о хозяине и работнике; 8) о попах; 9) о глупцах; 10) о злых женах; 11) о шутах; 12) сказки литературного происхождения; 13) моралистические сказки [Пропп 1984: 253–291].

Учитывая классификации сказок, предложенные исследователями-сказковедами, калмыцкие бытовые сказки можно условно разделить на следующие сюжетно-тематические группы: 1) о мудрых людях; 2) о ловком воре; 3) о хозяине и работнике; 4) о хитрецах; 5) о глупцах; 6) о священнослужителях; 7) о плутах; 8) о женах; 9) о ловких отгадчиках; 10) сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим (см. [Надбитова 2016]).

По мнению ученых, «новеллистическая сказка как сложная повествовательная структура (одно- или многоэпизодная) „располагает к наполнению ее сказочной схемы жизненным содержанием. Однако при этом ее занимательность и привлекательность состоят в том, что в ней сохраняется свобода сказочного вымысла, имеющего здесь совершенно особый характер, — все романтические приключения и авантюры героев совершаются в пределах земного пространства и времени» [Соболева, Каргаполов 1993: 19].

В бытовых сказках основным является их смеховое (юмористическое) наполнение: краткость и занимательность сюжетов, изображение в смешном виде отрицательных явлений и персонажей, комические проделки героев — простых выходцев из народа, носителей высоких моральных качеств.

Художественное пространство бытовых сказок вполне реалистично: действие происходит *нег хотнд* ‘в одном хотоне’, *нег нутгт* ‘в одном нутке’, т. е. в обстановке, привычной для слушателя и исполнителя. И художественное время также более приближено к реальному, но в то же время условно, так как отсутствуют четкие сведения о том, в каком году и на протяжении какого времени происходили события, повествование о которых идет в сказке.

Среди бытовых сказок имеются сюжеты с ярко выраженным назидательным значением, целью их является «доказать справедливость какой-либо кратко сформулированной этической нормы путем развертывания эпизода, художественно убедительно подтверждающего эту норму» [Соболева, Каргаполов 1993: 17]. Примером служит сказка

«Көгшдэн хайчкад нүүсн хан» (981 «Почему перестали убивать стариков») из репертуара Санджи Манджикова [ХТ 1968: 62–63]. Общая сюжетная линия: вопреки приказанию убивать стариков один сын прячет старика-отца в погреб; во время голода старик выручает сына советами, с тех пор стариков перестают убивать. В калмыцкой сказке имеются различия в деталях: во время сильной засухи люди не могут найти родники; по совету пожилого отца отпускают корову-четырёхлетку, находят воду. Идейное содержание таких сказок — утверждение этических идеалов, почитание жизненного опыта и народной мудрости.

В калмыцком фольклоре одно из важных мест занимают сказки, основным композиционным приемом которых являются загадки и мудрые ответы, в которых отражены различные элементы исторического и духовного опыта народа. Главную роль в таких сказках играет диалог, являющийся средством обмена иносказаний, способом противопоставления персонажей. Так, в вариантах сказок на сюжет 875 «Семилетка» конфликт строится на загадывании ханом загадок и отгадывании их мудрой девушкой. В сказке «Хойр өргэллһн» («Две женитьбы») хан узнает о находчивости и мудрости девушки, женится на ней. Далее ханша помогает хозяину кобылы в решении спора, и тогда хан, разгневавшись на супругу, прогоняет ее, позволяя взять то, что она пожелает. Ханша устраивает пир и ночью забирает с собой сонного правителя. Хан повторно женится на ней [ХТ 1961: 111–113].

Исследуемый материал подтверждает, что главные персонажи в калмыцких бытовых сказках о загадывании и мудрых ответах в различных ситуациях, на протяжении всей сюжетной линии, выдерживают испытание загадкой, что является важным составляющим элементом по отношению к художественной структуре и идейному замыслу сказки.

В сравнении с другими видами сказочного жанра бытовые сказки являются более поздними образованиями, и несомненно, что волшебная сказка оказала влияние на происхождение некоторых сюжетов, мотивов и образов бытовых сказок. Пример тому — сказки на сюжетные типы 875 «Семилетка», 921 «Умная невеста».

В характеристике некоторых комических персонажей прослеживаются элементы этнической специфики, к примеру, *Кер*

һалзн хуцта Кеедә өвгн «Старик Кеда с бараном, у которого белое пятно на лбу», *Тавн сахлта нег тө өвгн* «Старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей». Сюжеты с их участием отличаются нелепыми ситуациями и приключениями.

В сказочном фонде калмыков имеются тексты, повествующие о женской хитрости, ловкости, умению выйти из любого положения. Примером является сказка «Заһсч» («Рыбак»): муж приносит рыбу, жена советует пригласить гелюнга. Когда муж отправляется за ним, жена съедает всю рыбу. Муж точит нож, жена шепчет гелюнгу, что ему собираются отрезать уши. Священнослужитель убегает, жена говорит мужу, что украли их рыбу. Муж гонится за гелюнгом, жена остается [ХТ 1961: 42].

Ирония и сарказм достигают наибольшей выразительности в сказках о глупцах, где главный герой буквально выполняет просьбы и советы, совершает все слишком поздно и невпопад. В фольклоре разных народов, в том числе и калмыцком, имеется большое количество вариантов сказок о дураках и глупцах. По мнению В. Я. Проппа, «это происходит не потому, что в жизни много дураков и что народ хочет их высмеять. Это объясняется тем, что *очевидная* или *разоблачаемая* глупость вызывает здоровый и доставляющий удовольствие смех. Этот смех бичует глупцов, но мнение некоторых исследователей, будто эти сказки имеют сознательную сатирическую направленность и преследуют цель активной борьбы с глупостью, нельзя признать правильным» [Пропп 1976: 88].

В сказках глупцы не имеют определенного возраста и социального положения. В них пародийно изображается гостеприимство героя (приглашает в дом волков, те съедают его), позднее понимание слов (приносит топор в шапке, туго затягивает веревку на шее щенка).

Среди бытовых сказок особую группу составляют сюжеты цикла сказок о ловких ворах, где герой обворовывает нойона или даже хана (1525 А «Ловкий вор»), основанные на принципе одурачивания. По словам В. Я. Проппа, «сказочный вор отнюдь не изображается как уголовник. Это веселый артист своего дела» [Пропп 1976: 80]. Тема воровства смягчается комическим изображением проделок главного персонажа: он все совершает весело и с юмором, играя на глупости и самоуверенности тех, кого он

дурачит. Воровство превращается в некий спор, к примеру, в сказке «Хулхач» ('Вор') отец сожалеет о том, что его 17-летний сын не может превзойти его в воровстве, на что сын предлагает проверить на деле: когда отец взбирается на дерево и крадет из-под вороны яйцо, сын поднимается следом за ним и незаметно вытаскивает из сапог подметки. Отец плачет от радости и отправляет сына в путь. Далее сын-вор крадет у встретившегося прохожего одежду и скот, у хана — золото, у ханской дочери — золотые четки и кольцо [ХТ 1972: 221–225].

Очень красочно и выразительно передано описание воровства, когда вор выдает себя за другого, к примеру, переодевается в ханскую одежду и выдает себя за хана, протягивает руку мертвеца и сбегает с места преступления и т. д. «Возможность осуществления воровских намерений этим преимущественно сказочным способом основывается на наивности и недогадливости или прямой глупости обворовываемых, т. е. чертах, которые допускаются в этих случаях как элемент необычный, присущий особому поэтическому миру сказки с ее установкой на небывалость и невозможность рассказываемого» [Юдин 2006: 56].

В калмыцком устном народном творчестве распространены и широко известные в мировом фольклоре сюжеты о ловких (случайных) отгадчиках. Один из таких — 1641 «Знахарь» представлен сказкой «Һахан толһа белгч» ('Знахарь со свиной головой'). Краткое содержание: старик не выходит из дома; старуха прячет масло в трухе, предлагает прогуляться; он находит масло. Ободренный находкой, отправляется на охоту, загоняет лису в нору с двумя отверстиями. Шапкой старик закрывает один выход, сам раскапывает второй. Далее лиса выскакивает из норы в шапку старика, собака и лошадь бегут вслед за лисой. Оставшись без лошади, старик боится возвращаться домой. Идет к ханскому двору, видит потерянное кольцо дочери хана. Старик представляется гадателем на свиной голове, в качестве вознаграждения просит скребок и рукавицы для держания котла. В другой раз он находит украденных лошадей хана. Воры слышат, как он говорит: «Хату, хату, хатурад яһнач, жөөлн-жөөлн жөөлрад яһнач?» 'Твердое-твердое, что будешь делать, затвердев, мягкое-мягкое, что будешь делать, размягчившись?'. Воров зовут Хату ('Твердое') и Жөөлн ('Мягкое'). Они просят старика не выдавать их, взамен

указывают местонахождение ханских лошадей. В награду у хана лжезнахарь просит шубу и шапку. В третий раз лжезнахарь подслушивает разговор ханши и сивого быка. Он изгоняет и сжигает шулмусов (*якц шулмус*), вредивших здоровью хана. В награду получает собаку и жеребца. После просьбы старухи о хорошем подарке, хан повелевает привезти старика во дворец и оставляет жить у себя [ХТ 1972: 203–207].

Еще одна группа сказок — сказки о плутах (1539 «Шут»; 1537 «Мертвое тело» (как эпизод)), где главным героем является ловкий хитрец и обманщик, и роль его «заключается в том, чтобы совершать фантастически остроумные проделки, вызывающие злой, уничтожающий, злорадный смех над обманутыми. Шутовские козни носят беспощадно жестокий характер. Эта жестокость (убийство, избиения, выставление на всеобщий позор, обман и пр.) обычно бывает вызвана презрением к глупости, корыстолюбию, богатству или стремлением отомстить своим недоброжелателям и завистникам» [Юдин 2006: 72]. В сказке «Долан хоһр нег түһр» ('Семь лысых, один коротковолосый') герой обманом получает семь верблюдов. Семеро лысых забивают своих телят, чтобы тоже получить верблюдов. Понимая, что их обманули, решают убить Коротковолосого. Ночью он ложится на место матери, те убивают ее. На следующий день герой погружает тело матери в ящик и отправляется в путь. Далее следует цепь проделок, в результате которых он получает прибыль и женится. Враги пытаются отомстить ему, но плут доводит их до разорения и гибели [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 86–88]. По мнению В. Я. Проппа, «такие сказки для современного человека представляют некоторую загадку. Смех представляется здесь циничным и как будто бессмысленным. Но в фольклоре имеются свои законы: слушатель не относит их к действительности; это сказка, а не быль. Победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка несколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута. Такие сказки легко приобретают характер социальной сатиры» [Пропп 1976: 81].

В структуре бытовых сказок диалог играет главную сюжетобразующую роль. Мастерство передачи диалога во многом зависит от таланта исполнителя, его актерских способностей и умения искусной передачи сатирического содержания занимательной фабулы сказок.

Художественные приемы сатирического осмеяния в сказках разнообразны: они бывают традиционными, а также могут зависеть от исполнительского мастерства того или иного сказочника. Наиболее распространенными являются следующие: ирония, гротеск, пародирование, социальная антитеза. Специфика художественного мира бытовых сказок основана на алогизме, перевернутости реальных действий и отношений и, как следствие, выражена определенными способами изображения комического с помощью пародии, контраста, антитезы, метафоры, которые служат для раскрытия типического определения героев, идейного содержания сказок.

Различным видам сказочного жанра присущ определенный стиль повествования: в бытовых сказках можем наблюдать комический, иронично-шутливый стиль, обусловленный общим содержанием, тематикой и сатирическими средствами.

Таким образом, бытовые сказки, отличительной чертой которых является ярко выраженная социальная направленность, комическое наполнение, занимают важное место в сказочном фонде калмыков. Художественные приемы сатирического обличения в сказках разнообразны. Особым средством выражения основной идеи является смех, с помощью которого передана специфика фантастики бытовых сказок. В бытовых сказках сосредоточены элементы волшебных сказок, анекдотов, преданий и легенд, а также художественно отражена история народа, социально-классовые отношения, морально-этические представления.

Список сокращений

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.

СКС — Сборник калмыцких сказок.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка.

ХТ — Хальмг туульс.

ФА — Фонограммархив.

Источники

Алти чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Очиров Н. О. Мөңк дееж (Живая старина) / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Сборник калмыцких сказок / сост. Н. Бадмаев. Астрахань, 1899. 110 с.

Хальмг туульс. Барт белдснь Саңжин Б., Саңхан Л. I боть. Элст: Хальмг дегтр харпач, 1961. 220 х.

Хальмг туульс. Манжин Санжас бичж авсн Бембэн Ш. II боть. Элст: Хальмг дегтр харпач, 1968. 264 х.

Хальмг туульс. Нээрүлж кевлелд белдж диглснь: Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. III боть. Элст: Хальмг дегтр харпач, 1972. 250 х.

Хальмг туульс. Барт белдснь Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. IV боть. Элст: Хальмг дегтр харпач, 1974. 272 х.

Литература

Аникин В. П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. М.: Госуд. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 256 с.

Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992. 238 с.

Басангова Т. Г. Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 114–121.

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmucken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 135 с.

Голстунский К. Ф. Убаши хун-тайджийн тууджи, народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту кюриийн туули. СПб.: Литография Иконникова, 1864. 122 с.

Джимгиров М. Э. Сатира новеллистических и бытовых сказок // О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. С. 66–74.

Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt. 1 Teil. Helsingfors, 1909. 138 s.

Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt. 2 Teil. Helsinki, 1919. 237 s.

Лепехин И. И. Дневные записи путешествия И. Лепехина по разным провинциям Российского государства (в пер.). Ч. 1. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1795. 537 с.

Мучкинова Е. Д. Хальмг туульс (к вопросу о классификации). Филологические вести. Т. 2. Научные сообщения и доклады. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 108–114.

Надбитова И. С. Сюжетный состав калмыцких бытовых сказок // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 168–177.

- Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
- Пронн В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- Пронн В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
- Соболева Н. В., Каргаполов Н. А. Художественный мир русской народной новелистики // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1993. 304 с.
- Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1941. 559 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
- Цыбикова Б.-Х. Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика. Улан-Удэ, 1993. 114 с.
- Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / сост., науч. ред., прим., библиограф. указатель В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2006. 336 с. [электронный ресурс] // URL: www.twirpx.com (дата обращения 22.02.2017).

Sources

- Altın cheezhtä kelmırch Boktan Shanya. Khranitel' mudrosti narodnoy Shanya Boktaev* / sost., predisl., komment. i prilozh. B. B. Mandzhievoy [The holder of folk wisdom, Shanya Boktaev. Comp., foreword, comment. and suppl. by B. Mandzhieva]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2010, 172 p. (In Russ.).
- Ochirov N. O. *Möyñk deejı (Zhıvaya starına)* / sost., vstup. st., komment. B. A. Bicheeva [Living antiquity]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, 398 p. (In Russ.).
- Sbornik kalmytskikh skazok* / sost. N. Badmaev [Collection of Kalmyk fairy tales. Comp. by N. Badmaev]. Astrakhan, 1899, 110 p. (In Russ.).
- Khal'mg tuul's. Bart beldsn' Sayyjin B., Sayyan L. I bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1961, 220 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Manjin Sanjas bichji avsn Bembän Sh. II bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968, 264 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Näärülji kevleld beldji diglsl'n': N. N. Musova, B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. III bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 3]. Elista, Kalm. Book Publ., 1972, 250 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Bart beldsn' B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. IV bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 4]. Elista, Kalm. Book Publ., 1974, 272 p. (In Kalm.).
- References**
- Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka. Posobie dlya uchiteley* [The Russian folk tale. A guidebook for teachers]. Moscow, State Publ. House of the RSFSR Ministry of Education, 1959, 256 p. (In Russ.).
- Bardakhanova S. S. *Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora* [The genre system of Buryat folklore]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 238 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Syuzhet AA № 981 v kalmytskoy bytovoy skazke* [Plot AA No. 981 in the Kalmyk household fairy tale]. *Mongolovedenie: sb. nauch. trudov* (Mongol Studies: collected scholarly works), iss. 8, Elista, Kalm. Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 114–121 (In Russ.).
- Bergmann B. *Nomadische Streifereien unter Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II* [Nomadic journeys with the Kalmyks in 1802 and 1803. In 4 parts. Vol. 2]. Riga, 1805, pp. 247–351 (In Germ.).
- Vedernikova N. M. *Russkaya narodnaya skazka* [The Russian fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 135 p. (In Russ.).
- Golstunsky K. F. *Ubashi khun-taydzhiyn tuudzhi, narodnaya kalmytskaya poema «Dzhangar» i Sidditu kyuriyin tuuli* [The story of Ubashi Hong Tayiji, Kalmyk folk epic of Jangar and fairy tales of the 'magic corpse']. St. Petersburg, 1864 (In Russ.).
- Dzhimirov M. E. *Satira novellisticheskikh i bytovykh skazok* [Satire of novelistic and household fairy tales]. *O kalmytskikh narodnykh skazkakh* [About Kalmyk folk tales]. Elista, 1970, pp. 66–74 (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1919, pp. 155–237 p. (In Germ.).
- Lepekhin I. I. *Dnevnye zapisi puteshestviya I. Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva (v per.). Ch. I* [Daily records of I. Lepekhin's journey through the diverse provinces of Russia. Part 1]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1795, 537 p. (In Russ.).
- Muchkinova E. D. *Khal'mg tuul's (k voprosu o klassifikatsii)* [Kalmyk fairy tales (revisiting the existing classification)]. *Filologicheskie*

- vesti. T. 2. *Nauchnye soobshcheniya i doklady* [Philological Bulletin. Vol. 2. Scholarly reports]. Elista, Kalm. Book Publ., 1970, pp. 108–114 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Syuzhetnyy sostav kalmytskikh bytovykh skazok* [The scene composition of the Kalmyk social fairy tales]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Dagestan State Pedagogical University Journal), 2016, No. 4, pp. 168–177 (In Russ.).
- Pomerantseva E. V. *Sud'by russkoy skazki* [Destinies of the Russian fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 220 p. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of the comic and laughter]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 288 p. Available at: www.e-reading.by (accessed 22 February 2017) (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Russkaya skazka* [The Russian fairy tale]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1984, 336 p. (In Russ.).
- Soboleva N. V., Kargapolov N. A. *Khudozhestvennyy mir russkoy narodnoy novelistiki* [The artistic world of the Russian folk novelistic prose]. *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: legendarnye i bytovye* / sost. N. V. Soboleva pri uchastii N. A. Kargapolova [Russian fairy tales of Siberia and the Far East: legendary and household ones. Comp. by N. Soboleva et al.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 304 p. (In Russ.).
- Sokolov Yu. M. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow, State Publ. House for Teachers and Schoolchildren, 1941, 559 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. *Vostochno-slavyanskaya skazka* / sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov [Comparative directory of plots. The East Slavic fairy tale. Comp. by L. Barag et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 438 p. (In Russ.).
- Tsybikova B.-Kh. B. *Buryatskie bytovye skazki. Syuzhetnyy sostav. Poetika* [Buryat household fairy tales. Plot structure. Poetics]. Ulan-Ude, 1993, 114 p. (In Russ.).
- Yudin Yu. I. *Durak, shut, vor i chert (Istoricheskie korni bytovoy skazki)* / sost., nauch. red., prim., bibl. ukazatel' V. F. Shevchenko [The fool, joker, thief and devil (historical roots of household fairy tales). Comp., etc. by V. Shevchenko]. Moscow, Labirint Publ., 2006, 336 p. Available at: www.twirpx.com (accessed: 22 February 2017) (In Russ.).

УДК 39(398.21)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАЛМЫЦКИХ БЫТОВЫХ СКАЗОК

Ирина Сергеевна Надбитова¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: nad-irina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного мира калмыцких бытовых сказок. Его специфика, как правило, основана на алогизме и выражена определенными художественно-изобразительными средствами изображения комического, которые служат для раскрытия типического определения героев, идейного содержания сказок.

Дифференцирующими признаками рассматриваемого материала являются краткость повествования и ярко выраженная социальная направленность. Художественные приемы сатирического обличения в сказках разнообразны: ирония, контраст, преувеличение, антитеза. Особым средством выражения основной идеи является смех, с помощью которого передана специфика фантастики бытовых сказок, основанная порой на изображении необычайных ситуаций и явлений. В исследуемых сказках сосредоточены элементы волшебных сказок, анекдотов, преданий и легенд, а также художественно отражена история народа, в частности, этнолокальные особенности хозяйственных условий, образа жизни и быта людей.

Ключевые слова: калмыки, бытовые сказки, сюжет, сказочная традиция, смех, алогизм, композиция, художественный мир.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 75–83, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-75-83
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.221.18

Concepts of the Mental Sphere in K. L. Khetagurov's Works

Izeta V. Mamieva¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Folklore and Literature, Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (NOIHSS) — Affiliated Institution of Vladikavkaz Scientific Centre of the RAS (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Abstract

The article examines the cognitive opposition '*зонд / cleverness — æнæзонддзинад / stupidity*' represented by lexemes nominating human mental abilities in the poetry of K. Khetagurov, a classic of Ossetian literature. The research is based on the frequency scale of the vocabulary of *The Ossetian Lyre* (Osset. '*Iron Fandyr*') — a small collection of poems which programmed the poet's work as well as the history of the national literature in general. In the process of analytical investigation of the texts, the key words representing the mental sphere and composition of their semantic space have been identified. This space encompasses alongside with the 'encoding' lexeme — a basis word-form, all derivative words plus lexemes which have different system relations; to meet the requirements on the size of the article, predicates were reserved as a topic of special further research.

The paper aims to define content descriptions of the nominative field of the concepts '*зонд / cleverness — æнæзонддзинад / stupidity*'; to assess originality of the individual-authorial values they contain; and, finally, to give a systemic idea about properties and conformities to law of functioning of intellectual vocabulary in the author's poetic vocabulary.

In accordance with the defined goals, a comprehensive approach with the use of analytical methods of linguo-conceptual analysis coupled with methods of cognitive literary criticism have been applied.

Structuring components of the nominative field of the concept are implemented in the article according to the field principle: from a nuclear segment to periphery. But as distinguished from the classifiers accepted in linguistics and based on statistical methods, the hierarchy of inter-level interaction of conceptual units is ranked according to the degree of artistic meaningfulness and novelty of individual authorial representations of their basic descriptions. On the basis of multi-aspectual analysis of semantics of keywords and features of their functioning (etymologic characteristics, metaphorical and metonymic concept objectivization models, types of figurative and associative meanings, etc.) conclusions are drawn about the specificity of this fragment of K. Khetagurov's individual vision of the world, the sphere of human mental activities.

In particular, the cognitive parameters that form contents of the concept '*зонд / cleverness*' are as follows: motivation of ideological and spiritual leadership, creative potential of the mind, aspects of the age-related dynamics (uncontrollable reactions of youth consciousness, analytics, quickness of reaction in mature age, wisdom of old age), gender-marked characteristics, their social causality, etc. The concept '*æнæзонддзинад / stupidity*' in the poet's artistic vision of the world corresponds to as follows: good deeds should be accomplished with mind and reason; immobility of the mind is a factor of defeat; it is impossible to live only by mind and merits of ancestors; flight into 'reckless' fantasy is preferable to the

commonness of boring prudence. The constituents of classification signs are listed in the structure of both the concepts, as well as sphere and reasons of their display.

Complexity of texts with intentionally obscured message (*'That's it?'*, *'The Reckless Shepherd'*), where lexemes *'зонд'* and *'æppa'* representing human mental functions are not explicitly opposed, hinders direct or unambiguous interpretations. The interpretation undertaken in the article turns to the biographical basis for the representation of the world, the tradition of setting 'normality' against 'madness' in the world literature.

Keywords: Kosta Khetagurov, concept, mind, foolishness, insanity, semantics, metaphorical model, interpretation.

В гуманитарных науках последних десятилетий активизируется интерес к художественному концепту как ментальной единице индивидуальной картины мира автора, отражающей существенные элементы структуры его мировосприятия и мировоззрения [Дзюба 2001; Орлова 2002; Тарасова 2004; Маняхин 2005; Митрофанова 2006].

Будучи «квантом структурированного знания» (З. Д. Попова), художественный концепт напрямую связан с идейно-тематическим уровнем произведения или совокупности произведений. Его анализ — не самоцель, а действенный способ углубленной интерпретации текста, дающий также возможность раскрытия внутреннего мира писателя, постижения того, как своеобразно аккумулируются в нем константы этнокультурной идентичности и универсальные ценности, в синтезе формирующие самобытные черты творческой личности.

Объектом исследования настоящей статьи являются концепты интеллектуальной сферы *зонд* ('ум') и *æнæзонддзинад* ('глупость') в лексико-фразеологической системе поэзии К. Л. Хетагурова на родном языке.

Предмет изучения — языковые и образно-метафорические средства и механизмы репрезентации указанных концептов.

Исследование осуществляется с опорой на шкалу частотности [Мамиева 2013: 491–510] лексики «Осетинской лиры» («Ирон фæндыр») — сборника стихотворений, имеющего программное значение в творчестве автора и в истории национальной литературы в целом.

Зонд и *æнæзонддзинад*, создавая в осетинской языковой картине мира, как, впрочем, и в любой другой, когнитивную оппозицию, определяют интеллектуальный потенциал человека: «Ум как способность понимать, познавать действительность, адекватно воспринимать окружающее и глупость как несоответствие обозначенной

норме издавна сопровождали человеческую коммуникацию» [Кириллова 2012: 4].

Надо сказать, что термину *зонд*, в категориях которого описывается ментальная деятельность осетина, в русском языке соответствует целый синонимический ряд: *ум, разум, сознание, рассудок, благоразумие, интеллект*. Возможно, столь очевидное различие в показателях лексической реализации концепта объясняется развитой в русской культуре традицией теоретического осмысления, в рамках которой «возникли многие устойчивые структуры представлений, научных знаний о внутреннем мире человека» [Корнилов 2003: 13].

Тем интересней исследовать «образ ума», воспроизводимый К. Л. Хетагуровым, внутреннюю, номинативно не выраженную, дифференциацию его смыслов, специфику образных интерпретаций.

Концепт *æнæзонддзинад* в речевой практике носителей языка, по сравнению с положительно маркированной частью бинарной оппозиции, вербализован предельно развернуто (*æрра, æдылы, зондиух, цыбырзонд, æнæсæр, сæрхъæн, сæлхæр, сонтхæла, гуымыдза, хуырым, гъæла* и пр.). При этом его содержание — 'отсутствие или недостаток ума' — наиболее часто определяется через такие когнитивные признаки структуры, как качество, свойство или характеристика лица. В прямом номинативном же значении, включающем абстрактные представления о безумии, сумасшествии, глупости и других явлениях ряда, концепт объективирован лексикой, входящей в неактивный класс имен. Это производные слова, созданные на базе языковых средств концепта *зонд* либо посредством прибавления отрицательно-префикса *-æнæ* и/или суффикса *-дзинад* с отвлеченным значением, который, заметим, не всегда органичен в структуре живого осетинского языка: [*æнæ*]/*зонд*[*дзинад*], *æдылы*[*дзинад*], *æрра*[*дзинад*]. Примеча-

тельно и то, что из имеющегося множества имен концепта К. Хетагуровым использовано лишь несколько: наиболее интенсивно — *æppa* (8) ‘безумец’, ‘сумасшедший’; реже — *сонт* (4) ‘неразумный’, ‘взбалмошный’, ‘не достигший зрелого ума’, ‘сумасброд’; разово — *разг. сæлхæр* (1) ‘глуповатый’, ‘полоумный’, ‘дурень’, ‘шалый’.

Изучение концептов интеллектуальной сферы в творчестве поэта приобретает особую значимость в свете проблемы интеллигенции и народа, напряженно осмысливаемой общественно-философской и художественно-публицистической мыслью 80–90-х гг. XIX в., времени выхода в свет сборника «Ирон фандыр». Анализ стихотворений «Завет», «Раздумье», «Надежда», «Если бы!» позволил прийти к выводу об отражении в них различных состояний «критической мысли», обрисованных в народнической теории П. Л. Лаврова [Мамиева 2016а].

Онтология *ума* отображается автором в различных плоскостях:

- *физические параметры ума*. Процесс «отдачи долга» народу мыслится К. Л. Хетагуровым как творческий труд, направленный на пробуждение и развитие национального самосознания, отстаивание принципа социальной справедливости. В стихах острого социального звучания воспроизводятся картины нищеты и жестокой эксплуатации народных масс. Не удивительно, что референция концепта *зонд* в них отлична от конвенциональных аналогов. В народной фразеологии приняты количественные (больше / меньше) и «силовые» параметры ума (*Иуы зондаей дыууаейы зонд фылдæр у* ‘Два ума лучше, чем один’; *Зонд къæдзæхтæ фæлдахы* ‘Ум горы сворачивает’, *Зонд тыхы ахаста* ‘Ум силу снес’ и пр.); у поэта же — показатели линейного пространства ума, которое профилируется сочетанием субстантива *зонд* и прилагательного *цыбыр*: *Цыбыр — нæ зонд, мæгуыр — нæ зердæ* ‘Наш ум короток, бедно — наше сердце’ («Привет»). Прониминатив *нæ* ‘наш’ означает здесь коллективное «я» — очередной акцент автора на единстве с народом, от имени которого он обращается с приветственным словом к Пушкину как «высшему авторитету в искусстве слова» [Джусойты 1980: 245];

- *ум — поверхность*. Характеристика субъекта высказывания осуществляется через опредмечивание абстрактного понятия

зонд («Раздумье») путем уподобления его разума (мысли) поверхности, на которую можно встать (*Мæ зонд, мæ фæндыл нæ лæууы кæстæр* ‘Младший не следует моему уму’ [букв. не стоит на нем]). Предметная модель «разум → поверхность», скрытно апеллируя к ненадежности опоры под ногами, несет в себе информацию о необоснованности претензий героя на лидерство среди молодежи [Мамиева 2016а];

- *метафоризация творческого разума*. В художественной картине мира К. Хетагурова интеллектуальное творчество атрибутировано через детали труда пахаря («Надежда»). Идея подвижнической деятельности во благо народа объективируется автором корреляцией метафорических образов плуга и быков, «поэтических ассоциатов умственной деятельности», и песенно-сказительских слов-семян, бросаемых в сердца и умы соотечественников [Мамиева 2014а: 130]. Подобное понимание цели творчества формирует в «Ирон фандыре» мировоззренческую модель пространства-времени, в котором мыслящий субъект оценивает свои намерения и действия с позиций духовно-личностных обязательств перед современниками, но также — перед предками и потомками («Желание»).

Итак, разнообразные способы манипулирования физическим объектом, с которым ассоциируется концепт *зонд*, репрезентируют в поэзии автора культурно обусловленные идеи просветительства об огромной важности разума, о предпочтении материальным ценностям духовно-интеллектуальных накоплений. Наряду с этим в ней органичное отражение нашли элементы традиционной культуры осетин. Изучение концептосферы «Ирон фандыра» содержит хорошую возможность для воспроизведения ментальной картины мира хетагуровской эпохи: свода знаний и представлений о нормах поведения, ценностных предпочтениях, этнических стереотипах [Мамиева 2014б: 113].

- *гендерный аспект ума*. Как известно, у многих народов мира, у осетин в том числе, мужской ум, в противовес женскому, считался более развитым, расчетливым, здравым. Стереотипное мнение о низких интеллектуальных способностях женщины замечательно обыграно в плаче-укоризне вдовы из «Матери сирот». Концепт *зонд* профилируется здесь признаком ‘состязательность’, оттеняющим трагизм судьбы

участников лирического события: «Видно, муж мой милый, / Ты жены умней [букв. одолел умом], – / Что бежал в могилу / От семьи своей!..» (пер. Б. Иринина). Гендерные отличия, приписываемые уму, отразились и в обрисовке безответственных поступков мачехи, пустившей пасынка по миру («Кто ты?»). Абсурдности женской логики в поэме — «указ» даже детский ум: «Жена погрузила / И вскоре потом / Продать поспешила / И землю и дом. / Проела и — крышка. / Ведь взрослым видней! / Как мог я, мальчишка, / Указывать ей!» [букв. учить уму] (пер. Л. Озерова);

- *возрастной аспект ума*. Оригинальная авторская интерпретация концептосферы *возраст* — одной из базовых универсалий любой культуры мира; ядерные понятия ее — молодость, зрелость и старость — в поэтическом дискурсе «Ирон фандыра» различно коннотированы. В стихотворной сказке «В пастухах» концепт *зонд* социально окрашен. Быстроту реакций демонстрирует батрак, одержавший в словесной дуэли из загадок-разгадок блестящую победу над хозяином-циклопом. При этом параметры концепта *зонд* ('живость ума', 'находчивость', 'смекалка', 'образное мышление') расширяются за счет показателя «сила и магия слова»: в финале завуалированным проклятием батрак обращает великана в каменную глыбу. Понятия *юность* и *старость* репрезентированы на контрастной основе. Сумасбродное поведение, непродуманность поступков в безумном возрасте маркированы лексемой *сонт* («Взгляни!..», «Без пастуха», «Кто ты?», «Кому что...»). Нестабильность сознания юноши в состоянии влюбленности концептуализируется через артефактную модель *карусель* → *сар* (голова), объективируемую признаком 'кружение'. В поэме «Хетаг» голова как вместилище ума, наоборот, имеет позитивную коннотацию; представлению о старости как источнике мудрости способствует удивительная находка автора, это — искрящее экспрессией народное речение (*Йа мад амела, уастаен, заронд саран!* 'Ай да лишиться ей, старой голове, матери!'), формирующее антропоморфную модель *человек* → *сар*;

- *ум — вещество*. В высказываниях осетин об уме чаще всего активизируется такое его свойство, как способность заполнять пространство, быть содержимым некоторого физического объекта: *Йа сары зонд най [фацыды]* 'В его голове ума нет

[ушел]'; ...*йа кяхы алгы [йа заветы]* *цы зонд ис, уыйбарт [иннаей]* *сары най* 'в его голове нет столько ума, сколько [у другого] на кончике пальца ноги [в пятке]' и пр. Образ достойного восхищения ума в поэме «Хетаг» обрисован через посредство артефактной метафоры *расплавленная сталь* (*Ахем бахъуыды ран зонд кам ахсиды!..* 'Вовремя ж разум в ней [в голове] закипает!..'). Позитивная оценка возможностей ума заложена уже в самом контексте, отсылающем нас к мотиву эпической закалки. Компонент огонь, поддерживающий метафору 'особой термической обработки металла', содействует «укрупнению» такого важного качества интеллекта, как «кипучее» генерирование идей по разрешению сложных ситуаций. Температурные характеристики присутствуют и в упомянутой выше сказке, но они, напротив, апеллируют к признаку 'невоздержание к спиртному' (*Артау сыгъд йа сар* 'Голова пылала, как в огне'), сводя мыслительные усилия великана, глупого по определению, практически к нулю. Когнитивная модель *ум — вещество* представлена здесь натуроморфной метафорой *скала* → *зонд*, иронический подтекст которой («умом — скала») актуализацией значений 'твердокаменность', 'неподвижность' профилирует умственную неповоротливость циклопа.

Концепт *аензонддзинад* активно разрабатывается автором в произведениях мифолого-сказочного и басенно-притчевого плана. Особенность его объективации — в использовании приема имплицитной переадресации признака 'отсутствие здравого смысла'. В одном случае это проецирование понятий *арра*, *сархар* на других участников сюжетного события с целью создания комического эффекта («Постник», «Гуси», «Всати»). В другом — всего лишь «санкционированное» этикетом ироничное обращение старшего к младшему («Мужчина или женщина?»). В основе ряда сюжетов лежит мотив состязания умов. Это — сюжеты стихотворения-сказки «В пастухах», а также басни «Редька и мед», «Ворона и лисица», «Волк и журавль», «Гуси», «Олень и еж», «Лиса и барсук», в последних оппозиция «ум — глупость» не вербализуется эксплицитно [Мамиева 2016б]. Идея антинормы заложена также в фактурной истории о клептомане, в ком болезненная страсть приняла абсурдную форму обкрадывания самого себя («Привычка»).

Отдельного внимания к себе требует поэтический контекст, в котором лексемы *зонд* и *аэра* как репрезентанты умственных функций человека не всегда четко противопоставлены друг другу, а само содержание произведения не располагает к прямолинейной либо однозначной трактовке. В этом ряду — стихотворение «Безумный пастух», рассмотренное нами в аспекте темы «высокого безумия» [Мамиева 2016б]. Выбранный интерпретационный ракурс позволяет провести парадоксальные на первый взгляд параллели между пастухом-мечтателем с его нерассуждающим порывом (прыжок в бездну) и лирическим героем четверостишия «Что это?», *alter ego* самого автора. «Счастье... О чем я, безумец, мечтаю?... / Где в наше время счастливец найдем? / Нет, не о счастье я к Богу взываю... / Друг мой, о чем?» (пер. С. Олендера) — сложность прочтения текста, созданного в жанре стихотворения-вопроса, усугубляется тем, что его намеренно затемненный смысл еще ни разу не подвергался истолкованию. Памятуя о фольклорной оппозиции *счастье* — *ум* в осетинской сказочной традиции и в паремнологической системе («Ума носитель — счастья даритель», «Ум мир взял в полон» и пр.), можно было бы в качестве отгадки остановиться на категории *разума* как просветительской альтернативы современным автору принципам жизнеустройства. Но внутренняя экспрессия, сокрытая за констатацией вынужденного смирения, да и история самого стихотворения (автограф содержится в письме поэта к А. Цаликовой [Хетагуров, 3 1974: 329]) и его датировка (отослано накануне освобождения К. Хетагурова из херсонской ссылки) придают мысли иное направление. Очевидно, самоименование *аэра дæн* является реакцией на наступившее в 90-е гг. XIX в. разочарование в просветительских упованиях на торжество Разума. Внимание северокавказских деятелей в этот период, как мы знаем, переориентировано на поиск новых «проекций будущего» для горного края. Так не есть ли осознание героем К. Л. Хетагурова невозможности достичь счастья в «нынешней» реальности прямая отсылка к указанным процессам? В сложившейся ситуации у Бога выпрашивается «нечто другое». Речь идет, как мы полагаем, о несбыточной «синтетической» мечте поэта — идеальном пределе концепта *свобода*, атрибутируемого двумя, корреляционно зависимыми, признаками:

‘получение личной свободы’ (отмена ссылки и встреча с возлюбленной) и ‘обретение народом единства и свободы воли’ как залог его успешного будущего. Первый когнитивный признак находит подтверждение в посланных А. Цаликовой в том же письме стихах («В новогоднюю ночь»), интонационная доминанта которых — тоска по дорожному сердцу человеку. Понятийная сущность второго определяется содержанием и строем произведений «Ирон фандыра» в целом.

Таким образом, *ядерный слой* номинативного поля изучаемых концептов составили ключевые слова *зонд*, *аэра* и их синонимы, в том числе контекстуальные (*сар*, *сонт*, *салхæр*). В *приядерную зону* отнесены нами лексема с корневой морфемой ключевого слова *зондамонæг* (1) ‘наставляющий на ум’ («Будь мужчиной») и его метафорические синонимы *цырагъдар* (1) ‘державший свечу’ — *перен.* ‘источник света, просвещения’ («У гроба»), *динамонæг* (1) ‘проповедник’ («Хетаг»), реализующие семантику ‘интеллектуальное духовное наставничество’. *Ближняя периферия* представлена дополнительными признаками, формируемыми метонимическим сдвигом, в результате которого на первый план выдвигаются не сами умственные способности, а ментальный продукт, полученный в процессе их активизации:

- лексика со значением мыслительного процесса: *сагъæс*, *сагъæссаг* (7) ‘горькая дума’. Особую роль этого понятия в концептосфере автора подчеркивает прием позиционной акцентуации: использование в подзаголовке книги («Думы сердца...»), в названии стихотворения, в составе концептуальной метафоры «думы отчизны — собранный по осени урожай». Содержание образа-концепта *сагъæс* включает также тоску одиночества и робких неосуществимых желаний («Прощай!...»), обеспокоенность препятствиями на пути к личному счастью («Кто ты?»); создает своеобразную шкалу эмоций: скорбь солдатской матери по сыну («Солдат»), жителей аула — по безвременно ушедшему из жизни всеобщему любимцу («На кладбище»), народа — по невозполнимой утрате «светоча его жизни» («У гроба»); функционально значимы также лексемы *хъуыдыйаг* (1) ‘что-л., требующее осмысления’ («Пойманная птичка»); *æмбаргæ* (1) ‘разумный’, ‘понятливый’, ‘толковый’ («Кубады»); семантика оценоч-

ного атрибутива в последнем примере призвана оттенить антагонизм творческого и рационального начал в характере героя как следствие оппозиции «природное — социальное»;

- лексика со значением результатов мыслительной деятельности, отражающих степень адекватности знания реальному положению вещей. Данный вид знания, профилируя признак ‘уверенность (либо отсутствие твердой веры) в ком-л. или в чем-л.’, вербализуется словоформами *æууæнк* (1) ‘доверие’ («Хетаг»); *зæрдæууæнк* (1) ‘сердечное доверие’ («В новогоднюю ночь»); *æууæнкагæй* (1) ‘в знак доверия’ («Тревога»).

Учитывая интегративную сущность ментальной деятельности человека, включим в состав номинативного поля *зонд* и лексику *дальней периферии*, представленную следующими признаками:

- воображение: *сæнттæ* (2) ‘мечты’, ‘грезы’, *бæллын* (2) ‘мечтание’, ‘стремление’. На шкале жизненных ценностей автора этому показателю отведено принципиально важное место; он реализуется, в частности, в значениях ‘полет фантазии’, ‘безудержное стремление к свободе’ («Кубады»), ‘мечта влюбленного’ («Прощай!...», «Кто ты?»);

- воля, намерения, желания. Данные понятия, сопряженные со способностью принимать решения на основе мыслительного процесса, трактуются в аспекте свободы осознанного выбора. Концептуальные характеристики объективируются антонимическими парами: *барæй* (3) ‘по своей воле’, ‘намеренно’, ‘умышленно’ («Тревога», «Мужчина или женщина?»), «В пастухах» — *æнæбары* (1) ‘невольно’ («Хетаг»); *фæнд* (3) ‘замысел’, ‘намерение’, ‘желание’ — *барынвæнд* (1) [*бар+æмвæнд*]: первая из этих лексем реализует идею единомыслия в ситуациях различного уровня значимости: субъективно-личных («Хетаг»), семейных («Кто ты?»), общественных («Дума»); вторая семантизирует преступный сговор властей против народа («Солдат»). Осознанное проявление тех или иных желаний и их оценку содержат также дериваты слова: *фæндиаг* (3), *фæндон* (1) ‘желанный’, ‘соответствующий желанию’ («Завет», «Надежда»), *фæндонæй* (1) ‘добровольно’ («Тревога»);

- вера, уверенность, надежда. Концептуальные признаки данных понятий детализируются лексемой *ныфс* с большим диапазоном значений: ‘твердость духа’,

‘отвага’, ‘решимость’, ‘уверенность’, ‘надежда’ [Абаев, 2 1973: 195]. В осетинской паремиологии *ныфс* предстает как очень важное качество человека, взаимодействующее с его разумом на паритетных началах и даже генерирующее его интеллектуальные способности («Без твердости духа / надежды ум — в спячке», «Отвага / надежда и ум союзники», «Где ум впереди идет, где — надежда»). У К. Л. Хетагурова понятийный смысл слова *ныфс* (2) более приближен к значениям ‘упование’, ‘уверенность’ («Тревога», «Надежда» и пр.). Рамочная композиция стихотворения, где лексема *ныфс* выступает в сильной позиции — в заглавии, основана на повторении учтивой просьбы не принимать близко к сердцу сыновний нрав. Заметим, что понятие *зæрдæйы конд* ‘нрав сердца’ в составе этой индивидуально-авторской фразеологии предпочтительней переводить как ‘склад ума’, поскольку аргументация говорящего апеллирует, прежде всего к разуму, а не к чувству. Идея торжества интеллекта скрытно заложена уже в самой организации гипотетической полемики отца и сына, носителей разных мировоззренческих установок. Синонимический ряд с *ныфс* создает также отглагольное гнездо лексем: *æнхъæлæджы* (1), *рæстæнхъæл* (1), *æнхъæлдзау* (1) — со значениями ‘без надежды на что-л.’ («Лиса и барсук»), ‘в надежде’ — на счастье в жизни («Пропади!...»), на справедливые формы государственного правления («Тревога»).

Итак, в процессе изучения текстов «Осетинской лиры» нами было очерчено номинативное пространство концептов умственной сферы в осетинской поэзии К. Л. Хетагурова. Проведен разноаспектный анализ семантики ключевых слов и их смысловых эквивалентов на уровне этимологической составляющей, образно-ассоциативных, аллегорико-мифологических значений, метафорических и метонимических моделей репрезентации концепта. Периферийные звенья номинативной структуры, образуемые на стыке познавательных функций психики человека и функций оперирования мыслью, добавили в воспроизводимые нами фрагменты авторской картины мира дополнительные характеристики, элементами которой предстали такие существенные признаки, сопутствующие уму, как воображение, воля, вера, уверенность, интуиция и пр. Выделены следующие когнитивные параметры, формирующие содержание концепта *зонд*:

- просветительская мотивация идейно-духовного лидерства («Дума», «Если бы!..», «Желание», «У гроба»); творческий потенциал ума («Надежда»); наставительные функции («Будь мужчиной»);
- блеск и динамизм разума-триумфатора: социальный аспект («В пастухах»); находчивость и острота реакций в быту («Лиса и барсук», «Олень и еж»); ум на службе корыстной хитрости («Ворона и лисица»);
- возрастные характеристики: неконтролируемость действий юношеским сознанием («Кто ты?»); аналитизм зрелого ума («Хетаг»); старость как источник мудрости («Мужчина или женщина?»);
- гендерно-маркированные референции («Кто ты?», «Мать сирот»);
- социальные ограничители («У гроба»).

Данные когнитивные признаки классифицируются в структуре художественного концепта *ум* по следующим направлениям:

- *составляющие* (харизматичность, востребованность, благородство, сила и острота ума);
- *сфера проявления* (перед народом, последователями, в полемике с противником);
- *причина проявления* (идея «оплаты долга» народу, для выхода из сложной ситуации, для достижения корыстных целей, остроумное парирование нелепых утверждений).

Концепту *аеназонддзинад* в художественной картине мира поэта соответствуют следующие представления:

- абсурдность действий («Привычка»);
- неумение увязывать желания с возможностями («Мышь и заяц»);
- творить добро нужно с умом («Волк и журавль»);
- нельзя жить чужим умом и заслугами («Гуси»);
- неподвижность ума — фактор поражения («В пастухах»).

Классификационные признаки детализируются в направлениях:

- *составляющие* (отклонение от норм поведения, простодушие, тупое самодовольство, необоснованные претензии);
- *сфера проявления* (природа, вымышленный «притчевый» мир зверей и птиц; проекция сказочно-мифологической ситуации на реальные социальные отношения, внутренняя рефлексия);

- *причина проявления* (желание помочь либо навредить, пагубная привычка, непродуманность действий, изживенчество).

Особо значим в объективации концепта прием несостоятельности именовании. Употреблением характеристики *аерра* «не по назначению» высмеиваются, например, притязания осетинских *алдаров* на дворянское звание («Гуси»), изъязыны характера («Постник»), проводится социально ориентированная идея одаривания человека сообразно его достоинствам («Всати»), реализуется семантика необходимого снисхождения старшего к младшим по возрасту («Мужчина или женщина?»). Важный нюанс связан с интерпретацией *аерра* в поэтико-философском ключе: «безумие» как высокое состояние духа, как протест против времени и среды («Что это?»), против обыденности скучного здравомыслия («Безумный пастух»).

Итак, сфера мыслительной деятельности в художественной картине мира К. Хетагурова отражена разносторонне и ярко. Структура оппозиции *зонд* — *аеназонддзинад* предстает как многоуровневый конструкт, в котором в гармоничном единстве представлены: 1) культ разума в просветительно-народнических представлениях; 2) ментальные нормы и стереотипы традиционного сознания осетин; 3) индивидуально-авторские значения, реализованные в окказиональной метафорике, через трактовку понятий «нормальности» и «безумия» в русле традиции мировой литературы, актуализированной в творчестве поэта под воздействием новой парадигмы просветительской мысли 80–90-х гг. XIX в. на Северном Кавказе.

Литература

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука: Ленингр. отд-е, 1973. 448 с.
- Дзюба Е. В. Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 175–187.
- Джусойты Н. Г. История осетинской литературы: Дооктябрьский период. Кн. I (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.
- Кириллова И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции УМ-ГЛУПОСТЬ в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 22 с.

- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Мамиева И. В. Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. 510 с.
- Мамиева И. В. Художественный концепт *zærdæ/serdce* и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сб. мат-лов Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2014а. С. 127–145.
- Мамиева И. В. «Осетинская лира» К. Л. Хетагурова как отражение национального образа мира // Перспективы и особенности интеграционных процессов Северной и Южной Осетии: Мат-лы Межд. конф. Владикавказ: ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014б. С. 109–116.
- Мамиева И. В. Лавровский «след» в осмыслении К. Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016а. № 3. С. 209–217.
- Мамиева И. В. Номинативно-метафорическое поле концептов *ум* и *безумие* в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // Миллеровские чтения: «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». 2016б. № 5. С. 429–438.
- Маняхин А. В. Концепты «дух», «душа», «сердце» в лирике Е. Боратынского: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 187 с.
- Митрофанова О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
- Орлова О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.
- Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 484 с.
- Хетагуров К. Л. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. Статьи. Письма. М.: Худож. лит-ра, 1974. 400 с.
- Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki (Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts), 2010, No. 3 (79), pp. 175–187 (In Russ.).
- Dzhusoyty N. G. *Istoriya osetinskoy literatury: Dooktyabr'skiy period. Kn. I (XIX vek)* [History of Ossetian literature: the pre-October period. Book 1 (19th c.)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1980, 332 p. (In Russ.).
- Kirillova I. V. *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika kognitivnoy oppozitsii UM-GLUPOST' v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Linguo-culturological specificity of the cognitive opposition 'WIT — STUPIDITY' in the Russian linguistic world-image: a Ph. D. thesis abstract], Nizhny Novgorod, 2012, 22 p. (In Russ.).
- Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic world-images as derivatives of national mindsets]. Moscow, CheRo Publ., 2003, 349 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Poeticheskaya vseennaya K. L. Khetagurova v slovarnom izmerenii («Osetinskaya lira»)* [The vocabulary dimension of K. Khetagurov's poetic universe ('The Ossetian Lyre')]. Vladikavkaz, Publ. Center of North-Ossetian Inst. for Humanit. and Social Studies (Vladik. Sc. Center of the RAS and North Ossetia-Alania), 2013, 510 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Khudozhestvennyy kontsept zærdæ/serdise i ego leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya v poezii K. L. Khetagurova* [The artistic concept 'zærdæ/heart' and its lexical-semantic representation in K. Khetagurov's poetry]. *Kosta i mirovoy istoriko-kul'turnyy protsess. Sb. mat-lov Mezhdunar. konf., posvyashch. 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. L. Khetagurova* [Kosta and the world historical and cultural process. Proc. of the Internat. conf. celebrating K. Khetagurov's 155th anniversary]. Vladikavkaz, Publ. Center of NOIHSS (VSC of the RAS and NOA), 2014а, pp. 127–145 (In Russ.).
- Mamieva I. V. «Osetinskaya lira» K. L. Khetagurova kak otrazhenie natsional'nogo obraza mira ['The Ossetian Lyre' by K. Khetagurov as a reflection of the ethnic view of the world]. *Perspektivy i osobennosti integratsionnykh protsessov Severnoy i Yuzhnoy Osetii: Matly Mezhd. konf.* [Prospects and Peculiarities of Integration Processes between North and South Ossetia: proc. of the internat. conf.]. Vladikavkaz, VSC of the RAS and NOA Press, 2014b, pp. 109–116 (In Russ.).

References

- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. II* [A historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p. (In Russ.).
- Dzyuba E. V. *Osobennosti sodержaniya kontsepta «um» v yazyke Drevney Rusi* ['Mind' concept peculiarities in the language of Old Rus].

- Mamieva I. V. *Lavrovskiy «sled» v osmyslenii K. L. Khetagurovym problemy intelligentsii i naroda* [P. L. Lavrov's Trace in K. L. Khetagurov's Understanding of the Intelligentsia and People's Problems]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016a, No. 3, pp. 209–217 (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Nominativno-metaforicheskoe pole kontseptov um i bezumie v fol'klornykh syuzhetakh «Osetinskoy liry» Kosta Khetagurova* [The nominative and metaphorical field of the concepts 'mind' and 'insanity' in folklore plots of 'The Ossetian Lyre' by Kosta Khetagurov]. *Millerovskie chteniya: «Vs. F. Miller i aktual'nye problemy kavkazovedeniya»* [Miller Readings: V. Miller and the actual problems of Caucasus Studies], 2016b, No. 5, pp. 429–438 (In Russ.).
- Manyakhin A. B. *Kontsepty «dukh», «dusha», «serdtse» v lirike E. Boratynskogo: diss. ... kand. filol. nauk* [The concepts 'spirit', 'soul', 'heart' in Ye. Baratynsky's lyrics. A Ph. D. thesis]. Tambov, 2005, 187 p. (In Russ.).
- Mitrofanova O. I. *Bazovye kontsepty russkoy mental'nosti v poeticheskom yazyke P. A. Vyazemskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The basic concepts of Russian mentality in P. Vyazemsky's poetic language: a Ph. D. thesis abstract]. Kazan, 2006, 22 p. (In Russ.).
- Orlova O. V. *Kommunikativnye aspekty leksicheskoy reprezentatsii kontsepta yazyk v lirike I. Brodskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Communicative aspects of lexical representation of the concept 'language' in J. Brodsky's lyrics]. Tomsk, 2002, 22 p. (In Russ.).
- Tarasova I. A. *Poeticheskii idiosstil' v kognitivnom aspekte: diss. ... d-ra filol. nauk* [A cognitive aspect of individual poetic styles. A Ph. D. thesis]. Saratov, 2004, 484 p. (In Russ.).
- Khetagurov K. L. *Sobr. soch.: V 3-kh t. T. 3. Stat'i. Pis'ma* [Collected works: in 3 vol. Vol. 3. Articles. Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1974, 400 p. (In Russ.).

УДК 821.221.18

КОНЦЕПТЫ УМСТВЕННОЙ СФЕРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Л. ХЕТАГУРОВА

Изета Владимировна Мамиева¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Владикавказского научного центра РАН (СОИГСИ ВНИЦ РАН) (Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Аннотация. В статье под углом зрения когнитивной оппозиции *зонд* — *аеназонддзинад* рассматриваются лексемы, номинирующие умственные способности человека в поэзии К. Л. Хетагурова. С опорой на шкалу частотности сборника «Осетинская лира» выделены ключевые словаре-репрезентанты ментальной сферы, состав их семантического пространства, в которое, помимо базовых словоформ, включены в деривационный ряд слова, а также лексемы, состоящие с ними в разного рода системных отношениях; исключение составили предикаты, ввиду ограниченности объема статьи отсеченные нами в самостоятельную тему для исследования.

Цель работы — определить содержательные характеристики номинативного поля указанных концептов; выявить самобытность вкладываемых в них индивидуально-авторских значений; в конечном итоге, дать системное представление о свойствах и закономерностях функционирования интеллектуальной лексики в поэтическом вокабулярии автора.

Использован комплексный подход к объекту изучения с применением аналитического аппарата лингвоконцептологии и методов когнитивного литературоведения в ракурсе идейно-философских аспектов интерпретации концептов *зонд* — *аеназонддзинад*.

На основе разноаспектного анализа семантики ключевых слов и особенностей их функционирования (этимологические характеристики, метафорические и метонимические модели объективизации концептов, типы образно-ассоциативных значений) делается вывод об особенностях фрагментов индивидуальной картины мира Коста Хетагурова, касающихся сферы умственной деятельности человека.

Ключевые слова: Коста Хетагуров, концепт, ум, глупость, безумие, семантика, метафорическая модель, интерпретация.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 84–94, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-84-94
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.3

An Insight into Regional Identity: Sociological Research Program Revisited

Guzel I. Makarova ¹

¹ Ph. D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Department of Ethnological Studies, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation) E-mail: makarova_guzel@mail.ru.

Abstract

The article summarizes theoretical materials accumulated by researchers and clarifies the author's interpretation of the term 'regional identity' which is necessary for the development of programs and technologies of mass survey of Tatarstan's population. The paper analyzes the components of regional identity, factors and methods of formation as well as relations with other identities.

There are several approaches to understanding a region: 1) a geographical one, i.e. a region is considered as part of the Earth's surface with definite physical and geographical boundaries. Some authors point out the importance of unity in these terms; 2) an ethnographic one, i. e. regional division is connected with the specificity of economic and cultural landscape, language and ethnic structure of the population caused by certain geographical peculiarities; 3) a political one, i.e. the concept of 'region' is used to denote a unit of administrative-territorial structure of the state; 4) a sociological one, i.e. a region is equal to the society established within the area.

There are two basic approaches to the 'nature' of regional identity: the first one is objectivistic, i. e. identity is understood as a reflection of the objectively existing socio-territorial structures and social community. The second one is subjectivistic, i. e. identity is treated as a unity constructed during social interactions with the special role of elites. It is Berger and Luckmann's 'moderate' constructivism coupled with Bourdieu's integrative theory that most suitably corresponds to studies of the republic and identicalness of the population with it in the context of ethnocultural branding of the territory. Some provisions developed in the sociology of space by Simmel — since the specificity of the studied identity is associated with a particular area — are as important.

The analysis of the works showed that those are territorial unity, definite boundaries (in particular, the political-administrative ones), community of economic interests and historical past that serve as the main prerequisites for the formation of regional identity. Ethnic specificity of the region, level of social and economic development, a particular geographical location, stability of administrative boundaries and existence of a 'central' city are factors that enhance the significance of feelings and awareness of socially-territorial community of people. Constructivists emphasize the importance of activities and consolidation of the elites and their abilities to express the moods of the masses, favorably represent the territory outside and be aware of their consolidation role. Researchers have identified some constructing

techniques: development and consolidation of symbols of a territory, representation of its ethno-cultural images and history, their consolidation through regional branding activities and implementation of mega-projects. At the same time, despite the fact that there are a number of scientific works about regional branding and regional identity, the question of relationships and the simultaneous development of this phenomenon especially on the empirical sociological material still remains understudied.

Regional identity is constructed in interaction with state-civil, ethnic, global and local identities and is largely determined by relationships of the region with central authorities, other regions and most significant international socio-political subjects.

Keywords: regional identity, region, ethno-cultural image, territory branding, power and symbolic elites, ethnic identity, state-civil identity, Tatarstan.

Введение

Уже более двадцати лет проблема региональной идентичности привлекает внимание российских исследователей. Она приобрела актуальность в постсоветский период, когда субъекты РФ начали заявлять о своей относительной самостоятельности от центра и конструировать новые солидарности. Иные ракурсы открылись в последние годы в связи с ростом взаимной конкуренции регионов страны. Цель статьи — обобщить теоретический материал, наработанный учеными по данной теме, и уточнить собственную трактовку региональной идентичности, выяснить ее составляющие и факторы формирования, соотношение с государственно-гражданской, локальной и этнической идентичностями. Она стала результатом работы по программе социологического исследования, направленного на изучение складывающегося у населения Татарстана образа региона, чувства и осознания тождественности с ним в контексте деятельности элит по его этнокультурному брендингованию.

Регион как объект научного исследования

Регион является объектом изучения ряда наук. Первыми к нему обратились географы, понимающие его как часть земной поверхности, определенную физико-географическими рубежами. Экономгеографы (Э. Б. Алаев, А. А. Долинини др.) трактуют регион как территорию с заданным географическим положением и природно-ресурсным потенциалом. В то же время отдельные представители названных наук (Д. Харви и Э. Соджи, Л. В. Смирнягин, Д. Н. Замятин и др.) подчеркивают важность рассмотрения складывающейся на ней общности. Экономисты, определяя ре-

гион как часть земельного пространства со свойствами ему особенностями развития производительных сил, тоже обращают внимание на формирующуюся здесь систему социально-экономических отношений (Н. В. Зубаревич и др.).

В политических науках понятие «регион» обычно употребляется в значении «одной из единиц территориальной структуры национального государства» [Бусыгина 2006: 9]. Для этнологов региональное деление связано с «ареалом расселения этнических общностей» [Тишков 2012: 7–8], обладающих отличительной культурой. Особенность же социологического подхода в том, что здесь регион чаще отождествляется со сложившимся на территории социумом (Н. А. Аитов, В. И. Сигов, Б. С. Хорев и др.).

Региональная идентичность в социологической традиции

Уже само понимание региона как социально-территориальной общности предполагает «рефлексию территории и ее свойств» [Лысенко 2006] и осознание ее членами своей принадлежности к сложившемуся здесь социуму, чувство тождественности с ним, т. е. региональную идентичность. Ее природа, в зависимости от теоретико-методологического подхода исследователей, трактуется по-разному. Если объективистски ориентированные ученые (Т. И. Заславская и др.) считают, что эта идентичность «складывается в сознании граждан стихийно, под действием особенностей среды обитания и событий общей истории» [Смирнягин 2011: 183], конструктивистски мыслящие авторы (В. А. Тишков, Е. И. Филиппова, В. Гельман и др.) концентрируют внимание на изучении ее формирования в ходе «многоплановых социальных взаимодействий» [Гельман,

Хопф 2003: 9] и деятельности элит. В то же время ряд социологов стремится интегрировать названные подходы (Л. М. Дробижева, О. А. Богатова, Л. В. Сагитова и др.).

Далее, опираясь на положения ряда теорий, обозначим суть авторского подхода к пониманию региональной идентичности.

Значимые шаги к ее осмыслению были сделаны в социологии пространства Г. Зиммеля, ключевым понятием которой выступило «взаимодействие». Именно в процессе взаимодействия людей на том или ином «куске» пространства, — обобщает тезисы его концепции А. Ф. Филиппов [Филиппов 2000] — оно получает свою определенность и наполненность содержанием и смыслами. И именно в его ходе, цитирует он ученого, рождаются *«те психические силы, которые <...> удерживают вместе жителей такой области»* (курсив мой. — Г. М.).<...> Не пространство, но совершаемое душой членение и сопряжение его частей имеет общественное значение» [Филиппов 2000]. Тем самым немецкий социолог вплотную подходит нас к вопросу о региональной идентичности, важным условием, но не определяющим обстоятельством которой выступает территория.

Оптимальными для изучения региональной идентификации в контексте стратегий элит представляются теоретические подходы, разработанные П. Бергером и Т. Лукманом. Они пишут об идентичности как о «ключевом элементе субъективной реальности», детерминированном «социальной структурой» [Бергер, Лукман 1995: 279] (в нашем случае — разделением по социально-территориальному признаку). При этом, выступая для каждого отдельного субъекта как объективные, сформировавшиеся до его «появления на сцене» [Бергер, Лукман 1995: 41], элементы этой структуры на деле создаются / воспроизводятся в ходе интеракции, благодаря механизмам социального конструирования. И хотя авторы книги не анализировали специально региональные идентичности, а регионаледами даже цитируются их строки: «Пространственная структура здесь нас мало интересует» [Бергер, Лукман 1995: 48–49], — названные положения могут служить ключом к пониманию сути процессов их возникновения и развития.

На основе принципа дополнительности могут использоваться и подходы, разработанные в интегративной теории П. Бурдьё,

согласно которой идентичности формируются в результате взаимовлияния социальных акторов (агентов) и социальных структур, которые реальны именно в силу постоянного производства и воспроизводства в сознании и практиках людей. Ученый также посвятил региональной идентичности отдельную работу, в которой вполне в конструктивистском духе рассуждал о процессах ее создания: «...Исследования „объективных“ критериев „региональной“ и „этнической“ идентичности не должны вести к забвению того, что в социальной практике эти критерии (например, язык, диалект или акцент) являются *объектами ментальных репрезентаций* (курсив мой. — Г. М.)<...>, в которые агенты инвестируют свои интересы и свои представления (курсив мой. — Г. М.)». Они одновременно являются объектами объективированных репрезентаций, выражающихся в предметах (гербы, флаги, значки и т. д.) или действиях, *меркантильных стратегиях символической манипуляции, направленных на детерминацию процесса формирования ментальных репрезентаций этих критериев идентичностей и их носителей* (курсив мой. — Г. М.)» [Бурдьё 2002: 49]. Другими словами, критерии региональной идентичности, как и этнической, хотя и кажутся объективными, на самом деле выражают также интересы и представления самих субъектов. Роль некоторых из них — представителей политической или символической власти, заинтересованных в создании / воспроизведении региональных общностей, обладающих возможностями и владеющих техниками воздействия на других, особенно велика.

Таким образом, подход П. Бурдьё открывает возможности для использования при исследовании региональной идентичности наработок, сделанных как в рамках объективистского, так и субъективистского подходов. В частности, первый из них, связанный с изучением географо-экономических и культурно-исторических характеристик территорий, поможет проанализировать происхождение идей, положенных в основу построения такого рода идентичности, и причины их притяжения либо неприятия относящими себя к соответствующей общности, поскольку «эффект, производимый объективацией в дискурсе», по замечанию П. Бурдьё, зависит от того, «в какой степени <...> члены группы признают этот дискурс и верят в него<...> от экономических и

культурных свойств, которые разделяются членами данной группы...» [Бурдые 2002: 54]. В то же время конструктивистские концепции дают наибольшие эвристические возможности для раскрытия механизмов и приемов воздействия элит на идентификацию социальных субъектов с регионом.

Предпосылки формирования региональной идентичности

Как объективистски, так и субъективистски ориентированные авторы обозначают условия или стимулы формирования региональных идентичностей. Одними они понимаются как изначальные их основания, другими — как повод, отправная точка социального конструирования.

Среди предпосылок становления чувства и осознания тождественности с регионом исследователи выделяют, прежде всего, *единство территории*. На изучении воздействия ее географических характеристик — рельефа, климата и т. д. — на жизнь субъектов, особенности их характера, обычаи и нравы, хозяйственный уклад и даже политический строй концентрировали внимание представители географической школы — Ш. Монтескье, Ф. Ратцель, Э. Рекью. Признавая в их учениях рациональное зерно, отметим, что они абсолютизировали роль данных характеристик в развитии социума.

На тот факт, что совместное проживание на одной территории ведет к складыванию соответствующих социумов, указывали Ф. Теннис, К. Бюхер, Р. Маккензи. Наиболее же глубокий, хотя и не лишенный противоречий, анализ роли пространственно-территориального момента в становлении идентичностей провел Г. Зиммель. С одной стороны, ученый, как отмечалось выше, подчеркивал, что пространство становится значимым только в ходе взаимодействия людей. С другой — оно «добавляет» форму социальным образованиям, обладая чертами уникальности и придавая «характер исключительности» [цит. по: Филиппов 2000] солидарным с ним общностям. При этом он признает, что есть виды взаимодействия, где пространственная форма наиболее важна, а социальные образования выступают как ее «наполнение», являя собой «принципиальную солидарность с пространством» [цит. по: Филиппов 2000]. И хотя ученый приводит в качестве примера такого образования государство, те же ха-

рактеристики с полным правом можно отнести и к региону.

Значимым качеством пространства является, по Зиммелю, *очерченность границами*, которые не столько определяются географическими преградами, сколько формируются усилиями людей. Субъекты в ходе совместной жизнедеятельности разграничивают, структурируют его, в результате чего привязываются к нему, иными словами, оно обретает для них «социальное значение» [цит. по: Филиппов 2000]. В свою очередь, ряд современных авторов, также понимая складывающиеся вокруг той или иной территории социальные отношения как «сложное переплетение индивидуальных жизненных пространств», концентрируют внимание как раз на изучении «личного опыта» индивидов и того, как он соединяется «с коллективным» [Филиппова 2010: 61].

Другие исследователи анализируют сами механизмы очерчивания субъектами, прежде всего политическими акторами, границ, будь то государства или образования внутри него. Возникающее в результате *государственно-административное деление* ведет, по их мнению, к генерированию соответствующих политических субнациональных (региональных) солидарностей. Это становится особенно очевидным в случае «перекраивания» ведущими властными агентами границ территорий либо их «нарезания» заново. «Еще и сегодня нередко, — пишет М. Вебер, — в сугубо искусственно ограниченных политических образованиях возникает у людей специфическое общее чувство <...> Самые схематические политические образования — например, американские «штаты», расчерченные в виде прямоугольников по параллелям, — обнаруживают высокоразвитое осознание своей особенности» [Вебер 2001: 37].

Ученые-инструменталисты, как и конструктивисты, указывают на активную роль в данном процессе политических элит. При этом они раскрывают, каким образом агенты региональной власти с целью легитимации собственной деятельности и реализации властных полномочий создают соответствующие институты — политические, правовые, образовательные, культурные, СМИ — либо используют уже сложившиеся. Данные институты становятся орудием, с помощью которого они производят нормы, правила и ограничения, задающие «стимулы для тех или иных проявлений пове-

дения индивидов и обществ», в том числе, для «проявлений идентичности» [Гельман, Хопф 2003: 12]. И даже в том случае, если элиты не ставят специальной цели формирования региональной солидарности, она становится продуктом их деятельности и начинает «транслироваться» в повседневную практику регионов [Гельман, Хопф 2003: 14], хотя часто эта солидарность является результатом осознанной «политики идентичности».

В то же время сторонники объективистской трактовки региональной идентичности, анализируя влияние на ее содержание государственно-административного деления, подчеркивают, что наличие единых органов власти, институтов, которые направляют политическое, экономическое и социокультурное развитие соответствующих территориальных единиц, не формирует, а лишь способствует закреплению исторически сложившихся общностей со свойственным им коллективным сознанием. При этом и теми, и другими из выделенных групп авторов признается, что на чувстве социально-территориального единства сказываются и конкретные условия развития региона, страны, мира в тот или иной период, в том числе, вес региональных структур и характер их взаимоотношений с центральными.

Регионоведы также подчеркивают значимость *экономических предпосылок* в складывании либо создании региональных идентичностей (Н. В. Зубаревич, В. В. Коротеева, В. В. Маркин, А. Н. Щербак и др.). При этом отмечается, что в индустриальном обществе социальные субъекты непосредственно включены в «производственный процесс, который всегда территориально определен» [Общности социально-территориальные 1998], что ведет к их закреплению на этой территории. Многие современные виды производства уже не зависят от наличия / отсутствия природных ресурсов, высвобождаясь от подобной «привязки». Однако региональные общности выстраиваются теперь уже на основе близости социально-экономических интересов [Коротеева 2000]. Одновременно субъективисты подчеркивают вклад в их осознание / конструирование элит, формирующих у населения понимание уникальности региона, его неординарной роли в экономике.

В качестве значимого обстоятельства формирования чувства тождественности с регионом традиционно называют его *исто-*

рическое прошлое и культуру. По мнению объективистски ориентированных ученых, наличие связанных с территорией древней истории и опыта государственности, традиций и ценностей способствует формированию у проживающих на ней некоторого единства потребностей и интересов, особенностей быта и стиля жизни. Признается, что региональная общность может быть неоднородной в этническом плане, однако представители различных групп постепенно вырабатывают общие нормы социокультурного взаимодействия. Конкретное же соотношение региональных и этнокультурных интересов порождает черты своеобразия локального социума. Конструктивистски мыслящие авторы при этом подчеркивают, что именно местные элиты, «отбирая» фрагменты истории и используя их «сообразно современному контексту» [Шаблей 2009], репрезентируют прошлое и по сути «изобретают традиции» с целью формирования у индивидов чувства региональной общности. Они также рассматривают, как элементы языковой и культурной отличительности используются при производстве и продвижении символов мест и регионов, что, в конечном счете, сказывается на их «образе» в сознании людей.

Усиливающие региональную идентичность факторы и приемы

Среди способствующих большей значимости региональной идентичности **факторов** исследователи чаще всего выделяют следующие:

1) этническая специфика региона. Отличая от соседних, она придает «естественность» соответствующей идентичности, в связи с чем отдельные авторы указывают на важность этнической «гомогенности» территории [Пеньковцев, Шибанова 2007: 177–178] (что, однако, крайне редко встречается в современных условиях). Другие, отмечая, что эта специфика не является ни неперенным, ни достаточным основанием формирования региональной идентичности, признают, что она может усиливать «спрос на последнюю на внешнем и внутреннем рынках» [Гельман 2003: 96];

2) развитость территории в социально-экономическом плане и связанный с этим более высокий уровень жизни населения. Данное обстоятельство побуждает элиты к формированию политики идентичности, причем ими нередко используется «аргу-

мент иждивенчества со стороны более бедных регионов» [Бусыгина 2006: 163]. В последнее время также часто артикулируются наибольшие карьерные и досуговые возможности городов / мест [Флорида 2015]. Все это способствует росту поддержки такой политики со стороны «рядовых» граждан. Однако в отдельных случаях именно низкий экономический потенциал побуждает местные власти активнее включаться в разработку региональной имиджевой стратегии [Богатова 2016];

3) периферийность региона и особое географическое положение. Отдаленность от центра нередко выступает фактором, ведущим к меньшему проявлению чувства принадлежности к стране и усилению локальных точек притяжения; этому может способствовать и наличие внешних границ, особенно если территория переходила от одного государства к другому. Региональные элиты часто используют и особенное местоположение (пересечение Востока и Запада и т. д.), климатические условия как инструмент конструирования локальной идентичности;

4) «стабильность административно-территориального деления» и «степень укорененности населения» региона [Пеньковцев, Шибанова 2007: 178]. Длительно сохраняющиеся границы территорий способствуют формированию у людей веры в их естественность, изначальное (примордиальное) существование соответствующих общностей. Однако характерные для глобализации активные миграционные потоки могут начать размывать сформированную, в том числе в ходе унификационной деятельности элит, этнокультурную гомогенность населения, что, как и социальная гетерогенность, отрицательно сказывается на региональной идентификации;

5) наличие центрального города. Традиционно города были «центрами богатства», а порой обладали и «политической автономией» [Бусыгина 2006: 18]. Вокруг них складывались и складываются устойчивые территориальные связи населения, и многие современные «продвинутые регионы» формируются именно «вокруг крупных (или средних) городских агломераций с быстро растущими пригородами» [Бусыгина 2006: 271];

6) активность элит, совпадение их стратегий с интересами большинства населения. Усилия и воля ведущих агентов региональ-

ного уровня политической иерархии, их умение выгодно представить территорию вовне, выдвинуть и реализовать социокультурные проекты способствуют повышению престижности обладания соответствующей идентичностью. Для успешности осуществляемой политики значимы и их консолидированность, а также умение выразить настроения граждан, когда выдвигаемые идеологии становятся представлениями масс.

В связи с этим нужно отметить, что ту часть стратегии властей, что связана с конструированием образа места и его внешней репрезентацией, обозначают термином «региональный брендинг»; действия же, направленные на формирование территориального сообщества, — «политикой идентичности» [Цумарова 2012: 10–14]. Они неразрывно связаны друг с другом (что отмечают С. Роккан, Д. Н. Замятин, А. В. Мазуренко, В. К. Малькова и В. А. Тишков, Н. Е. Прянишников, М. Ю. Тимофеев, Г. Л. Тульчинский). Изучают во взаимовлиянии «идентичность бренда территории» и идентификацию с регионом населения О. А. Богатова, Н. В. Назукина, О. Б. Подвинцев и др.

Далее, опираясь на работы ученых, концентрирующих внимание на стратегиях региональных политических и символических элит, выделим **приемы** конструирования ими чувства территориальной общности:

1) разработка и закрепление символики региона, официальных ритуалов и традиций. Если регион является собой относительно автономное в политико-административном плане образование, его символы представлены, в первую очередь, в гербе, флаге и гимне. В них репрезентируется неповторимость истории и культуры территории с использованием имевшей место в прошлом эмблематики, знаков и образов, музыкальных фрагментов либо с конструированием новых (Н. В. Петров, Ю. Ю. Росич). Изобретаются и превращаются в «формализованные практики» локальные традиции: торжества, посвященные дням рождения провинций, земель, республик, церемонии инаугурации их глав;

2) формирование этнокультурного образа территории и его продвижение в региональном брендинге. Акцент делается на локальных языковых, конфессиональных особенностях, своеобразии культурного наследия, в которых, в свою очередь, отражается индивидуальность природной и поселенческой среды региона. Языковая от-

личительность нередко закрепляется принятием местных языков в качестве официальных, введением их преподавания в школах. Оригинальность может репрезентироваться и как заключающаяся в мирном сосуществовании этнических групп, языков, конфессий. Этнокультурные символы территорий тиражируются в брендах выпускаемой ими продукции, в названиях спортивных команд (достижения которых также могут использоваться при конструировании регионального имиджа) и т. д.;

3) репрезентация и ритуализация истории региона. При этом имеют место аналогичные выделяемым исследователями национализма (Б. Андерсоном, Э. Геллнером, Э. Смитом и др.) по отношению к государственно-гражданским общностям методы и способы ее включения в конструирование идентичностей. Это поиск древних корней и предков, связей местного населения с народами, родство с которыми на данном этапе может способствовать его возвеличиванию. В случае отсутствия давней истории она может быть создана заново. Среди наиболее часто используемых для сюжетов: связанные с былыми формами государственности регионов и с их «золотым веком» [Гельман 2003: 99], победами над внешним врагом, добровольным либо насильственным присоединением / угнетением [Пеньковцев, Шибанова 2007: 184]. Они формализуются и превращаются в праздничные либо печальные ритуалы и церемонии, призванные консолидировать жителей данной местности [Петров 2003: 139–142]. Кроме того, история персонифицируется, а выделяемые герои идеализируются, и их образы используются в целях формирования регионального патриотизма. Вместе с тем, во внешней репрезентации территории травмирующие смыслы, напротив, исключаются, нивелируются;

4) возвеличивание центрального города, стремление придать ему статус столицы. В связи с этим подчеркиваются преимущества его расположения, многовековая история, наличие высокого экономического, политического, культурного потенциала. Обретение данного статуса влияет на инвестиционную привлекательность территории;

5) насыщение пространства региона многочисленными событиями, организация и проведение мегапроектов (Олимпиад, международных форумов и фестивалей).

Такого рода практики призваны не только привлечь к нему внимание извне, вести к увеличению туристических потоков и развитию местной инфраструктуры, но и способствовать формированию чувства гордости за него у местных жителей.

Основные направления структурирования региональной идентичности, соотношение с другими идентичностями

Общепризнанно, что идентичности формируются в ходе социального взаимодействия, причем не только внутри группы, но и со значимыми Другими. Выбор Других задает, как справедливо замечают В. Гельман и Т. Хопф, «оси ее структурирования» [Гельман 2003: 16]. В качестве такого рода значимых Других применительно к региональной идентичности чаще выделяют: центр, другие регионы и государства.

Отношения «центр—регион» характеризуются разными исследователями как противоречивое единство «общего и особенного», «целого и части», а взаимоотношения их элит — как вечный поиск компромисса. Также отмечается: «То, что выгодно целому, далеко не всегда выгодно конкретным частям» [Бусыгина, Смирнягин, Филиппов 2010: 14], и наоборот. В частности, относительная автономия нередко дает больше возможностей для экономического развития территорий, но при определенных обстоятельствах ведет к распаду страны.

Модели взаимодействия центра и территорий могут быть различными. Рассматривая их на примере Западной Европы, С. Роккан и Д. В. Урвин выделяют: «централизирующие» — ведущие к «первенству только одной области или даже только одного города»; и «стратегии федерального соглашения», связанные с существованием ряда «функционально различных центров» [Роккан, Урвин 2003: 121–122]. Они также отмечают, что региональные политические движения в этих взаимоотношениях часто выступают от лица масс, хотя сами массы не всегда готовы их поддерживать. И все же их дискурс, где центр нередко подается как «чужой», а также постоянная борьба между центральными и региональными элитами за распределение власти, в конечном счете, сказываются на социальных настроениях.

При всех обозначенных противоречиях власти регионов, как правило, ориентируются на центр и стремятся поддерживать с ним тесные контакты. В свою очередь,

центр заинтересован в благожелательном восприятии регионами и старается выстроить с ними ровные отношения, нередко идя на компромиссы, в том числе касающиеся возможностей сохранения региональных идентичностей.

Отношения «регион — другие регионы» чаще являются отношениями конкуренции. Значимыми Другими здесь обычно выступают: «ближайшие соседи», успешные «регионы-маркеры», а также столичный город — ассоциирующийся с центром и являющийся особо развитым в экономическом плане [Гельман 2003: 19]. В состязании с ними формируется образ территории, становятся очевидными его преимущества и слабые стороны. Массы оказываются вовлеченными во взаимодействие элит, что накладывает отпечаток на их идентичности. Наконец, на становлении и развитии чувства региональной общности могут сказываться и отношения территорий с международными социально-политическими субъектами. Некоторые из них оказываются наиболее значимыми, что может быть связано с соседствующим (пограничным) их положением, с этнокультурной либо конфессиональной близостью.

Наконец, тезисно обозначим выделяемые учеными моменты, касающиеся соотношения региональной идентичности с государственно-гражданской, этнической, глобальной и локальной. Что касается первого из них, исследователи подчеркивают, что региональная идентичность в той или иной мере подчинена государственно-гражданской и дополняет [Бусыгина 2006: 161] либо даже укрепляет ее [Смирнягин 2011]. Однако указываются случаи, когда отождествление себя гражданами с регионом противоречит их интеграции в масштабах страны. Это зависит от политических и социокультурных условий, действий центральной и региональной властей, способствующих их наполнению определенным содержанием (Л. М. Дробужева, В. В. Маркин и др.).

Процессы регионализации нередко основываются символическими элитами с помощью идеи развития этносов и их культур. Тем не менее, в некоторых случаях (например, когда есть угроза националистического вектора развития событий) региональные политические институты могут препятствовать попыткам этнических общностей заявить о себе [Гельман 2003: 14]. Тем самым,

этнические и региональные идентичности также находятся в тесном, но не лишенном точек напряжения, взаимодействии.

Существенное влияние на проявление всех названных идентичностей оказывает ситуация глобализации. Согласно теории М. Кастельса [Кастельс 2000], она ведет к унификации образа жизни и культурного потребления и соответственно к нивелировке этнических, региональных, национально-гражданских идентичностей. Однако в противоположность названной действует другая тенденция — их возрождения и конструирования заново. Они становятся ответом вызову сети, глобальной системы, т. е. «идентичностями сопротивления», протеста. При этом также дают о себе знать идентификации с конкретным местом проживания — город, село, улица.

Заключение

Обобщение работ, касающихся теории региональной идентичности, позволило выделить следующие, важные для ее дальнейшего исследования (на примере конкретного региона РФ — Татарстана) моменты.

В трактовке региональных идентичностей обозначаются два основных подхода: объективистский — когда они понимаются как отражение объективно сложившейся социально-территориальной структуры и соответствующей общности людей, и субъективистский — когда они трактуются как конструируемые в ходе социального взаимодействия при особой роли элит. Изучению представлений о республике и тождественности с ней населения в контексте этнокультурного брендинга в наибольшей мере отвечает «умеренный» конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана в сочетании с интегративной теорией П. Бурдьё. Кроме того, важны положения, разработанные в социологии пространства Г. Зиммеля.

Основными предпосылками формирования у людей чувства и сознания региональной общности являются: единство территории и ее очерченность границами (в том числе политико-административными), общие экономические условия жизнедеятельности и историческое прошлое, культура. Факторами, способствующими усилению такой идентичности, могут выступать: этническая специфика региона, относительно высокий уровень жизни в нем и ее качество, особое географическое положение, стабильность административных границ, нали-

чие развитого центрального города и активность элит. Среди приемов воздействия последних на внутрирегиональную солидаризацию населения можно указать разработку и закрепление символики, репрезентацию этнокультурного образа и истории территории, реализацию мега-проектов.

Региональная идентичность развивается в тесном взаимодействии с государственно-гражданской, этнической, глобальной, локальной, на ее содержании сказываются выстраиваемые элитами отношения с центром, другими регионами, со значимыми международными социально-политическими субъектами.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00071а «Брендинг территории в условиях общероссийской интеграции: стратегии формирования этнокультурного образа Татарстана».

Литература

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; Academia-Центр, 1995. 323 с.
- Богатова О. А. Конструирование образов социальной идентичности «финно-угорских» республик Приволжского федерального округа в федеральных периодических изданиях // Вестник Удмуртского университета. 2016. № 2 (26). С. 7–17.
- Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи региона // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 45–60.
- Бусыгина И. М. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия, 2006. 280 с.
- Бусыгина И., Смирнягин Л., Филиппов М. Введение // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сб. докладов. М: МГИМО, 2010. С. 5–23.
- Вебер М. Отношения этнической общности // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 25–44.
- Гельман В. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 91–105.
- Гельман В., Хонф Т. Введение. Центр и региональные идентичности в России: рамки анализа // Центр и региональные идентичности в России. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 7–28.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.
- Коротеева В. В. Экономические интересы и национализм. М.: Изд-во РГГУ, 2000, 249 с.
- Лысенко Е. О. Социально-территориальная общность как субъект экономического поведения. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006. 135 с.
- Общности социально-территориальные // Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 1998 [электронный ресурс] // URL: <https://www.psyoffice.ru/6-619-obschnosti-socialno-teritorialnye.htm> (дата обращения: 19.01.2017).
- Пеньковцев Р. В., Шибанова Н. А. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия — ЕС — США) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. № 3. С. 175–190.
- Петров Н. В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 125–186.
- Роккан С., Урвин Д. В. Политика территориальной идентичности: Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132.
- Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. М: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177–185.
- Тишков В. А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме «культура и пространство» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Р/н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 7–26.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства // Логос. 2000. № 2 (23). С. 113–151 [электронный ресурс] // URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html (дата обращения: 16.01.2017).
- Филиппова Е. А. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.
- Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства // ЛитРес: 29 апреля 2015 [электронный ресурс] // URL: <https://www.litres.ru/r-florida/kto-tvoy-gorod-kreativnaya-ekonomika-i-vybor-mesta-zhitelstva/> (дата обращения: 01.02.2017).

- Цумарова Е. И. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2. С. 5–16.
- Шаблей П. С. Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность // История и современность. 2009. № 2 (10) [электронный ресурс] // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130558/> (дата обращения: 04.01.2017).
- References**
- Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ.; Academia-Tsentr Publ., 1995, 323 p. (In Russ.).
- Bogatova O. A. *Konstruirovaniye obrazov sotsial'noy identichnosti «finno-ugorskikh» respublik Privolzhskogo federal'nogo okruga v federal'nykh periodicheskikh izdaniyakh* [Constructing the images of social identity of 'Finno-Ugric' republics in Volga Federal District in federal periodicals]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* (Bulletin of Udmurt University), 2016, No. 2 (26), pp. 7–17 (In Russ.).
- Bourdieu P. *Identichnost' i reprezentatsiya: elementy kriticheskoy refleksii idei regiona* [Identity and representation: elements for a critical reflection on the idea of region]. *Ab Imperio* (journal), 2002, No. 3, pp. 45–60 (In Russ.).
- Busygina I. M. *Politicheskaya regionalistika: Uchebnoye posobie* [Political regional studies. A textbook]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Press; ROSSPEN Publ., 2006, 280 p. (In Russ.).
- Busygina I., Smirnyagin L., Filippov M. *Vvedeniye* [Introduction]. *Strany-giganty: problemy territorial'noy stabil'nosti. Sbornik dokladov* [The colossus countries: problems of territorial stability. A collection of reports]. Moscow, MGIMO Press, 2010, pp. 5–23 (In Russ.).
- Weber M. *Otnosheniya etnicheskoy obshchnosti* [Ethnic relations of communities]. *Ab Imperio* (journal), 2001, No. 3, pp. 25–44 (In Russ.).
- Gelman V. *Politicheskie elity i strategii regional'noy identichnosti* [Political elites and strategies of regional identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 2003, vol. VI, No. 2, pp. 91–105 (In Russ.).
- Gelman V., Khopf T. *Vvedeniye. Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii: ramki analiza* [Introduction. The center and regional identities in Russia: analysis framework]. *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii* [The center and regional identities in Russia]. St. Petersburg, Moscow; EUSP Press, Letniy Sad Publ., 2003, pp. 7–28 (In Russ.).
- Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura// per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana* [The information age: economy, society and culture. Translation edit. by O. Shkaratan]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2000, 606 p. (In Russ.).
- Koroteeva V. V. *Ekonomicheskie interesy i natsionalizm* [Economic interests and nationalism]. Moscow, Russian State Univ. for the Humanities Press, 2000, 249 p. (In Russ.).
- Lysenko E. O. *Sotsial'no-territorial'naya obshchnost' kak sub'ekt ekonomicheskogo povedeniya. Avtoref. diss. ... kand. sots. nauk* [Socio-territorial unity as a subject of economic behavior. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2006, 135 p. (In Russ.).
- Obshchnosti sotsial'no-territorial'nye* [Socio-territorial unities]. *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian encyclopedia of sociology]. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 1998. Available at: <https://www.psyoffice.ru/6-619-obschnosti-socialno-territorialnye.htm> (accessed: 19 January 2017) (In Russ.).
- Penkovtsev R. V., Shibanova N. A. *Komparativnyy analiz fenomena «regional'noy identichnosti» (Rossiya — ES — SShA)* [Comparative analyses of the regional identity's phenomena (Russia — EU — USA)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Kazan University), 2007, No. 3, pp. 175–190 (In Russ.).
- Petrov N. V. *Formirovaniye regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii* [Formation of regional identities in contemporary Russia]. *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii* [The center and regional identities in Russia]. St. Petersburg, Moscow; EUSP Press, Letniy Sad Publ., 2003, pp. 125–186 (In Russ.).
- Rokkan S., Urvin D. V. *Politika territorial'noy identichnosti: Issledovaniya po evropeyskomu regionalizmu* [Territorial identity policy: studies of European regionalism]. *Logos* (journal), 2003, No. 6 (40), pp. 117–132 (In Russ.).
- Smirnyagin L. V. *Regional'naya identichnost' i geografiya* [Regional identity and geography]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject matter of political analysis]. Moscow, Publ. Office of Institute of World Economy and International Relations (RAS), 2011, pp. 177–185 (In Russ.).

- Tishkov V. A. Tri karty. *Teoriya i obshchie podkhody k probleme «kul'tura i prostranstvo»* [The three maps. Theory and general approaches to the issue of 'culture and space']. *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territoriy, regionov i mest* [Culture and space: historical-cultural brands and images of territories, regions and localities]. Rostov-on-Don, Publ. Office of Southern Scientific Center (RAS), 2012, pp. 7–26 (In Russ.).
- Filippov A. F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. *Logos* (journal), 2000, No. 2 (23), pp. 113–151 (In Russ.). Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html (accessed: 16 January 2017).
- Filippova E. A. *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Identity territories in contemporary France]. Moscow, Publ. Office of Rosinformagrotekh (research institute), 2010, 300 p. (In Russ.).
- Florida R. *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva* [Who's your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life]. Available at: <https://www.litres.ru/r-florida/kto-tvoy-gorod-kreativnaya-ekonomika-i-vybor-mesta-zhitelstva/> (accessed: 1 February 2017) (In Russ.).
- Tsumarova E. I. *Politika identichnosti: politics ili policy?* [Identity — policy or politics?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* (Review of Political Science), 2012, No. 2, pp. 5–16 (In Russ.).
- Shabley P. S. *Simvolicheskie formy reprezentatsii istorii Kazakhstana i sovremennost'* [Symbolic forms in the representation of Kazakhstan's history and modernity]. *Istoriya i sovremennost'* (History and Modernity journal), 2009, No. 2 (10). Available at: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130558/> (accessed: 04 January 2017) (In Russ.).

УДК 316.3

ВЗГЛЯД НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: К ПРОГРАММЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гузель Ильясовна Макарова¹

¹доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация). E-mail: makarova_guzel@mail.ru.

Аннотация. Статья представляет собой обобщение наработанного учеными теоретического материала и уточнение собственной трактовки региональной идентичности, необходимые для подготовки программы массового социологического опроса населения Татарстана.

В трактовке «природы» региональной идентичности существуют два основных подхода: объективистский — идентичности понимаются как отражение объективно сложившейся социально-территориальной структуры и общности людей; и субъективистский — они трактуются как конструируемые в ходе социального взаимодействия при особой роли элит. Изучению представлений о республике и тождественности с ней населения в контексте этнокультурного брендинга территории в наибольшей мере отвечает «умеренный» конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана в сочетании с интегративной теорией П. Бурдьё. Также важны положения, разработанные в социологии пространства Г. Зиммеля.

Среди основных предпосылок формирования региональной идентичности чаще выделяются: единство территории и ее очерченность границами, общность экономических интересов и исторического прошлого, культуры. В качестве факторов, способствующих усилению региональной идентичности, называются: этническая специфика региона, его развитость в социально-экономическом плане, особое географическое положение, стабильность административных границ, наличие центрального города, активность элит. Среди приемов конструирования: разработка и закрепление символики территории, репрезентация ее этнокультурного образа и истории, их закрепление в региональном брендинге, реализация мега-проектов.

Региональная идентичность выстраивается во взаимодействии с государственно-гражданской, этнической, глобальной и локальной идентичностями, на ее содержании сказываются отношения региона с центром, с другими регионами и со значимыми международными субъектами.

Ключевые слова: региональная идентичность, регион, этнокультурный образ, брендинг территории, властные и символические элиты, этническая идентичность, государственно-гражданская идентичность, Татарстан.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Отечественная история

Фионин М. В. Обзор неопубликованных материалов архива востоковедов ИВР РАН по истории коллекции арабо-христианских рукописей антиохийского патриарха Григория IV 2

Ховалыг С. С. Социальная организация традиционного тувинского общества середины XVIII — начала XX вв.: особенности формирования и трансформации 10

Кидирниязов Д. С., Абасова А. А. Подати и повинности у ногайцев в XIX в. 21

Иванова Г. М. Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. 27

Максимов К. Н. От «хрущевской оттепели» к политической реабилитации: восстановление автономии калмыцкого народа 38

Этнология, Антропология

Маничкин Н. А. Некоторые современные магические обряды киргизов в перспективе шаманства 48

Айыжы Е. В. Формы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая 58

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Фольклористика

Надбитова И. С. Художественный мир калмыцких бытовых сказок 67

Литературоведение

Мамиева И. В. Концепты умственной сферы в творчестве К. Л. Хетагурова 75

СОЦИОЛОГИЯ

Макарова Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования 84

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2017. № 1 (29)

Сдано в набор 15.03.2017. Подписано в печать 30.03.2017.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 11,2.
Тираж 300 экз. Заказ 06-17.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНИЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

